

ISSN 2414-5815

ПРАВОВОЕ ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 3 (15)

2019

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2019 № 3(15)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:
В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:
Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахменок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 27.08.2019 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 10,94.
Тираж 100 экз. Заказ 93.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский
государственный университет имени
П.М. Машерова». 210038, г. Витебск,
Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Бочков А.А.** Методологические и правовые основы искусственного интеллекта и робототехники в зарубежных странах и Республике Беларусь 3
- Стаценко В.Г.** Преступность как социальный индикатор 13
- Гуминский М.Н., Сафонова Т.В.** Правовые основы, источники и направления реализации государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков (на примере Витебской области) 18
- Булавка О.А.** Модели обеспечения информационной безопасности в условиях трансформации медиасферы: контуры проблем и пути их решения 24
- Басалай Е.И.** Теоретические и практические аспекты применения презумпции отцовства при установлении происхождения ребенка 28

Э К О Н О М И К А

- Колесникова Н.В.** Предпринимательские сети в сфере сельского туризма 33
- Мелешко Ю.В.** Направления и механизмы трансформации организационно-управленческой структуры производства в контексте новой индустриальной экономики 41
- Сергеевич Т.В.** Итоги и перспективы развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха 51
- Солодовников С.Ю.** Сетевые механизмы инновационного развития: подходы к онтологическому определению 57
- Шостак И.Н.** Анализ факторов, влияющих на бизнес-процессы современной торговой организации 66

П С И Х О Л О Г И Я

- Добровицкая Е.А.** Готовность будущих социальных работников к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды 72
- Соколович Е.А.** Взаимосвязь перфекционизма и личностных характеристик в период ранней взрослости 76
- Петражицкая Е.А.** Будущее в субъективной картине жизненного пути женщин с историей перинатальной потери 82
- Ткач М.Г.** Психологические аспекты понятия «реабилитационный потенциал» лиц с ограниченными возможностями здоровья 88
- Шмуракова М.Е.** Образовательные потребности студентов 93

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2019 № 3(15)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:
V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva,

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Signed print 27.08.2019. Size 60x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 11,63. Publisher's sheet 10,94.
Circulation 100 copies. Order 93.

Publisher and printing performance –
educational establishment “Vitebsk State
P.M. Masherov University”. 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

L A W

- Bochkov A.A.** Methodological and Legal Basis of Artificial Intelligence and Robotics in Foreign Countries and the Republic of Belarus 3
- Statsenko V.G.** Crime as a Social Indicator 13
- Guminski M.N., Safonova T.V.** Legal Bases, Sources and Directions of the Implementation of the State Information Policy in the Sphere of Combating Illegal Drug Trafficking (the Example of Vitebsk Region) 18
- Bulavka O.A.** The Models of Ensuring Informative Security in the Conditions of Media Sphere Transformation: Contours of the Problems and the Ways of their Solution 24
- Basalai E.I.** Theoretical and Practical Aspects of the Application of the Presumption of Paternity in Establishing the Origin of the Child 28

E C O N O M I C S

- Kolesnikova N.V.** Entrepreneurial Networks in Rural Tourism 33
- Mialeshka Yu.V.** Directions and Mechanisms of Transformation of the Organizational and Management Structure of Production in the Context of the New Industrial Economy 41
- Serhiyevich T.V.** Results and Prospects of the Development of the Production of Textile, Clothing, Leather and Fur Products 51
- Solodovnikov S.Yu.** Network Mechanisms of Innovative Development: Approaches to the Ontological Definition 57
- Shostak I.N.** Analysis of Factors Affecting the Business Processes of a Modern Trade Company 66

P S Y C H O L O G Y

- Dobrovitskaya E.A.** Readiness of Would-be Social Workers for Tolerant Interaction in Conditions of Inclusive Environment 72
- Sokolovich E.A.** Interrelation of Perfectionism and Personal Characteristics in the Period of Early Adulthood 76
- Petrzhitskaya E.A.** The Future in the Subjective Picture of Life of Women with a History of Perinatal Loss 82
- Tkach M.G.** Psychological Aspects of the Concept of Rehabilitation Potential of People with Health Limitations 88
- Shmurakova M.** Educational Needs of Students 93

Методологические и правовые основы искусственного интеллекта и робототехники в зарубежных странах и Республике Беларусь

Бочков А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Вопросы методологического исследования и внедрения искусственного интеллекта и робототехники имеют стратегическое значение для судьбы Республики Беларусь и каждого ее гражданина.

Цель статьи – изучение методологических вопросов искусственного интеллекта и робототехники и их правового регулирования.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужили доктринальный и законодательный аспекты проблемы, включающие нормативные правовые акты зарубежных государств и Республики Беларусь, регулирующие искусственный интеллект и робототехнику, монографии и научные статьи. Основными методами изучения выступили диалектико-материалистический, методы компаративистики, толкования норм права, системного анализа и правового моделирования.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются методологические вопросы применения искусственного интеллекта, открывающие огромные позитивные возможности для общества и человека и одновременно порождающие трудности, проблемы и риски, требующие нравственно-правового регулирования.

Заключение. Недостаточная разработанность и перспективность темы искусственного интеллекта и робототехники требуют создания правовой доктрины в рамках роботоправа и специального законодательства.

Ключевые слова: интеллект, искусственный интеллект, робототехника, робот, информационно-коммуникационные технологии, правовая доктрина, правовое регулирование, роботизированный агент, квазюридическое лицо.

Methodological and Legal Basis of Artificial intelligence and Robotics in Foreign Countries and the Republic of Belarus

Bochkov A.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

Issues of methodological and legal research and implementation of artificial intelligence and robotics are of strategic importance for the destiny of the Republic of Belarus and each of its citizens.

The purpose of the article is to determine the features of the development and legal regulation of artificial intelligence and robotics.

Material and methods. The material for the study was the doctrinal and legislative aspect of the problem, including normative legal acts of foreign States and the Republic of Belarus regulating artificial intelligence and robotics, monographs and scientific articles. The main methods of research were dialectical-materialistic, methods of comparative studies, interpretation of law, system analysis and legal modeling.

Findings and discussion. The article deals with the methodological issues of artificial intelligence application, which create huge positive opportunities for society and man at the same time generating difficulties, problems and risks that require moral and legal regulation.

Conclusion. Insufficient development and prospects of the topic of artificial intelligence and robotics require the creation of a legal doctrine within the framework of robotics and special legislation.

Key words: intelligence, artificial intelligence, robotics, robot, information and communication technologies, legal doctrine, legal regulation, robotic agent, quasi-legal person.

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно вторгается в нашу жизнь, революционно меняя прежние социально-правовые представления и стереотипы. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» относит к VI технологическому укладу следующие технологические направления: нано, генно-инженерные, клеточные, аддитивные, искусственного интеллекта.

Это процессы объективные, глобальные, прогрессивные, мировые. Они делают нашу жизнь более рациональной, просчитанной, стремительной, комфортной. Пространство государства расширяется до масштабов планеты Земля и даже Вселенной, уплотняется и ускоряется время, повышается ответственность и уменьшаются временные сроки на принятие решений и их реализацию, изменяются содержательные характеристики субъектов права [1, с. 81–83]. Эти процессы нельзя запретить, сдерживать даже на уровне государства, мирового сообщества, но их можно направлять в позитивное русло. Обилие информации превращает общество в общество знаний, возможностей, риска и непредсказуемости.

Появление и использование ИИ можно рассматривать как закономерный, прогрессивный этап развития цивилизации, захвативший мировое сообщество, комплексно пронизывающий все отрасли хозяйства, сферы общественной жизни и социальные слои и изменивший обучение, структуру профессий, уровень запросов и предпочтений населения. Цифровая революция существенно преобразует государство, право и личность [2]. В связи с появлением новой цифровой реальности некоторые авторы говорят о создании предпосылок перехода к новой общественно-экономической формации, формировании многомерного миропонимания и мировоззрения, создании сквозных циклических правовых массивов [3, с. 90–91].

Цель работы – изучение методологических вопросов искусственного интеллекта и робототехники и их правового регулирования.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе диалектико-материалистического, компаративистского методов, метода системного анализа и толкования норм права. Объектом изучения был искусственный интеллект и робототехника, предметом – доктринальный и законодательный аспекты рассматриваемой проблемы.

Результаты и их обсуждение. Это техническое осуществление многовековой мечты человечества, направленное на интеллектуальную, физическую, психическую, творческую реализацию потенциала *homo sapiens*, стремящегося улучшить,

облегчить и продлить жизнь, создать комфортные условия для своего существования. ИИ и робототехника способны повысить эффективность и сократить затраты производства, избавить человека от тяжелых, опасных условий труда.

Еще французский медик и философ-материалист Ж.О. де Ламетри (1709–1751) в работах «Человек – растение», «Человек – машина» рассматривал человеческий организм как самостоятельную заводящуюся машину, подобную часовому механизму.

Талантливые литераторы Г. Уэллс, М.А. Булгаков, А.Н. Толстой, Э. Ионеско пытались через научно-фантастические, мистические романы, театр абсурда передать таинственную человеческую душу, проникнуть в лабиринты сознания и раздвинуть его горизонты. Чешский писатель, прозаик и драматург К. Чапек (1890–1938) в научно-фантастической пьесе «Россумские универсальные роботы» называет «искусственных людей», созданных на фабрике, роботами. В пер. с чеш. *roboti* означает «каторга», «тяжелая работа», «барщина». В пер. с болг. *роб* означает раб. Американский биохимик, писатель-фантаст А. Азимов (1920–1992) в научно-фантастическом рассказе «Робби» писал об интеллектуально-антропоморфных роботах.

Считается, что термин «искусственный интеллект» (*artificial intelligence*) ввел в научный оборот на семинаре по исследованию методов решения логических задач американский информатик, профессор Пристонского и Стэнфордского университетов Дж. Маккарти (1927–2011) в 1956 г. Сама же история вопроса уходит в глубокую древность и начинается чуть ли не с древнегреческого поэта Гомера (VIII–VII вв. до н.э.), который в поэме «Илиада» писал об искусственных людях – золотых служанках, подобных живым девам.

Являясь порождением технического прогресса, творческого гения человека, эпоха умных машин ускоряет темпы развития общества, повышает его эффективность и непредсказуемость.

Разработка и применение ИИ в современных условиях – это главное поле конкурентной битвы государств за «место под Солнцем» в научной, военной, космической, промышленной и сельскохозяйственных сферах. Его использование – вопрос сохранения национального и государственного суверенитета, повышения материального и культурного благосостояния граждан, выживания человечества в условиях усиления антропогенного давления на природу. Многие современные процессы, вызванные информационным бумом, связанные со стохастическим характером развития общества, растущей нестабильностью в мире, невозможны без широкого привлечения передовых технологий, требующих

новых правовых решений. Облачные, туманные, квантовые вычисления, обработка интеллектуальных баз данных больших объемов, распространение мобильности, виртуальная, дополненная реальность нуждаются в применении ИИ. Например, растущий глобальный рынок использования нейроимплантов в медицине к 2025 г. достигнет 52,28 млрд долларов [4, с. 82].

В условиях цифрового взрыва, уменьшения природных запасов на планете Земля, роста техногенных катастроф, депопуляции коренного населения европейских стран, ослабления генетических, биологических и физических свойств человеческого организма в условиях стрессов, гиподинамии, ускоряющегося ритма жизни, глобальных мировых вызовов – только человеческий разум в союзе с искусственным интеллектом в состоянии дать ответы на вызовы времени. В настоящее время – это самое перспективное и окупаемое вложение человеческого и финансового капитала. Тот, кто владеет ИИ, будет владеть миром. В 2019 г. объем мирового рынка робототехники составляет 135 млрд долларов [5]. Планируется, что к 2025 году искусственный интеллект принесет миру прибыли более чем 50 триллионов долларов [6].

Стремительно развивается робототехника в Южной Корее, Японии, США, КНР, Индии, Великобритании, Финляндии. В США этими вопросами занимается Массачусетский технологический институт, Исследовательский институт машинного интеллекта, в Японии – Национальный институт современной науки и технологий, в Индии – Индийский технологический институт в г. Мадрасе, в Германии – Немецкий исследовательский центр искусственного интеллекта, в РФ – научный совет по методологии искусственного интеллекта РАН. Китай считается мировой фабрикой по производству и внедрению промышленных роботов. В 2017 г. Госсовет КНР опубликовал «Программу развития искусственного интеллекта нового поколения». В КНР предусмотрен наибольший среди всех стран мира рост вложений в эту сферу от 22,8 млрд долларов в 2020 г. до 60 млрд в 2025 г. и 150 млрд в 2030 г. [7]. Больше всего компаний, которые занимаются разработкой роботов в настоящее время, приходится на США.

Южная Корея – признанный лидер по использованию роботов в промышленном производстве. В 2007 году в стране принят этический устав роботов, в 2008 году закон «О содействии развитию и распространению умных роботов» (ред. 2016 г.), выделена специальная территория «Роботлэнд», создан Корейский институт содействия индустрии умных роботов. Это позволило увеличить производство умных роботов в 2016 году на 80% и принесло доход в 4 миллиарда долларов [8].

Символично, что в Саудовской Аравии в 2017 году роботу-андроиду «Софии» предоставили подданство с получением гражданства и вручением паспорта [9]. Серьезных достижений добились страны бывшего СССР: Российская Федерация, Республика Беларусь, Казахстан, Украина, Армения, Азербайджан.

Если в 2017 г. российский рынок ИИ и машинного обучения составлял 700 млн рублей, то к 2020 г. он возрастет до 28 млрд рублей. Наибольшую активность проявляют банки, энергетические, газовые, нефтяные компании (Сбербанк, Газпром, Северсталь, МТС), финансовые организации, телекоммуникации. Например, Сбербанк РФ в 2017 г. сократил 450 юристов, готовящих иски. Этому способствовало использование в юриспруденции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в частности нейронной сети, которая, по мнению руководства банка, готовит иски лучше, чем профессиональные юристы [9, с. 37].

Трансгуманистическая декларация (1998, 2002) призывает к систематическим исследованиям в области передовых технологий с целью расширения умственных и физических способностей человека. Трансгуманизм защищает право на жизнь всех высокоразвитых существ, обладающих чувственным восприятием, включая человека, животных и организмы с искусственным интеллектом. Декларация направлена на использование генной инженерии, робототехники, биотехнологий с целью преодоления ограниченных возможностей физического тела.

ИИ во много раз расширяет когнитивные, праксеологические, эвристические возможности человека, раскрывает его природные, телесные задатки и умственные способности. Это своеобразная цифровая платформа для передовых технологий в прорывных областях жизнедеятельности, электронный помощник, советчик и даже собеседник. Вместе с тем для общества, находящегося в точке бифуркации, синергетического, вероятностного развития, спонтанное, не просчитанное использование ИИ, действующего вне моральных и правовых рамок, может породить колоссальные издержки и неприятности. Будучи сферой огромных возможностей и рисков, надежд и опасностей, его применение требует тщательной оценки положительных и негативных сторон, учета социально-правовых последствий.

Преимущества ИИ одновременно порождают трудности и проблемы. Не просчитаны социальные, нравственные, экономические и правовые риски. Одна из них – замена работника на робота в связи с ростом интеллектуализации и технизации труда, превращение человека в робото-

машину. 90% всех профессий нуждаются в базовых цифровых навыках. Труд требует все больших интеллектуальных и психических усилий, выматывая человека физически и нравственно, роботизируя (робот) и работизируя (раб) его, подчиняя машине, превращая в ее придаток. Последствия – депопуляция, десекуализация населения, психические болезни, падение интереса к жизни.

Значительные изменения происходят в сфере семейного права. Использование искусственной секс-индустрии, секс-роботов ставит под угрозу семейные ценности и способствует отмиранию традиционного института брака (гостевые браки, однополые браки, гражданские браки, неполные семьи, бездетные семьи, однопотные семьи, нежелание создавать семью и т.д.) [10, с. 51].

Широкое применение информационно-коммуникационных технологий, роботов на производстве ведет к «вымыванию» неквалифицированного, малоквалифицированного и среднеквалифицированного труда, способствует росту безработицы и социальной напряженности. Данные социальные последствия объективно сдерживают развитие робототехники, порождая в умах своеобразный луддизм. Так, автоматизация производства в Южной Корее привела к массовому сокращению рабочих мест и появлению 1,17 миллиона безработных. Компенсировать социальные потери должен принятый в 2017 г. налог на доходы, приносимые трудом роботов. Введение автоматизированной охранной системы в РФ может высвободить 1,5 млн человек, выполняющих эти функции. К 2025 г. треть традиционных рабочих профессий в мире будет занята роботами. К 2025 г. – 7% американцев, к 2026 г. – 40% канадцев, к 2035 г. – 50% японцев благодаря труду роботов останутся без работы. Поэтому некоторые авторы предлагают законодательным путем определить сферы производства, где в скором времени будут задействованы роботы [4, с. 83]. Одновременно растет спрос на высококвалифицированные ИТ-кадры. К 2020 году дефицит специалистов ИКТ в мире составит порядка 825 тысяч [11].

Это потребует создания компенсационных фондов, переобучения, повышения квалификации и в конечном итоге преобразования системы образования, которая становится все более ИТ-направленной. Данные процессы порождают изменение законодательства в трудовой сфере, социальном обеспечении, области образования, здравоохранении.

Реальную опасность представляют несанкционированное проникновение, взлом, блокировка, отключение «электронных мозгов» инфраструктуры производственных комплексов, отраслей хозяйства, городов, государств, что

ведет к нарушению, сбою, коллапсу функционирования систем безопасности, энергоснабжения, финансов, платежей, жизнеобеспечения.

Существует реальный риск нарушения прав других граждан с использованием ИИ, вторжения в их частную жизнь и несанкционированного обнародования персональных данных. Применение передовых технологий делает жизнь человека все более прозрачной и открытой. (Возможность управления компьютером, ноутбуком извне, с помощью вируса, «шпионской» программы, использование информации, снимков для дискредитации, шантажа и т.д.) С помощью фиксации цифровых, информационных следов, мобильной связи можно определить местонахождение, действие, пристрастие, круг интересов человека и создать его психологический портрет.

Новые технологические решения порождают новые виды киберпреступлений. Существует опасность использования ИИ в террористических целях, развязывания кибервойн, организации мошенничества, вымогательств и других видов преступлений и проступков, что диктует опережающее развитие уголовного, административного, гражданского, финансового, налогового законодательства. Растущая опасность требует активизации работы отделов УВД по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий.

Это приоритетное, стратегическое направление деятельности, нуждающееся в создании условий наибольшего благоприятствования, включающего материально-техническую, финансовую, кадровую поддержку государства и гражданского общества. Вместе с тем она должна развиваться в строгих правовых рамках, соответствовать системе общечеловеческих духовно-нравственных, религиозных ценностей и норм гуманитарного права. В противном случае возникает опасность создания хорошо вооруженных сверхразумных машин-чудовищ, обладающих иезуитским, макиавеллистским сознанием, подобных гоббсовскому Левиафану, использующему гиперболический инжинера Гарина для воплощения самых бесчеловечных планов.

А. Азимов (1920–1992) еще в 40-х годах XX века сформулировал этические законы действия роботов:

- не причинять вред людям;
- выполнять приказы, если они не связаны с нанесением вреда человеку;
- приносить пользу человечеству;
- заботиться о своей безопасности, если это не противоречит первому и второму законам.

Американский профессор М. Ротенберг дополнил их гласностью, открытостью, персонифицированностью, публичностью деятельности робота [8].

Этические принципы гуманной робототехники: делай благо, не навреди, уважай человеческое достоинство, равноправие, справедливость, защита личной жизни, социальная ответственность.

Пока нет ответа на казалось бы простейший вопрос: «Как внести в программу беспилотного автомобиля такие параметры, которые бы позволили в ситуации риска ДТП принять правильное решение, руководствуясь не только техническими факторами, величиной материального ущерба, но и правовыми и моральными нормами?». Реальную правовую проблему уже сейчас могут создать обычные электровелосипеды, электро-самокаты, на которых можно ездить по пешеходным тротуарам без прав со скоростью до 60 км/ч. В ФРГ уже ограничили их скорость до 20 км/ч.

Глобальный конфликт культуры и цивилизации находит проявление в росте технизации человека, утрате духовно-нравственных, эмоциональных качеств (веры, сострадания, совести, справедливости) и интеллектуализации компьютерного устройства, все в большей степени использующего свойства человеческого разума. Преодоление конфликта – насущная задача выживания человечества. В противном случае, техника в руках дикаря может превратиться в кусок железа или смертоносное, неуправляемое оружие.

Разработка и внедрение ИИ и робототехники должны происходить в рамках новой междисциплинарной дисциплины, объединяющей технические, естественные науки, юриспруденцию, этику, психологию, социологию. Основой являются технико-юридические и технико-нравственные правила.

ИИ, робот – понятия синонимичные, но не однозначные, когда первое – начинка, «мозги» второго. ИИ способен мониторить политическую, экономическую, социальную, техническую сферы, диагностировать болезни, анализировать и классифицировать информацию, создавать образовательные цифровые платформы с машинным обучением (электронные школы, колледжи, вузы, электронная педагогика, гибридная система образования). Он наделяет интеллектуальным содержанием многие области научной, военной, производственной, сельскохозяйственной, культурной жизни.

Право силы способствует его применению, прежде всего, в военной сфере: системе распознавания целей, определении «свой-чужой» (транспондеры), ПРО, лазерном (боевой лазер), магнитном, гиперзвуковом, климатическом оружии, подводных лодках, кораблях и самолетах «невидимки». Широко используются боевые роботы, удаленные пилотируемые воздушные системы (УПВС) – дроны, беспилотные летательные аппараты (БЛА), автономные летательные боевые комплексы (АЛБК), планируется управление ору-

жием через систему сенсорных датчиков, встроенных в шлемофоны военных и др. Вместе с тем растет степень автономности, бесконтрольности роботов (особенно в условиях сбоя программ), в принятии решений без человека, что ведет к нарушениям норм гуманитарного права (бесконтрольные бомбардировки, убийства мирных жителей, военнослужащих своей армии) [12]. Выставка вооружений и современной военной техники Milex-2019 в Минске показала большие достижения белорусского ВПК в военной сфере. Только в 2018 г. экспорт вооружений из Беларуси составил свыше 1 млрд долларов.

Благодаря рациональному использованию ИИ создаются умные города, обладающие развитой инфраструктурой и комфортными условиями жизни, а в перспективе – умные государства с умным правом (своеобразный «Город Солнца», о котором мечтал философ-утопист Т. Кампанелла еще в 1623 г.). Термин «умный город (smart city)» становится широко распространенным в мире и включает умное управление, экономику, финансы, инфраструктуру, логистику, среду обитания, умных жителей, умный дом. Новые технологии применяются в программе «Чистый город», для очистки воды, переработки мусора (в 2019 г. в Гомеле наладили переработку 100 тонн мусора в сутки), в системе точного земледелия (IT-навигация, использование мобильного приложения к смартфонам) и т.д. Все это требует оптимального правового сопровождения.

Важно выяснить правовую природу роботов, их юридическую форму и содержание, правовые аспекты поведенческой деятельности: общество-робот, человек-робот, робот-робот. Прежде чем говорить о правовом статусе искусственного интеллекта, необходимо определить его правовую структуру.

ИИ – многоаспектный, междисциплинарный и многофункциональный институт, который изучает нейрофизиология, эпистемология, этика, социология, философия, когнитивная психология, юриспруденция, естественные, технические науки.

Проблема недостаточно разработана в юридической науке как с точки зрения определения, содержания, последствий, так и направлений правового воздействия. Судебная практика уже столкнулась со сложностью рассмотрения данных категорий юридически значимых дел, отсутствием нормативного регулирования, неопределенностью понятий, отсутствием наработанной практики. Это обусловлено отсутствием четкой методологической позиции. Сочетание естественнонаучных и гуманитарных методов: структурализма, анализа больших чисел, конструктивизма, системного, синергетического анализа, аксиоло-

гического, антропного, феноменологического, праксеологического, экзистенциального подходов поможет воспроизвести объективную картину настоящего и будущего. Нужно разработать методику и средства структурирования и формализации знаний, осуществить перевод их в практическую плоскость.

Необходимо создать юридическую доктрину, которая бы послужила основой для исследования, применения, межотраслевого нормативно-правового регулирования в реальном и виртуальном мире. Она должна включать точное понятие ИИ и робототехники, их сущность, содержательный аспект, правовую оценку, компаративистский анализ законодательства различных стран, правовую политику этого направления, стратегию, правовые принципы, пределы, механизм правового регулирования, субъективные права и юридические обязанности, юридическую ответственность. Нормы, связанные с авторским и смежными правами, интеллектуальной собственностью, правом промышленной собственности, правом на топологию интегральной микросхемы (гл. 60–66 ГК Республики Беларусь), требуют актуализации и совершенствования. Следует рассмотреть вопросы возможности дополнения авторского, патентного права на продукты интеллектуальной деятельности, связанные с использованием ИИ и робототехники. В правовой защите нуждается авторское право ИИ на: идеи, разработки, их программное воплощение, применение и т.д., особенно если это творчество коллективного разума и труда, опирающегося на прошлый опыт, где сложно определить вклад каждого создателя. В цифровом, электронном обществе существует проблема конфиденциальности, сохранения научной и промышленной тайны, борьбы с плагиатом, реерейтингом. Ослабление связи между субъектами права и машиной, рост ее самостоятельности ставит вопрос принадлежности авторского права на произведение, созданное машиной.

Отсутствие общепризнанного определения связано со сложностью и многоаспектностью феномена в теоретическом и практическом плане, наличием множества концепций и точек зрения. Для юридического регулирования необходима четкость определения понятий, так как их неоднозначность, размытость, оценочный характер создают различные толкования и препятствуют объективному и справедливому решению.

Юриспруденция должна давать ответы на вызовы времени. Деятельность новых субъектов права (электронных лиц, юнит искусственного интеллекта, роботов-агентов, «претендующих» на собственную правосубъектность), существующих в виртуальной, дополненной, преобразованной

реальности, возникновение новых видов правоотношений ставит вопрос создания роботоправа (Robot Law, машинного права) в рамках цифрового, информационного права. Это требует обновления законодательства и издания закона, регулирующего ИИ и робототехнику. Необходимо определиться с целесообразностью наделяния автономных роботов особым правовым статусом. Оправдано ли их рассматривать в качестве аналога электронной личности либо юридического (квазигирического) лица с правами и обязанностями, обладают ли они гирическими свойствами человеческого двойника?

Существуют различные подходы определения правового статуса автономного робота:

- 1) объект правоотношений – имущество особого рода (источник повышенной опасности);
- 2) физическое (электронное) лицо;
- 3) гирическое лицо.

Пока на практике ИИ, робот, результаты его деятельности – это объект гражданских правоотношений, имущество, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Решение проблемы требует создания новой конвенциональной теории (метатеории) и законодательного закрепления результатов. В большинстве развитых стран существуют документы стратегического и программного направления развития ИИ и робототехники, требующие конкретизации в специальном законодательстве. Пока можно говорить о пробелах правового регулирования в сферах разработки, производства и использования ИИ. Если в ФРГ, Эстонии, Швейцарии, Голландии, Греции, Китае законодательно разрешен допуск беспилотного транспорта на дороги общественного пользования, то в странах бывшего СССР (включая Российскую Федерацию, Республику Беларусь) существует запрет. Проведение социально-правового эксперимента, принятие модельного закона – направление решения проблемы.

Европарламент 16 февраля 2017 года принял Резолюцию «Нормы гражданского права о робототехнике» [13].

Предусмотрено создание специализированного Европейского агентства по робототехнике и искусственному интеллекту. Планируется разработать хартию робототехники, ввести особый реестр для регистрации сложных роботов. Роботам будет присваиваться индивидуальный регистрационный номер, который занесут в специальный реестр. Еврокомиссия призвала признать за сложными роботами, самостоятельно принимающими решения, статус электронного лица и возложить на них ответственность, прежде всего для беспилотных автомобилей, за возмещение причиненного ущерба.

В Российской Федерации разработана концепция закона о роботах, где вводится понятие «роботизированный агент», совпадающее с определением юридического лица и имеющее все его признаки, кроме организационного единства (обладание обособленным имуществом, свойство отвечать по своим обязательствам, способность от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде) [9]. Планируется включить в ГК РФ главу, регулиющую статус «роботизированных агентов» (И.А. Филипова). При определении правосубъектности роботов есть предложение наделять их правовым статусом квазисубъекта [14].

Предполагается зарегистрировать роботов в Едином государственном реестре роботизированных агентов. Пока регистрация не проведена, ответственность за его действия несет владелец. Под владельцем роботагента понимается юридическое лицо, гражданин или иной роботизированный агент, использующие последнего на праве собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, аренды или других законных оснований [11].

Роботизированный агент имеет право электронной подписи, признается действующим от своего имени. Он может самостоятельно представлять свои интересы в гражданском обороте в рамках заложенной компьютерной программы. Робот определяется как устройство, способное самостоятельно действовать, устанавливать направленность активности, оценивать достижения в результате обработки информации, поступающей из внешней среды [11].

Концепция закона проходит обсуждение и юридическую экспертизу в различных юридических структурах.

Разработка и применение роботов требуют решения многих социальных, правовых, материальных и технических вопросов. В качестве примера можно привести правовую проблему их использования, возникшую в США. Согласно законодательству исполнители живой музыки в ресторане должны платить налоги. Если робот самостоятельно (вне рамок заданной программы) создает и исполняет там живую музыку, должен ли он платить налоги? Если создает сам – то должен, если просто исполняет как автомат – то нет. Пока же робот в американском праве трактуется как программируемая машина, выполняющая волю человека.

В настоящее время специального международного и национального законодательства, регулирующего ИИ и робототехнику, нет. Оно отсутствует в США, ЕС, РФ, Республике Беларусь. Резолюция Европарламента по робототехнике – это

пока предложение о намерениях.

Непростой вопрос – создание общего или специального законодательства. Не решена проблема юридической ответственности сложных роботов (боевых систем, беспилотных автомобилей, воздушных и морских судов, приборов, осуществляющих диагностирование человека, выполняющих сложные хирургические операции). Законом не установлено, кто будет отвечать за действия робота, самостоятельно принимающего решение? Владелец, производитель, программист, сам робот? Проблема определения субъекта юридической ответственности ИИ усложняется тем, что одно лицо создает систему, другое – программирует, третье – обслуживает, четвертое – владеет, пятое – использует. Часто ответственность – солидарная, где степень вины каждого лица трудноопределима. Ввиду автономности, самостоятельности робота сложно установить причинно-следственную связь между противоправным деянием человека, робота и противоправным (ущербным) результатом. Следует законодательно предусмотреть наличие обязательной страховки, создание обязательного и добровольного фондов для компенсации ущерба от действия роботов, существующих за счет отчислений от производителей роботов и добровольного страхования. Нужно создать дополнительную систему обеспечения функционирования медицинских и технических устройств с ИИ в случаях их отключения, сбоя. Это требует независимых доверенных организаций, которые могут обеспечить сохранение работоспособности носимых человеком жизненно важных продвинутых медицинских устройств (представление программ, кодов имплантатов, защита этих систем от взломов, выключений и т.д.). Необходимо запретить боевых роботов, способных самостоятельно принимать решения.

Среди обсуждаемых предложений – приравнять автономных роботов к юридическим лицам, создать специальный реестр роботов, аналогичный единому государственному реестру юридических лиц.

Производитель роботов должен нести такую же ответственность, как владелец источника повышенной опасности. Д. Гришин, разработчик законопроекта в РФ, предлагает ввести ответственность владельца или производителя в зависимости от типа робота. Если робот изначально несет опасность и владелец об этом предупрежден, то отвечать будет владелец, если неопасный робот (пылесос, посудомоечная машина) причинил вред, то отвечать будет производитель. Ответственность напрямую связана с автономностью робота. Чем автономнее робот, тем мень-

шую ответственность должен нести владелец, а большую производитель. Непростым вопросом является налогообложение производителей и владельцев роботов. Он должен учитывать как создание максимально благоприятных условий для разработки и использования (включая освобождение от налогов на определенный период времени), так и взимание отчислений в фонды социального страхования (пенсионный, медицинский). Собственники роботов, квалифицированных как источники повышенной опасности, должны иметь обязательный страховой полис.

Нужно разрабатывать только те направления робототехники (в быту, промышленности, сельском хозяйстве), которые можно безопасно использовать. При расследовании инцидентов необходимо предусмотреть получение информации, связанной с доступом к коду, для анализа происходящих процессов и истории робота обращение к «черному ящику». Необходимо законодательно закрепить возможность отключения робота в случае возникновения опасной ситуации с помощью «красной кнопки». Система национальной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций должна иметь превалирующее значение перед правом частной собственности владельца.

Задача робототехники – дополнить возможности человека, но не заменить его. Человек контролирует робота. Тестирование, сертификация и выпуск роботов должны происходить в соответствии с разработанными стандартами, правовыми и этическими нормами. Только сертифицированная продукция получает право на применение.

Необходимы четкие правила взаимодействия человека с роботами. Пока же гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный роботом, лежит на его владельце как владельце источника повышенной опасности.

Принципы: предсказуемость, направленность, объективный характер ответственности, управление рисками. Объективность ответственности – это причинно-следственная связь между функциями робота и вредом, нанесенным потерпевшей стороне. Управление рисками – ответственность возлагается на лицо, которое при определенных условиях могло минимизировать риски, учесть негативные последствия и не сделало этого. Чем выше уровень автономности робота и дольше он обучался, тем большую ответственность должен нести человек, который его обучал. Частичное освобождение от ответственности производителя, разработчика, владельца или пользователя роботом происходит при условии, если они совместно страхуют ответственность и вносят средства в компенсационный фонд. Окончательно не решен вопрос суммы и времени

оплаты: или единый взнос, при введении робота в гражданский оборот, или на протяжении всего срока действия робота.

В США принят стандарт «Robots and robotic devices. Safety requirements for personal robots», ISO 13482: 2014.

Цели, принципы, задачи, направления и механизмы сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в области цифрового взаимодействия определены в документе «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», вступившем в силу 10 ноября 2017 года. Документ подчеркивает, что цифровые активы для цифровой трансформации отраслей экономики могут строиться на основе новых бизнес-моделей и технологий, включающих искусственный интеллект.

В Российской Федерации робототехника регулируется национальным стандартом «Роботы и робототехнические устройства. Требования по безопасности для роботов по персональному уходу» (ISO 13482: 2014, IDT) М.2016. Российские юристы активно обсуждают проект «Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта». Рассматривая роботов как один из видов киберфизических систем авторы конвенции выражают обеспокоенность отсутствием общих договоренностей и правил для роботов с повышенной опасностью, способных причинить вред значительному количеству людей [15]. Они предлагают учитывать риски, вызовы и угрозы, необратимые последствия для общества. В качестве субъектов робототехники рассматриваются исследователи, разработчики, лица, финансирующие исследования и разработки в этой сфере, производители, собственники, владельцы, операторы роботов, органы государственной власти, любые регулирующие органы, лица, взаимодействующие с роботами и киберфизическими системами, в т.ч. с ИИ.

Концепцией не допускается создание роботов, способных по собственной инициативе причинять вред человеку и человечеству, а также своим бездействием допускать такой вред. Информация, которую несет робот для человека, должна быть открытой и легко доступной любому субъекту робототехники. Роботы должны быть оснащены системой защиты от несанкционированного физического и электронного проникновения. Необходим контроль человека за созданием и деятельностью робота. Информация должна храниться в «черном ящике», для аварийного отключения следует предусмотреть «красную кнопку». Авторы конвенции предлагают

рассматривать роботов как самостоятельных лиц в гражданском обороте, которые могут выступать собственниками других роботов [15]. Отдельные статьи Модельной конвенции касаются ограничений при использовании военных роботов. В РФ в рамках проекта «Право Роботов» готовится КиберКодекс, который был представлен на конференции в Сколково в апреле 2017 г.

В пределах единого цифрового законодательства необходимо специальное правовое сопровождение создания и использования ИИ (роботов). По вопросу правового регулирования (комплексного или в индивидуальных сферах использования ИИ) существует два подхода: легалистский, исходящий из первичности правовой системы, в рамках которой должно развиваться законодательство, и технический, когда законодательство идет вслед за развитием высоких технологий, первоначально проникающих во все сферы производства [4, с. 87]. Представляется, что опасна абсолютизация как первого, так и второго. Подход должен быть комплексный, учитывающий специфику предмета правового регулирования.

Для стимулирования ИИ и робототехники, по мнению белорусского ученого М.Н. Сатолиной, неизбежным является переход от командного регулирования экономикой к национальным центрам компетенций и сервисной модели управления. Это потребует осуществления административной реформы по повышению эффективности органов исполнительной власти, местного управления и самоуправления и будет способствовать росту заинтересованности иностранного и национального капитала в проведении научных исследований ИИ и внедрению результатов в производство [16].

Задача белорусской промышленности – производство интеллектуальной продукции, диверсификация рынка сбыта, создание высокоэкономичного и экспорто-ориентированного продукта. Этому способствует первая белорусская криптобиржа, единая электронная биржа труда ЕАЭС.

Нормативной базой развития ИИ и робототехники в Республике Беларусь выступают «Стратегия развития информатизации на 2016–2022 годы», «Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» (с изм. и доп. от 9 ноября 2018 г. № 806). Программа направлена на трансформацию сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий, создающих соответствующую инфраструктуру. ИКТ рассматриваются как одна из движущих сил устойчивого развития общества во всех сферах его жизнедеятельности. На обеспечение кибербезопасности

ориентирована «Концепция информационной безопасности Республики Беларусь», принятая 18.03.2019 г. Создан Белорусский институт стратегических исследований, занимающийся проблемами информационной безопасности.

Деятельность свыше 70 компаний связана с ИИ (Ерам, ALMatter, MSGRD, Viber, Cactussoft и др.). В 2015 г. на базе Национальной академии наук создан межведомственный исследовательский центр искусственного интеллекта, в состав которого включены вузовские и научные структуры, разрабатывающие эту проблему [7].

Базовым документом Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. является декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики». В соответствии с Декретом Парку высоких технологий до 1 января 2049 г. продлено действие специального правового режима. Резидентам парка предоставлено право на осуществление деятельности в сфере искусственного интеллекта, создание систем беспилотного управления транспортными средствами. Предоставлены льготы и преференции участникам отношений, связанных с применением современных технологий. Полученная в этой сфере прибыль до 1 января 2023 г. не является объектом налогообложения. Парк высоких технологий занимается созданием нейронных сетей и иных алгоритмов в специализированных разделах ИИ и реализацией результатов данного вида деятельности. На конец апреля 2019 г. в индустриальном парке «Великий камень» («Great stone») зарегистрировано 44 резидента. Планируется, что на оптимальный уровень он выйдет к 2020–2021 гг. В Парке, объединяющем инвестиции, цифровые и технологические разработки компаний из 8 стран, где трудятся 13 тысяч работников, 90% продукции идет на экспорт. Стоит задача превратить «Великий камень» в белорусский Гонконг. В 2019 г. в БГЭУ открывается факультет цифровой экономики.

Президент Республики Беларусь в Послании белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 г. обозначил стратегический курс нашего государства на строительство IT-державы. Особое внимание было обращено на применение передовых технологий: ИИ, дополненной реальности, беспилотных автомобилей, технологии блокчейн, цифровой валюты. В Послании Президента 24 апреля 2018 года особый акцент был сделан на привлечение в Беларусь самых лучших и умных специалистов в области прорывных технологий. Было подчеркнуто, что, имея богатых природных ресурсов, мы создаем свое процветание благодаря труду и интеллекту

народа. В Послании Президента 19 апреля 2019 г. был подтвержден курс на построение IT-державы в Республике Беларусь, развитие индустриального парка «Великий камень». Поставлена задача открытия в 2021 г. национального детского технопарка, создания идеальных условий для высококвалифицированных специалистов в этой области. IT-технологии должны помогать обществу. Президентом была подчеркнута необходимость соблюдения жесточайшей технологической дисциплины, где должна действовать диктатура закона.

По словам Президента, как машина, так и робот будут отдалять человека от производства, но человек останется в основе этого процесса. Человек – уникален. Поэтому ИИ никогда полностью не заменит человека, так как только он обладает сознанием.

Согласно теоретическим разработкам, практической реализации, здравому смыслу ИИ (юнита ИИ), роботы не могут думать как люди. Их мышление укладывается в рамки заданных алгоритмов, выстроенных логических операций. Они не обладают самосознанием, чувствами, нравственностью, не способны к незапрограммированной коммуникации, не в состоянии повторить генезис сознания на общественном и индивидуальном уровне. ИИ – это инженерная конструкция программного обеспечения некоторых биологических, нейронных процессов человеческого головного мозга [17, с. 74–75]. Для того чтобы обладать правосубъектностью, человек должен иметь сознание, быть вменяемым лицом определенного возраста. Вместе с тем рабы, дети, женщины не во все времена в истории обладали правосубъектностью. С другой стороны, люди в коме, в спящем состоянии, с душевной болезнью, невменяемые обладают сознанием, далеким от нормы, не позволяющим им адекватно понимать, оценивать, контролировать и отвечать за свое поведение. Физическое лицо в особых случаях (до рождения, после смерти) может обладать правосубъектностью. Юридическое лицо тоже не обладает сознанием (или можно говорить о корпоративном сознании), хотя имеет правосубъектность.

Пока еще робот, ИИ – очень далекий аналог человека, не способный реализовать свои права и обязанности, нести юридическую ответственность, не обладающий деликтоспособностью. Следует согласиться с М.П. Морхат, что еще нецелесообразно наделять ИИ, юниту ИИ, робота свойствами электронного лица даже с ограниченной правосубъектностью [17, с. 77]. Российский профессор Г.А. Гаджиев считает, что автономные роботы-агенты ближе к юридическому лицу, хотя они могут быть как объектами, так и субъектами права. Придание им в будущем статуса субъекта

права (ограниченной правоспособности) определит их права и обязанности, персонифицирует имущество, поможет решить вопросы юридической ответственности. Наделение робота-агента статусом юридического лица (квазюридического лица) в условиях цифровой, рыночной экономики упростит экономический и гражданский оборот. Можно говорить об этом при наличии у него сознания и воли в юридической, а не в психологической интерпретации [18, с. 22–26].

Заключение. Анализ существующего законодательства позволяет утверждать, что в настоящее время автономные роботы – это не субъекты, а объекты права, движимое имущество.

Представляется обоснованным внесение изменений в ст. 948 ГК Республики Беларусь и среди перечисленных источников повышенной опасности дополнительно выделить ИИ и сложных, автономных роботов, что позволит компенсировать ущерб без наличия вины владельцев, разработчиков, пользователей.

Исследование и внедрение искусственного интеллекта во все формы жизнедеятельности – объективная необходимость и основа процветания любого государства. Данный процесс, направленный, прежде всего, на решение социальных задач, должен базироваться на разработанной правовой основе, юридической доктрине (метатеории), опирающейся на духовно-нравственные нормы, исторические традиции и уровень общей и правовой культуры населения.

Необходим взвешенный, последовательный подход в правовом регулировании с учетом возможностей и рисков, безопасности и необходимости, сочетания интересов общества и индивида. ИИ не может превратить неэффективную систему в эффективную, но может помочь работающей системе стать более эффективной. Только умная и трудолюбивая нация, овладевшая прорывными технологиями, использующая искусственный интеллект в позитивных целях, создаст прочную базу для процветания и займет достойное место в мировом сообществе.

Литература

1. Бачило, И.Л. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе / И.Л. Бачило, М.А. Шмаков // Государство и право. – 2017. – № 11. – С. 81–88.
2. Бочков, А.А. Современное государство и право в условиях цифровой реальности / А.А. Бочков // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 1(13). – С. 3–9.
3. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102.
4. Филипова, И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика / И.А. Филипова // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 79–88.

5. Робототехника в Южной Корее набирает обороты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://robotrends.ru/pub/1644/robototekhnika-v-yuzhnoy-koree-nabiraet-oboroty>. – Дата доступа: 29.03.2019.
6. Что мы думаем о машинах, которые думают: ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте: пер. с англ. [Электронный ресурс]. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/678492-dzhon-brokman-chto-my-dumaem-o-mashinah-kotorye-dumayut-vedushchie-mirovye-uchenye-ob-iskusstvennom-intellekte/htm1#book>. – Дата доступа: 15.03.2019.
7. Потапейко, П. Развитие искусственного интеллекта в ЕАЭС: взгляд из Беларуси [Электронный ресурс] / П. Потапейко. – Режим доступа: <http://Eurasia/expert/razvitie-iskusstvennogo-intellekta-v-eaes-vzglyad-iz-belarusi>. – Дата доступа: 09.04.2019.
8. Законодательство и налоги для роботов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.pnp/>. – Дата доступа: 11.04.2019.
9. Куксин, И.Н. Цифровое образование – новые реальности / И.Н. Куксин // Экономика. Право. Общество. – 2018. – № 1(13). – С. 36–41.
10. Талапина, Э.В. Права человека в Интернете / Э.В. Талапина // Журнал российского права. – 2019. – № 2(266). – С. 41–54.
11. Четверикова, О.Н. Оцифровка страны как национальная идея. Ч. 2 [Электронный ресурс] / О.Н. Четверикова. – Режим доступа: <https://vstranzaveru.ru/o-n-chetverikova-otsifrovka-stranyi-kak-natsionalnaya-ideya-shast-2/>. – Дата доступа: 12.04.2019.
12. Морхат, П.М. Искусственный интеллект с точки зрения международного гуманитарного права / П.М. Морхат // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 10(154). – С. 18–23.
13. Нормы гражданского права о робототехнике: резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies. – Дата доступа: 11.04.2019.
14. Полякова, Т.А. Обзор международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – первые бачиловские чтения / Т.А. Полякова, А.В. Минбаев, Н.В. Кротова // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 138–148.
15. Модельная конвенция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia/. – Дата доступа: 05.04.2019.
16. Сатолина, М.Н. Комплексное правовое обеспечение создания цифрового государства / М.Н. Сатолина // Право. Бу. – 2018. – № 6(560). – С. 5–8.
17. Морхат, М.П. Концепт индивидуального субъекта права применительно к электронному лицу (правосубъектность юнита искусственного интеллекта, коррелируемая (соотносимая, сопоставимая) с правосубъектностью человека) / М.П. Морхат // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 8(164). – С. 74–77.
18. Гаджиев, Г.А. Является ли робот-агент лицом? / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 15–29.

Поступила в редакцию 14.06.2019 г.

УДК 343.97

Преступность как социальный индикатор

Стаценко В.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Однозначного понимания преступности в современной доктрине криминологии не существует. В криминологической литературе можно выявить множество ее определений, каждое из которых несет на себе отпечаток особых взглядов авторов, социологических школ и направлений, психологических, правовых и даже религиозных воззрений.

Цель научной статьи – анализ социальной роли преступности как неотъемлемого свойства общества с точки зрения выявления возможностей социальной диагностики, оценка преступности как своеобразного социального индикатора.

Материал и методы. Материалом исследования являются источники в области уголовного права, базовые концепции преступности в доктрине криминологии, официальные статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В работе использовались общенаучные методы, а также сравнительный метод, методы статистического наблюдения, статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Большинство кримиологов традиционно рассматривают преступность, основываясь на парадигмах уголовно-правового мышления, как вид относительно массового и исторически изменчивого негативного социального поведения, запрещенного уголовным законом, обладающего общественной опасностью. Особую позицию в данном вопросе занимают представители так называемой «культуральной криминологии», определяющие преступность как элемент культуры социума, как одну из естественных форм социального действия. В основе данной концепции лежит идея Э. Дюркгейма о естественности, «нормальности» и даже социальной «полезности» преступности. Развивая это положение, белорусский исследователь В.П. Шиенок формулирует идею о том, что генезис преступности несет в себе информацию о путях и средствах оптимального развития общества, а следовательно, и предупреждения общественно опасных деяний.

Разделяя подобный подход к преступности, автор статьи развивает его на примере анализа взаимосвязи употребления алкоголя и преступного поведения, особенностей женской преступности и насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере Республики Беларусь.

Заключение. Преступность в целом следует рассматривать как неотъемлемое свойство общества, отражающее патологии и противоречия в его развитии, индикатор состояния общества, а ее анализ – как метод социальной диагностики.

Ключевые слова: преступность, социум, уголовный закон, базовые теории преступности, алкоголь и «пьяная преступность», женская преступность, семейно-бытовая преступность, социальная диагностика.

Crime as a Social Indicator

Statsenko V.G.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

There is no clear understanding of crime in the contemporary criminology doctrine. In criminological literature one can find a lot of its definitions each of which possesses an imprint of the authors', sociological schools and directions special ideas, psychological, legal and even religious outlooks.

The research purpose is analysis of the social role of crime as an integral feature of the society from the point of view of finding out opportunities of social diagnostics, assessment of crime as a social indicator.

Material and methods. The research material is sources in the field of criminal law, base concepts of crime in the criminology doctrine, official statistic data of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. General scientific, comparative methods as well as methods of statistic observation and statistic analysis were used in the research.

Findings and their discussion. Most criminologists traditionally consider crime on the basis of paradigms of the criminal and legal thinking as a kind of mass and historically changeable negative social behavior which is banned by the criminal law and is publicly dangerous. Special position in this issue is taken by representatives of the so-called “cultural criminology” who identify crime as an element of social culture, as one of natural forms of social action. The basis of this concept is made up by E. Durkheim's idea of naturality, “normality” and even social “usefulness” of crime. Developing this concept Belarusian researcher V.P. Shiyenok formulates an idea about crime genesis which carries information about ways and means of optimal development of the society and, consequently, prevention of socially dangerous acts.

The author of the article, who shares this approach to crime, develops it on the example of an analysis of the interrelation between alcohol abuse and criminal behavior, features of women's crime as well as violent family crimes in the Republic of Belarus.

Conclusion. Crime in general should be considered as an inherent feature of the society which reflects pathologies and contradictions of its development, the indicator of the state of the society while its analysis as a method of social diagnostics.

Key words: crime, society, criminal law, basic theories of crime, alcohol and “drunk” crime, women's crime, family crime, social diagnostics.

Современная криминология, развиваясь в разных направлениях (биологическом (антропологическом), психологическом, социологическом), включает в себя ряд концептуальных подходов и школ, имеющих научные центры во многих странах. При значительном разнообразии воззрений криминологов, существующих концепций их объединяет стремление проанализировать преступность как биосоциальное явление, выявить ее причинность, предложить эффективные меры по ее превенции.

В то же время, как это ни парадоксально, однозначного понимания преступности в современной доктрине криминологии не существует. В криминологической литературе можно выявить множество ее определений, каждое из которых несет на себе отпечаток особых взглядов авторов, социологических школ и направлений, психологических, правовых и даже религиозных воззрений.

Цель научной статьи – анализ социальной роли преступности как неотъемлемого свойства общества с точки зрения выявления возможностей социальной диагностики, оценка преступности как своеобразного социального индикатора.

Материал и методы. Материалом исследования являются источники в области уголовного

права, базовые концепции преступности в доктрине криминологии, официальные статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

В работе использовались общенаучные методы, а также сравнительный метод, методы статистического наблюдения, статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. В уголовном праве, как известно, понятие преступности отсутствует, уголовный закон содержит определение преступления, под которым понимается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными Уголовным Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания [1].

В отечественной криминологической доктрине, теснейшим образом традиционно связанной с уголовным правом, превалирует понимание преступности как исторически изменчивого социального и уголовно-правового негативного явления, представляющего собой совокупность преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени [2, с. 90]. Исключением можно считать точку зрения Я.И. Гилинского, рассматривающего преступность как массовое социальное явление, «определяемое законодателем в уголовном законе»

[3, с. 94], а также так называемую «криминологическую» концепцию преступности Д.А. Шестакова, предлагающего понимать под преступностью свойство общества «воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [4, с. 84].

Даже если исходить из более приближенно к практике правоприменения определения преступности как социального явления, заключающегося «в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета» [5, с. 7], очевидно, что все эти трактовки преступности исходят из правового понимания преступности как общественно опасного явления, требующего активного противодействия со стороны социума и его институтов.

Одним из современных направлений криминологической теории является «культуральная криминология» (Дж. Янг, Дж. Фаррел, К. Хейворд и др.), рассматривающая преступность не с классической уголовно-правовой точки зрения, а как элемент культуры социума, как одну из естественных форм социального действия, присущих т.н. «общественному человеку» [6, с. 8].

По сути, в основе данной концепции, если абстрагироваться от таких ее выводов, как рассмотрение преступности в качестве «культурального продукта», «искусственно созданной конструкции», лежит идея, сформулированная крупнейшим французским социологом Эмилем Дюркгеймом – о естественности, «нормальности» и даже, социальной «полезности» преступности.

«Нормальность» преступности определяют по Дюркгейму так:

– всеобщность преступности: «преступление наблюдается не только в большинстве обществ того или иного вида, но во всех обществах всех типов. Правда, она изменяет форму; действия, квалифицируемые как преступные, не везде одни и те же, но всегда и везде существовали люди, которые поступали таким образом, что навлекали на себя уголовное наказание»;

– повсеместный рост преступности и очевидная связь ее изменений с общественными процессами: «Нет, следовательно, явления с более несомненными симптомами нормальности, поскольку оно тесно связано с условиями всякой коллективной жизни» [7, с. 463].

Преступность, с точки зрения Э. Дюркгейма, – нормальное явление именно потому, что «общество без преступности совершенно невозможно», и, кроме того, «преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого

полезна (выделено нами. – В.С.), поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права... Одно немыслимо без другого... Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения» [8, с. 43].

Развивая мысль о необходимости и полезности преступности, Дюркгейм пишет: «Согласно афинскому праву, Сократ был преступником, и его осуждение было вполне справедливым. Между тем его преступление, а именно самостоятельность его мысли, было полезно не только для человечества, но и для его родины. Оно служило подготовке новой нравственности и новой веры, в которых нуждались тогда Афины, потому что традиции, которыми они жили до тех пор, не отвечали более условиям их существования. Пример Сократа не единственный, он периодически повторяется в истории. Свобода мысли, которой мы теперь пользуемся, никогда не могла бы быть провозглашена, если бы запрещавшие ее правила не нарушались, прежде чем были торжественно отменены. Между тем в то время это нарушение было преступлением, так как оно оскорбляло еще очень энергичные чувства, свойственные большинству сознаний. И все-таки это преступление было полезно, поскольку оно служило прелюдией для преобразований, становившихся день ото дня все более необходимыми» [7, с. 466].

Следует оговориться, что, по Дюркгейму, «существование преступности само по себе нормально, но лишь тогда, когда она достигает, а не превосходит определенного для каждого социального типа уровня» [7, с. 463]. В условиях т.н. «социальной дезорганизации» (кризисы, войны, революции и другие социальные потрясения) преступность выходит за рамки «нормальности».

Мысль Дюркгейма о социальной «естественности» преступности в определенном смысле подтверждает Р. Мертон, отмечавший, что «определенные фазы социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой “нормальный” ответ на возникающую ситуацию (“нормальный” в том смысле, что этот ответ соответствует основной характеристике данной культуры, даже если он не одобряется ею)» [9, с. 299].

Рассмотрение преступности в качестве неотъемлемой черты (функции) общества в современной криминологии в общем признается исследователями «по умолчанию». Сложнее обстоит дело с признанием дюркгеймовской оценки преступности как «необходимого и полезного для общества» явления. Как уже отмечалось, подавляющее большинство отечественных правоведов и криминологов

традиционно определяют преступность, основываясь на парадигмах уголовно-правового мышления, как «вид относительно массового и исторически изменчивого негативного социального поведения, запрещенного уголовным законом, обладающего общественной опасностью» [10, с. 48].

Отличную от большинства позицию в этом вопросе занимает известный белорусский специалист в области права В.П. Шиенок, отмечая, что «любое явление содержит в себе два полюса, две составляющие, две силы». Он предлагает рассматривать преступность в качестве «закономерной функции общества, создающей условия для необходимых перемен». Суть этого понимания преступности автор выражает через образное сравнение преступности и болезни физического тела: «Все больше медиков и просто людей склоняются к тому, что болезнь не зло, не негатив по своей природе. Она сигнализирует человеку, что в организме что-то не в порядке. Аналогичный подход, мы полагаем, приемлем и в отношении процессов, происходящих в обществе. Мое глубокое убеждение, что количественное либо качественное нарастание преступности и иных социальных патологий – это сигнал о необходимости изменения общественных отношений, отношений индивидуумов и социума к окружающему миру. Это сигнал-предупреждение о необходимости развития общества в ином, нежели сейчас, направлении. Если общество не реагирует должным образом на эти сигналы, преступность начинает все активнее распространяться, видоизменяться, поражая важнейшие части социального и государственного организма» [11, с. 21–23].

Соглашаясь принципиально с этим методологическим подходом к пониманию преступности, проиллюстрируем его на примере взаимосвязи употребления алкоголя и «качества» преступности в Республике Беларусь.

Употребление алкоголя является одной из основных причин преступного поведения. «Алкоголь тянет к преступлению, а преступление к алкоголю»: по данным официальной статистики, более четверти всех регистрируемых ежегодно в Республике Беларусь преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Так, в 2012 году удельный вес «пьяных» преступлений в общем числе зарегистрированных составил 34%, в 2014 – 29%, в 2017 – 26%, в 2018 – 25%.

В прямой зависимости от потребления алкоголя находится число совершаемых насильственных преступлений – убийств, тяжких телесных повреждений и др. Согласно исследованиям Ю. Разводовского [12, с. 8], три четверти лиц, совершивших убийства в Беларуси, сделали это в состоянии алкогольного опьянения. Полученный вывод подтверждается и официальными статисти-

ческими данными МВД Республики Беларусь, которые также указывают на то, что в большинстве случаев, когда речь идет об убийствах, преступник употреблял спиртные напитки.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в 2018 году в состоянии алкогольного опьянения совершено:

- убийство – 83%;
- умышленное причинение тяжких телесных повреждений – 81%;
- изнасилование – 54,5%;
- насильственные действия сексуального характера – 45%;
- кража – 31%;
- грабеж – 63,5%;
- разбой – 73%;
- и даже хищение путем использования компьютерной техники – 35% [13].

По показателю уровня преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (в расчете на 100 тысяч населения), Республика Беларусь занимает среди стран СНГ устойчивое лидирующее положение (2014 г. – 1-е место, 2015–2018 гг. – 2-е, после Российской Федерации) [14].

По экспертным оценкам, власти Беларуси тратят 2% ВВП ежегодно на борьбу с последствиями алкоголизации населения. Эта сумма – более 1,5 миллиарда долларов – вдвое превышает оборонный бюджет страны. По информации Министерства здравоохранения, около трети пациентов в тяжелом состоянии попадают в госпитали именно вследствие злоупотребления алкоголем. В Минэкономике подсчитали, что в 2018 году прибыль отечественного бюджета от продажи спиртных напитков почти вдвое меньше, чем затраты на борьбу с последствиями алкоголизации [15].

В условиях экономической нестабильности общество с неизбежностью в наших условиях сталкивается с дилеммой: с одной стороны, доходы от продажи алкоголя позволяют существенно пополнять дефицитный государственный и местный бюджет, с другой – это порождает неизбежные социальные проблемы, имеющие негативные долгосрочные последствия, включая т.н. «пьяную» преступность. Злоупотребление алкоголем вызывает соматические и психические изменения личности, а эти изменения, в свою очередь, при определенных условиях могут сформировать мотив преступного поведения.

Очевидно, что «пьяная» преступность, определяющая в существенной степени состояние преступности в стране, является индикатором, отражающим уровень социальной патологии общества.

Наряду с преступлениями, совершаемыми в состоянии алкогольного опьянения, своеобразным социальным индикатором можно считать состояние женской преступности в стране.

На протяжении последних десятилетий удельный вес женщин в структуре преступников характеризуется небольшими колебаниями в пределах 13–15% (для сравнения: доля женской преступности в развитых странах мира в среднем составляет 20%).

Интересно, что начиная с 2006 года, когда в Республике Беларусь устойчиво обозначилась динамика снижения объема и уровня преступности в целом, удельный вес женской преступности характеризуется удивительным постоянством. Соотношение женской и мужской преступности последнего десятилетия стабильно определяется 1 к 7.

Стабильность удельного веса женских преступлений (исключением, подтверждающим правило, являются кризисные годы: в 1997 году, например, удельный вес женской преступности достиг своего максимума – 20,6%) позволяет оценить его как закономерное для современного состояния общества.

Среди стран СНГ Беларусь устойчиво занимает по этому показателю высокие позиции, в 2017 году, например, она оказалась среди них на первом месте с показателем 17% среди расследованных преступлений [14].

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что этот сравнительно высокий уровень женской преступности в стране и его стабильный характер отражают гендерные проблемы социума [15], требующие своего решения.

Еще одной особенностью преступности в Республике Беларусь является сложная криминальная ситуация в сфере семейно-бытовых отношений. В быту совершаются каждое третье убийство и тяжкое телесное повреждение. Официальная статистика свидетельствует о том, что из 224 зарегистрированных в 2018 году убийств более 90 убийств (40%) было совершено в семейно-бытовой сфере; из 152 изнасилований – 95 фактов изнасилований (62,5%) – семейные, из них 88 – несовершеннолетних, совершенные отцом или сожителем матери [13]. По итогам первых месяцев 2019 года также отмечается рост числа убийств во время домашних скандалов [17].

Бытовая преступность, представляющая собой особую социальную опасность, отражает духовно-нравственные, социально-экономические (безработица, алкоголизация населения, уровень нравственности, уровень культуры в целом) особенности социума.

Как показывает практика, универсальных средств решения отмеченных проблем не существует. Необходима реализация комплекса экономических, социальных, правовых, воспитательных, организационных мер на общегосударственном уровне и на уровне местного

самоуправления, а также, что особенно важно, политическая воля, обеспечивающая последовательную реализацию этих мер.

Представляется весьма важным методологический вывод В.П. Шиенка о том, что «генезис преступности несет в себе информацию о путях и средствах оптимального развития общества, а следовательно, и предупреждения общественно опасных деяний. Игнорирование обществом и государством социально-экономических противоречий, детерминирующих преступность, обуславливает развитие тенденций, приводящих к комплексным системным кризисам» [11, с. 24].

Заключение. Преступность, таким образом, в целом следует рассматривать как неотъемлемое свойство общества, отражающее патологии и противоречия в его развитии, индикатор состояния общества, а ее анализ – как метод социальной диагностики.

Выявление особенностей преступности, анализ ее динамики, а также детерминирующих ее условий и причин позволяют определять, в том числе точно, патологические процессы и явления, порождающие «социальную дезорганизацию».

Также как повышенная температура больного сама по себе, в большинстве случаев, не является болезнью, а лишь свидетельствует о воспалительных процессах в организме, преступность, ее особенности, динамика – могут рассматриваться как симптомы социальной патологии, требующие соответствующего реагирования со стороны государства и общества.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-З [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 года: Текст Кодекса в ред. Закона от 17.07.2018 г. № 131-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 629 с.
3. Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гилинский. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 520 с.
4. Шестаков, Д.А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности: учебник / Д.А. Шестаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 585 с.
5. Долгова, А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
6. Гилинский, Я.И. Современные тенденции мировой криминологии / Я.И. Гилинский // Криминологический журнал. – 2012. – № 3(21). – С. 5–14.
7. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
8. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. – М., 1966. – С. 39–43.
9. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – 368 с.

10. Репецкая, А.Л. Криминология / А.Л. Репецкая [и др.]. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. – 240 с.
11. Шиенок, В.А. Методологические проблемы современной криминологии / В.П. Шиенок // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 11. – С. 20–24.
12. Razvodovsky, Y.E. Homicide and alcohol poisoning in Belarus, 1970–2005 / Y.E. Razvodovsky // Drugs: education, prevention and policy. – 2008. – Vol. 15, iss. 1. – P. 7–14.
13. О преступлениях, совершенных в состоянии алкогольного опьянения за 2018 год / Информ. центр МВД Республики Беларусь. – Минск, 2019.
14. О состоянии преступности и результатах расследования преступлений на территории государств-участников СНГ. – Минск: МВД Республики Беларусь, 2016–2018.
15. Расходы государства на борьбу с алкоголизацией превосходят оборонный бюджет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belsat.eu/ru/in-focus/rashody-gosudarstva-na-borbu-s-alkogolizatsiej-prevoshodyat-oboronnuy-byudzheta/>. – Дата доступа: 16.06.2019.
16. Бурова, С.Н. Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны / С.Н. Бурова // Социология. – 2018. – № 1. – С. 161–168.
17. По итогам трех месяцев 2019 года отмечается рост числа убийств во время домашних скандалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/incidents/20190415/1040800429/Iznasilovany-ottsami-i-sozhitelyami-materey-zhutkaya-statistika-o-detskikh-sudbakh.html>. – Дата доступа: 14.06.2019.

Поступила в редакцию 17.06.2019 г.

УДК 347.77/78:343.57:343.9(476.5)

Правовые основы, источники и направления реализации государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков (на примере Витебской области)

Гуминский М.Н.¹, Сафонова Т.В.²

¹Управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми криминальной милиции УВД Витебского облисполкома

²Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Государственная информационная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков является направлением внутренней государственной информационной политики в области противодействия преступности в целом. По результатам оценки эффективности служебной деятельности органов внутренних дел по линии незаконного оборота наркотиков опыт Витебской области в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков заслуживает внимания.

Цель статьи – анализ опыта реализации государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на примере Витебской области, ее правовых основ и источников.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты в области противодействия незаконному обороту наркотиков, правовые акты концептуального и программного характера. В процессе работы использовались общенаучные методы изучения, метод моделирования, а также структурно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты и их обсуждение. Авторами проанализирован опыт реализации государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на примере Витебской области; определено понятие государственной информационной политики в области противодействия незаконному обороту наркотиков, раскрыты ее направления, источники и основания.

Сделан вывод о необходимости разработки и принятия Стратегии государственной антинаркотической политики Республики Беларусь и Государственной программы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Беларусь.

Одной из стратегических задач должно стать создание государственной системы информационного обеспечения противодействия незаконному обороту наркотиков. Результаты исследования внедрены в деятельность криминальной милиции УВД Витебского облисполкома.

Заключение. Сформулированные авторами выводы и предложения могут быть полезны при разработке стратегических и программных документов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь. Результаты исследования могут быть учтены при совершенствовании концептуальных основ государственной информационной политики Республики Беларусь, а также могут стать основой формирования государственной информационной политики в иных сферах противодействия преступности.

Ключевые слова: государственная информационная политика, незаконный оборот наркотиков.

Legal Bases, Sources and Directions of the Implementation of the State Information Policy in the Sphere of Combating Illegal Drug Trafficking (the Example of Vitebsk Region)

Guminski M.N.¹, Safonova T.V.²

¹*Drug Control and Combating Human Trade Department of the Criminal Police of Vitebsk Region Internal Affairs Administration*

²*Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"*

The state information policy in the sphere of combating illegal drug trafficking is a direction of the internal state information policy in the field of combating crime in general. According to the efficiency assessment of the operation activities of police departments on illegal drug trafficking the experience of Vitebsk Region in the sphere of combating illegal drug trafficking deserves attention.

The purpose of the research is analysis of the experience of the implementation of the state information policy in the sphere of combating illegal drug trafficking on the example of Vitebsk Region, its legal bases and sources.

Material and methods. The research material was normative legal acts in the sphere of combating illegal drug trafficking, legal acts of concept and program character. General scientific research methods, the method of modeling as well as the structural legal and the formal legal methods were used.

Findings and their discussion. The authors analyzed the experience of the implementation of state information policy in the field of combating illegal drug trafficking on the example of Vitebsk Region, identified the notion of state information policy in the field of combating illegal drug trafficking, revealed its directions, sources and bases.

Conclusion is made about the necessity to develop and adopt the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Republic of Belarus and the State Program of Combating Illegal Drug Trafficking in the Republic of Belarus.

Shaping the state system of the information provision of combating illegal drug trafficking should become one of the strategic tasks. The research findings have been introduced into the activities of the criminal police of Vitebsk Region Internal Affairs Administration.

Conclusion. Conclusions and recommendations formulated by the author can be useful in elaborating strategic and program documents in the sphere of combating illegal drug trafficking in the Republic of Belarus. The research findings can be taken into account in improving concept bases of the state information policy of the Republic of Belarus; they can also become the foundation of shaping state information policy in other spheres of combating crime.

Key words: state information policy, illegal drug trafficking.

Государственная информационная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков является направлением внутренней государственной информационной политики в области противодействия преступности в целом. Государственная информационная политика, реализуемая в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, осуществляется бессистемно и в настоящее время не имеет конкретных источников, однако некоторые ее направления закреплены в правовых актах программного характера.

Вопросы государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, ее конституционно-правовых основ, направлений и механизма ее реализации ранее не рассматривались белорусскими исследователями, что обуславливает высокую актуальность темы исследования.

По результатам оценки эффективности служебной деятельности органов внутренних дел по линии незаконного оборота наркотиков Витеб-

ская область занимает 3-е место в республике среди других областей. В связи с этим опыт противодействия незаконному обороту наркотиков в Витебской области заслуживает внимания.

Цель статьи – анализ опыта реализации государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на примере Витебской области, ее правовых основ и источников.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты в области противодействия незаконному обороту наркотиков, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, Государственная программа борьбы с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы, Комплексный план мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на территории Витебской области

на 2019–2020 годы (далее Комплексный план). В процессе работы использовались общенаучные методы исследования, метод прогнозирования и моделирования, а также структурно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты и их обсуждение. Понятие государственной информационной политики имеет широкие границы интерпретации: сфера деятельности государства; совокупность целей, идей и установок, отражающих интересы государства в информационной сфере, а также направлений их реализации.

Государственная информационная политика, имея свои конституционно-правовые основы, реализуется по множеству направлений как внутри государства, так и на международной арене.

Одним из направлений внутренней государственной информационной политики в области противодействия преступности, очевидно, является государственная информационная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Внутренняя государственная информационная политика представляет собой деятельность системы органов государственной власти и управления в Республике Беларусь, направленную на обеспечение конституционного права граждан на информацию, развитие и эффективное использование национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры и национального сегмента сети Интернет, развитие системы предоставления электронных услуг, формирование духовных, культурных и нравственных основ жизни общества, обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства в целях развития информационного общества и формирования демократического социального правового информационного государства [1, с. 246].

Государственная информационная политика в области противодействия незаконному обороту наркотиков может быть определена как совместная деятельность органов государственной власти и управления и правоохранительных органов в сфере информационного обеспечения борьбы с незаконным оборотом наркотиков, повышения информационной и правовой культуры граждан, эффективного использования национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры и национального сегмента сети Интернет, формирования духовных, культурных и нравственных установок в целях повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков, профилактики их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией.

Источниками государственной информационной политики, в том числе и в сфере незаконного оборота наркотиков, являются различные виды политических и правовых документов, закрепляющих ее содержание. Нормативно-политическими источниками государственной информационной политики Республики Беларусь выступают послания Президента Республики Беларусь, стратегии, государственные программы, концепции и другие [2, с. 15].

Государственная информационная политика, реализуемая в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь, осуществляется бессистемно и в настоящее время не имеет конкретных источников. Некоторые ее направления закреплены в правовых актах программного характера.

В Российской Федерации указом Президента Российской Федерации № 690 от 9 июня 2010 года утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Полагаем, аналогичный стратегический или концептуальный документ должен быть принят и в Республике Беларусь [3].

В основе государственной антинаркотической политики Республики Беларусь лежат Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» [5], приказы МВД, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [6], Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [7], Государственная программа борьбы с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы и другие.

Правовой основой государственной информационной политики в сфере незаконного оборота наркотиков, вместе с указанными выше, являются законы Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [8], «О средствах массовой информации» [9], «О рекламе» [10], Указ Президента Республики Беларусь № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [11] и другие правовые акты.

Председателем Витебского облисполкома Н.Н. Шерстневым 4 апреля 2019 г. утвержден Комплексный план мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных

наркоманией, на территории Витебской области на 2019–2020 годы (рег. № 15/609-2). Данный документ является источником государственной антинаркотической политики, в том числе государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на территории Витебской области.

Проведение последовательной и целенаправленной политики по реализации на территории Витебской области ключевых (магистральных) положений, содержащихся в Декрете Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» (далее Декрет), в том числе посредством утверждения и осуществления мер, предусмотренных региональными (областным, городскими, районными) комплексными планами мероприятий, объективно позволили существенно оздоровить ситуацию, связанную с распространением наркотиков, выстроить систему профилактики с задействованием всех ключевых субъектов Витебской области, установить аксиологические ориентиры в проведении антинаркотической политики, в том числе в рамках реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, включившей тесное взаимодействие государственных структур с гражданским обществом.

Принятые организационные и практические меры, направленные на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, а также на формирование устойчивой динамики по снижению количества наркопотребителей, позволили за период реализации требований Декрета достичь следующих положительных результатов в рассматриваемой сфере.

Так, по итогам 2014 года на территории Витебской области зарегистрировано 645 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Вместе с тем за 2018 год данный показатель составил 386 преступлений. Снижение количества выявленных преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков за рассматриваемый период, составило 40,2%. Наряду с этим на 65% уменьшилось количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (с 35 до 12). Отмечается динамика снижения количества наркопреступлений, совершенных лицами, которые имеют неснятую и непогашенную судимость, на 15,5% (с 84 до 71).

Следует отметить и тот факт, что с 2014 по 2018 год существенно снизилось количество граждан (с 1062 до 860), состоящих на учете в учреждениях здравоохранения области за потребление наркотиков или имеющих синдром зависимости

от наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Однако уровень наркоугрозы в регионе сохраняется. Подтверждением этому является увеличение объемов изымаемых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Так, за 2014 год из незаконного оборота изъято около 21,5 кг наркотиков. При этом за 2018 год данный показатель составил свыше 116 кг.

В этой связи в целях достижения всестороннего, комплексного подхода к данной проблеме и необходимостью эффективного использования потенциала государственных органов и общественных объединений на 2019–2020 годы запланировано проведение мероприятий, закрепленных Комплексным планом.

Комплексный план включает множество мероприятий, направленных на реализацию государственной информационной политики в сфере предупреждения незаконного оборота наркотиков на территории Витебской области:

- организация и проведение мероприятий по выявлению и документированию преступной наркодеятельности в глобальной сети Интернет для принятия решения в соответствии с законодательством (п. 7);

- выявление и принятие мер по ограничению доступа к интернет-ресурсам, содержащим информационные сообщения и (или) материалы, направленные на незаконный оборот наркотиков, интернет-ресурсов, средств обеспечения анонимности (прокси-серверы, анонимные сети типа Tor и другие), позволяющих пользователям интернет-услуг получать доступ к интернет-ресурсам, идентификаторы которых включены в список ограниченного доступа, добавление в список ограниченного доступа идентификаторов этих интернет-ресурсов, средств обеспечения анонимности (п. 8);

- проведение информационно-просветительской работы, направленной на профилактику потребления наркотических средств лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы Витебской области (п. 11);

- подготовка социального видеоролика профилактической направленности о негативных аспектах, связанных с совершением правонарушений в сфере наркооборота (п. 13);

- проведение мероприятий по распространению информации о возможностях информационного ресурса Pomogut.by (п. 17);

- проведение цикла кинопоказов с предсеансовыми тематическими видеофильмами, социальными роликами, беседами по профилактике наркомании и противодействию незаконному обороту наркотиков (п. 19);

- организация циклов диспутов, блиц-турниров, бесед, книжных выставок, направленных на профилактику наркомании (п. 20);
- размещение в учреждениях культуры социальной рекламы, наглядной агитации антинаркотического содержания (п. 21);
- систематическое проведение факультативных занятий, воспитательных часов, уроков здоровья по вопросам противодействия наркомании в учебных заведениях сферы культуры, детских школах искусств (п. 22);
- освещение в средствах массовой информации, на ведомственных интернет-сайтах проблем наркомании, хода борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, судебной практики и результатов рассмотрения дел данной категории, принимаемых республиканскими органами государственного управления и общественными объединениями мер в сфере профилактики наркомании (п. 25);
- проведение мероприятий, направленных на правовое просвещение обучающихся в учреждениях общего среднего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования Витебской области по вопросам ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным наркооборотом (п. 26);
- проведение информационно-просветительских кампаний, посвященных Дню борьбы с наркотиками (1 марта) и Международному дню борьбы с наркоманией и наркобизнесом (26 июня), а также направленных на формирование негативного отношения в обществе к немедицинскому потреблению наркотиков (п. 28);
- проведение разъяснительной работы в трудовых коллективах Витебской области, ориентированной на повышение уровня осведомленности населения о негативных последствиях немедицинского потребления наркотиков, а также ответственности за совершение правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (п. 29);
- разработка и распространение среди населения (по месту жительства, учебы, работы) тематических информационных материалов (буклеты, памятки, листовки) с информацией о ценности человеческой жизни, здоровом образе жизни, номерах телефонов антинаркотических «горячих линий», адресами и телефонами учреждений, оказывающих помощь гражданам, страдающим наркотической зависимостью, и их родственникам (п. 30);
- размещение на интернет-сайтах и информационных стендах учреждений образования Витебской области обновляемой информации об ответственности за незаконный оборот наркоти-

ческих средств, психотропных веществ и аналогов, последствиях их употребления, внешних признаках наркотического опьянения (п. 35);

- организация родительских собраний (лекториев, круглых столов) по профилактике пьянства и наркомании среди учащихся с привлечением психологов, медицинских работников, сотрудников правоохранительных органов (п. 37);

– размещение на безвозмездной основе социальной рекламы на общественном транспорте, биг-бордах, в глобальной сети Интернет в целях расширения информационного пространства по проблемам наркомании (п. 38);

– подготовка, издание и обеспечение наглядной видео- и печатной продукцией профилактического характера учреждений, обеспечивающих получение начального, базового, общего среднего образования, многопрофильных центров по работе с детьми и молодежью, территориальных центров социального обслуживания, воинских частей и общественных объединений (п. 40);

– создание в теле- и радиопередачах тематических сюжетов, информационных материалов, направленных на профилактику незаконного потребления и незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (п. 41).

В процессе реализации государственной информационной политики в сфере незаконного оборота наркотиков задействованы Витебский областной исполнительный комитет, городские, районные исполкомы, администрации районов г. Витебска, УВД Витебского облисполкома, управление Следственного комитета Республики Беларусь по Витебской области, прокуратура Витебской области, Витебский областной суд, управление Комитета государственной безопасности по Витебской области, УДИН МВД Республики Беларусь по Витебской области, главное управление идеологической работы и по делам молодежи облисполкома, управление культуры облисполкома, главное управление по здравоохранению облисполкома, главное управление по образованию облисполкома, управление спорта и туризма облисполкома, комитет по труду, занятости и социальной защите облисполкома, Витебская областная организация ОО «БРСМ», общественные объединения и религиозные организации (с их согласия) и другие.

Реализация государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков осуществляется в процессе реализации органами государственной власти и управления, правоохранительными органами, общественными организациями и объединениями своих полномочий.

Заключение. Таким образом, в процессе исследования мы определили понятие государственной информационной политики в области противодействия незаконному обороту наркотиков, установили ее источники и основания, проанализировали опыт реализации государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на примере Витебской области.

В целях повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотиков, формирования источников государственной антинаркотической политики, государственной информационной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков требуются разработка и принятие Стратегии (Концепции) государственной антинаркотической политики Республики Беларусь и Государственной программы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Беларусь. Одной из стратегических задач должно стать создание государственной системы информационного обеспечения противодействия незаконному обороту наркотиков.

Сформулированные авторами выводы и предложения могут быть полезны при разработке стратегических и программных документов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь, учтены при совершенствовании концептуальных основ государственной информационной политики Республики Беларусь, а также могут стать основой формирования государственной информационной политики в иных сферах противодействия преступности.

Литература

1. Сафонова, Т.В. Понятие и приоритеты внутренней государственной информационной политики / Т.В. Сафонова // Наука – образованию, производству, экономике: Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, 11–12 февр. 2016 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 246–247.
2. Сафонова, Т.В. Источники государственной информационной политики / Т.В. Сафонова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3(11). – С. 13–18.
3. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации № 690 от 9 июня 2010 г. (ред. от 23.02.2018). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101259/. – Дата доступа: 01.06.2019.
4. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 17.06.2019 г.

Модели обеспечения информационной безопасности в условиях трансформации медиасферы: контуры проблем и пути их решения

Булавка О.А.

Главное управление идеологической работы и по делам молодежи Витебского облисполкома

Трансляция в медийной среде насилия и жестокости, манипулирование общественным сознанием, распространение вредоносной информации, разжигающей национальную и межконфессиональную вражду, представление идей или теорий, которые пропагандируют, подстрекают к ненависти и дискриминации, даже если носят эпизодический характер, являются угрозой для личности, общества и государства. Это проявляется в причинении ущерба психике человека, искажении духовной среды общества, нанесении урона традиционным культурным, нравственным и эстетическим ценностям.

Цель данной научной работы – определить правовые резервы в обеспечении информационной безопасности Республики Беларусь с учетом современных международных и национальных тенденций развития медийного поля.

Материал и методы. Материалом исследования послужило конституционное и информационное законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран. Главными методами изучения избраны: комплексное аналитическое исследование, правовое моделирование, сравнительное правоведение.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются международные и национальные модели правового противостояния деструктивным явлениям в информационном пространстве для их возможного проецирования в белорусскую законодательную базу, регулирующую вопросы информационной безопасности.

Заключение. Несовершенство национальной законодательной базы в части отсутствия единого координирующего органа, который бы осуществлял взаимодействие с заинтересованными структурами и координирование единой государственной информационной политики, мониторинг информационного пространства на предмет нарушения законодательства с использованием специальных технических средств и противодействие распространению в СМИ деструктивного, дестабилизирующего общественный правопорядок контента, заслуживает особого внимания со стороны белорусского законодателя. Разработка моделей угроз информационной безопасности и способов их преодоления, а также определение контуров возможных ограничений доступа информации для предотвращения преступных и террористических акций, защиты частной жизни человека сформируют четкое противостояние деструктивной идеологии.

Ключевые слова: средства массовой информации, информационная безопасность, реклама в СМИ, деструктивная (вредоносная) информация, экстремизация, кибербуллинг, фейковые новости.

The Models of Ensuring Informative Security in the Conditions of Media Sphere Transformation: Contours of the Problems and the Ways of their Solution

Bulavka O.A.

Main Administration of Ideological Work and Minors' Affairs of Vitebsk Regional Executive Committee

Transmission in the media environment of violence and cruelty, manipulation of public consciousness, the dissemination of harmful information, inciting national and interfaith hostility, presentation of ideas or theories that promote, incite hatred and discrimination, even if they are episodic, pose a threat to the individual, society and state. This is manifested in causing damage to the human psyche, distortion of the spiritual environment of society, causing damage to traditional cultural, moral and aesthetic values.

The purpose of this scientific work is to determine the legal reserves in ensuring the information security of the Republic of Belarus, taking into account modern international and national trends in the development of the media field.

Material and methods. The research material was constitutional and informational legislation of the Republic of Belarus and foreign countries. The main research methods are: comprehensive analytical study, legal modeling, and comparative law.

Findings and their discussion. The article discusses international and national models of legal opposition to destructive phenomenon in the information space for their possible projection into the Belarusian legal framework governing information security.

Conclusion. The imperfection of the national legislative base in terms of the lack of a single coordinating body that would interact with interested structures and coordinate a unified state information policy, monitoring the information space for violations of the law using special technical means and countering the proliferation of destructive, destabilizing public order content of the media requires special attention from the Belarusian legislator. Developing models of information security threats and ways to overcome them, as well as defining the contours of possible restrictions on information access to prevent criminal and terrorist acts and protect the private life of a person, will form a clear opposition to destructive ideology

Key words: mass media, information security, advertising in the media, destructive (malicious) information, extremism, cyber bullying, fake news.

Во многих сферах жизни общества и государства СМИ играют неocenимую роль. Как институт демократии, они способствуют реализации прав и свобод личности, развитию гражданского общества, повышению политической и правовой культуры, транслируют общечеловеческие ценности и национальные духовные традиции, содействуют эффективному функционированию государственных институтов, участвуют в воспитании подрастающего поколения, профилактике правонарушений, выполняют ряд других функций.

Цель данной научной работы – определить правовые резервы в обеспечении информационной безопасности Республики Беларусь с учетом современных международных и национальных тенденций развития медийного поля.

Материал и методы. Материалом исследования послужило конституционное и информационное законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран. Главными методами изучения избраны: комплексное аналитическое исследование, правовое моделирование, сравнительное правоведение.

Результаты и их обсуждение. В современных условиях массмедиа являются основным распределителем информационных потоков. С учетом активного влияния процессов глобализации и стремительного проникновения в жизнь общества технических, автоматизированных систем, включая обработку и передачу данных, нередко несущие вызовы и угрозы, возрастает роль обеспечения информационной безопасности. Комплексное решение данной проблемы, создание методологической базы для совершенствования деятельности по укреплению информационной безопасности заложены в основу белорусской Концепции информационной безопасности [1]. Однако в целом правовое обеспечение информационной безопасности должно рассматриваться как сегмент интеграции в рамках системы международной информационной безопасности. В связи с этим обратимся в качестве примера к регламентирующему данный вопрос российскому законодательству. Так, комплекс актуальных мнений и взглядов, касающихся обеспечения национальной безопасности, лег в основу российской Доктрины информационной безопасности [2]. Этот фундаментальный документ относит к числу национальных интересов

в информационной инфраструктуре в части получения и использования информации следующие позиции: защита прав и свобод граждан, неприкосновенность частной жизни, сохранение духовно-нравственных ценностей гражданского общества, трансформирование IT-отрасли, распространение достоверных данных о государственной политике страны, поддержка информационной безопасности на международной арене.

Говоря о психологическом воздействии информации, иногда скрытого характера, на наш взгляд, данный документ отчасти поверхностно затрагивает основополагающие концепции на этот счет. В медийной среде нередки факты манипулирования сознанием человека. Применение таких технических решений, как 25-й кадр, низкие частоты, инфразвук, оказывает влияние на подсознание человека, в определенной степени зомбируя его. Например, настройка звука в рекламе поддается амплитудной компрессии, что приводит к увеличению громкости, возникновению звенящего тембра. Данная регулировка, соразмерная агрессивной тональности, вызывает у личности чувство дискомфорта. К измененному состоянию на фоне повышенного порога восприятия может привести просмотр по телевидению эмоционально окрашенных сцен насилия, убийств. Подобное телевизионное гипнотическое воздействие, по мнению ученого Л.П. Гримака, исследовавшего данную проблему, вносит в подсознание определенную информацию, выдавая ее за собственные мысли, и может привести к болезням или агрессии [3, с. 267]. Большую угрозу данные приемы маскирования информации несут для несовершеннолетних. Так, скрытая от сознания реклама в мультфильмах привела к приступам эпилепсии у детей в Японии, а в США – к массовым убийствам в школах, что повлияло на введение властями этих стран запрета на программы, использующие методы манипулирования человеческой психикой. Однако реклама – неотъемлемая часть СМИ, поэтому она должна соответствовать предъявляемым к ним требованиям. Приоритет в регулировании содержания рекламной продукции, как и самих СМИ, принадлежит стандартам, закрепленным в ряде международных документов. Одним из наиболее содержательных из них является Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты. Нормы

Кодекса запрещают «без обоснованных причин играть на чувстве страха, на суевериях, реклама не должна содержать ничего, что могло бы вызвать или спровоцировать акты насилия, должна избегать одобрения дискриминации по расовому и религиозному признаку или принадлежать к тому или иному полу». Запрещается также вводить потребителя в заблуждение. В рекламе не должно присутствовать информации, в результате которой ребенок может попасть в опасные ситуации или возникнуть побуждение на общение с незнакомыми лицами или проникновение в незнакомые, небезопасные места [4].

Рассмотрим применяемые различными государствами законодательные меры по предотвращению таких негативных проявлений. Так, в США, как и в других демократических зарубежных странах, продажа телевизоров разрешена только с установленной системой кодировки, с помощью которой родители могут заблокировать доступ детей к неподходящим их возрасту телепередачам. В КНР концепция большого китайского бранмауэра как элемент законодательства предписывает родителям обеспечивать профилактические мероприятия по предупреждению зависимости их детей от Интернета, а государству – соответствующую технологическую защиту, чему способствует функционирующий информационный фильтр «Золотой щит». В Испании способом защиты детей от дезориентирующей телеинформации являются специальные отметки с возрастными ограничениями, а также временные рамки, предусматривающие применение более строгого защитного механизма [5, с. 167].

Нередко злоумышленники, используя преимущественно социальные сети, где сосредоточена и подростковая аудитория, призывают вступить в сообщества «групп смерти» и поучаствовать в тематических играх. Большое распространение на постсоветском пространстве получили сетевые интерактивные квесты под разными названиями: «Синий кит», «Беги или умри», «Тихий дом», «Новый путь», которые содержат вначале простые задания, затем постепенно усложняются, а финальным этапом их прохождения является самоубийство. Опираясь на международный опыт, белорусские законодатели выработали национальную организационно-правовую профилактическую систему в этой области. Своевременным шагом стало принятие Инструкции о порядке действий работников учреждений образования, здравоохранения и сотрудников органов внутренних дел при выявлении факторов риска суицидальных действий у несовершеннолетних [6], введение в 2019 году новой нормы УК Республики Беларусь, запрещающей пропаганду суицидальных настроений (в том числе и в сетевых изданиях).

Еще одним деструктивным проявлением в Интернете, набирающим стремительные обороты за рубежом, является кибербуллинг – агрессивное преследование человека с целью унижения его достоинства, провоцирования депрессивных состояний, вызванных травлей. Вопросы противодействия интернет-травле, как и само понятие кибербуллинга, закреплены на юридическом уровне некоторых государств. Например, на профилактику этого явления направлено филиппинское законодательство. Главный правовой посыл ориентирован на запрещенные в этой связи действия: передразнивание, пинок, толчок, пощечину, щекотание, удар и т.д. Указан алгоритм анализа информации о происшествиях, принятие мер наказания и реабилитации в отношении правонарушителей. Преимущественно трехстадийные профилактические модули используются в школах Великобритании. На первом этапе в учреждениях образования проходят школьные суды в составе учителей и учеников (школьная медиация), рассматривающие поступившие жалобы на травлю и в соответствии с тяжестью «дела» устанавливающие меру наказания. Второй этап предусматривает «шефство» над нарушителем ученика старшего класса. Третий – формирование за счет учебных занятий защитных психологических поведенческих механизмов по отношению к кибербуллингу, буллингу [7, с. 64].

Нам видится необходимым с учетом международного опыта восполнить в белорусском законодательстве пробелы ввиду отсутствия в НПА понятия «кибербуллинг» и комплексных мер по защите от него. В настоящее время такой шаг позволит повысить значимость имеющей место и в белорусских школах вышеуказанной проблемы, своевременно ей противодействовать с использованием конкретных правовых рычагов. Помимо того, полагаем, что внедрению данных законодательных новелл могли бы способствовать локальные нормативные акты в образовательных учреждениях, внедрение специализированных занятий специалистов превентивного плана, а также переподготовка для этих целей педагогических кадров с учетом современных реалий.

Глубокое проникновение в общество процессов глобализации привело к появлению в медийной среде умышленно искаженной информации, преподносимой как новостная. Такое явление в научной литературе используется под различными терминами: «фейковые новости», «фальшивые новости», «информационные вбросы», «медиафейки». В качестве примера публичного опровержения появляющихся в медиапространстве фейков могут служить содержащиеся недостоверные данные об участии России в событиях на международной арене. На официальном сайте МИД Российской Федерации внедрены разделы «Примеры публика-

ций, тиражирующих недостоверную информацию о России», «Опровержение», где отражена реакция государственного органа на информационные вбросы в виде размещения в данных разделах скриншотов фейковых новостей с соответствующей отметкой [8]. Данный подход считаем оправданным для внедрения на белорусском медийном поле, в частности на интернет-ресурсах органов государственного управления, организаций.

29 марта 2019 г. в России вступил в силу закон о блокировке фейковых новостей [9], который вводит запрет на распространение в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, что создает угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, массового нарушения общественного порядка либо создания помех функционированию или прекращения работы объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, предприятий энергетики, промышленности или связи. Нарушение данных требований влечет наложение штрафных санкций вплоть до 1,5 млн российских рублей.

Повышению уровня культуры в сетевом общении содействует постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания» [10], вступившее в силу 1 декабря 2018 г. Данный документ устанавливает предварительную идентификацию владельцем интернет-ресурса, сетевого издания пользователя при регистрации учетной записи путем заключения пользовательского соглашения. В нем должно быть предупреждение о недопустимости размещения пользователем сообщений, материалов, содержащих информацию, запрещенную законодательством к распространению. Такая мера позволяет дисциплинировать участников сетевого общения и более ответственно подходить к размещению той или иной информации.

Особого внимания требует рассмотрение еще одного деструктивного элемента – экстремизации аудитории в СМИ и сети Интернет. Поиск распространителями такой разрушительной идеологии новых способов воздействия за счет стремительного расширения коммуникационных площадок, в том числе посредством онлайн-пространства, ставит остро вопрос по обеспечению противодействия данному явлению современности. Заключение экспертных комиссий по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма служат весомой доказательственной базой в судах. По принятии судебного акта обвинительного характера, как правило, интернет-ресурсы пополняют республиканский список экс-

тремистских материалов, которые размещены в одноименном разделе на официальном сайте Министерства информации Республики Беларусь [11]. Однако, как видится, действующий правовой механизм не до конца совершенен, в первую очередь за счет того, что длительная процедура рассмотрения экстремистского материала экспертной комиссией не позволяет судом оперативно ограничить доступ с целью недопущения тиражирования противоправной информации по другим каналам и предотвратить новые преступления.

Примером новых технических решений правоохранительных органов с целью борьбы с проявлениями экстремизма может служить внедрение Следственным комитетом Российской Федерации широкого доступа работников следственных органов к системе мониторинга и прогнозирования противоправных действий на основе информации из социальных сетей, блогов и СМИ. Программистами разработана единая система, способная анализировать и обрабатывать сообщения пользователей данных интернет-площадок и, соответственно, оперативно принимать управленческие решения.

Заключение. Несовершенство национальной законодательной базы в части отсутствия единого координирующего органа, который бы осуществлял взаимодействие с заинтересованными структурами и координирование единой государственной информационной политики, мониторинг информационного пространства на предмет нарушения законодательства с использованием специальных технических средств и противодействие распространению в СМИ деструктивного, дестабилизирующего общественный правопорядок контента, заслуживает особого внимания со стороны белорусского законодателя. Разработка моделей угроз информационной безопасности и способов их преодоления, а также определение контуров возможных ограничений доступа информации для предотвращения преступных и террористических акций, защиты частной жизни человека сформируют четкое противостояние деструктивной идеологии.

Литература

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 1 марта 2019 г. № 1 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002>. – Дата доступа: 16.05.2019.
3. Гримак, Л.П. Тайны гипноза: современный взгляд / Л.П. Гримак. – М.: URSS, 2017. – 342 с.

4. Международный кодекс рекламной деятельности Международной торговой палаты [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Буданов, С.А. Информационная безопасность несовершеннолетних: правовой аспект / С.А. Буданов, С.Т. Гаврилов // Территория науки. – 2015. – № 2. – С. 165–169.
6. Об утверждении Инструкции о порядке действий работников учреждений образования, здравоохранения и сотрудников органов внутренних дел при выявлении факторов риска суицидальных действий у несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Министрств здравоохранения, образования, внутренних дел Республики Беларусь от 15 янв. 2019 г. № 7/5/13 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. Баранов, А.А. Кибербуллинг – новая форма угрозы безопасности личности подростка / А.А. Баранов, С.В. Рожина // Вестн. Балтийс. федер. ун-та им. И. Канта. – 2015. – № 11. – С. 62–66.
8. Публикации и опровержения [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/publikacii-i-opроверzenia>. – Дата доступа: 09.05.2019.
9. О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180022?index=3&rangeSize=1>. – Дата доступа: 07.06.2019.
10. Об утверждении Положения о порядке идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 нояб. 2018 г. № 850 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Республиканский список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Сайт Министерства информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/>. – Дата доступа: 22.05.2019.

Поступила в редакцию 17.06.2019 г.

УДК 347.63

Теоретические и практические аспекты применения презумпции отцовства при установлении происхождения ребенка

Басалай Е.И.

Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы, отражающие особенность правовой регламентации и практики применения презумпции отцовства в Республике Беларусь. Анализируются способы и порядок опровержения презумпции отцовства мужа матери на стадии регистрации рождения. Исследуется проблема опровержения отцовства мужа матери в случае рождения ребенка от иного лица после прекращения брака в период действия презумпции отцовства.

Цель данной научной работы – на основании сравнительного анализа содержания правового регулирования изучить теоретические и практические аспекты действия презумпции отцовства, способов ее опровержения.

Материал и методы. Основу исследования составил сравнительный анализ норм законодательства Республики Беларусь и ряда иностранных государств, регулирующих установление происхождения ребенка от отца в период действия презумпции отцовства.

Результаты и их обсуждение. Презумпция отцовства воспринята в качестве основного подхода при установлении происхождения ребенка, рожденного в браке в Республике Беларусь и иностранных государствах. Возможность исключить действие презумпции отцовства, если ребенок не происходит от мужа матери на стадии регистрации рождения ребенка, путем подачи соответствующих заявлений матери ребенка, мужа матери ребенка и фактического отца отвечает интересам ребенка и способствует реализации права знать своих родителей. Пробел в правовом регулировании конфликта презумпций бывшего и настоящего мужа на законодательном уровне предлагается разрешить в пользу действительного мужа матери при условии, что бывший муж исключает свое отцовство и не претендует на его установление.

Заключение. Установление происхождения ребенка, рожденного в браке от отца, на основании презумпции отцовства призвано служить интересам ребенка, способствовать воспитанию ребенка в полной семье. Опровержение действия презумпции на стадии регистрации рождения способствует реализации права ребенка знать своих родителей и позволяет сохранить баланс интересов ребенка и фактического отца.

Ключевые слова: презумпция отцовства, установление отцовства, оспаривание записи о родителях, происхождение ребенка от отца.

Theoretical and Practical Aspects of the Application of the Presumption of Paternity in Establishing the Origin of the Child

Basalai E.I.

Belarusian State University

The article discusses issues that reflect the peculiarity of legal regulation and the practice of applying the presumption of paternity in the Republic of Belarus. The methods and procedure for refuting the presumption of paternity of the husband of the mother at the stage of birth registration are analyzed. The problem of the refutation of paternity of the husband of the mother in the case of the birth of a child from another person after the termination of marriage during the presumption of paternity is investigated.

The purpose of this scientific work – based on a comparative analysis of the content of legal regulation, analyze the theoretical and practical aspects of the effect of the presumption of fatherhood, and ways to refute it.

Findings and their discussion. The presumption of paternity is perceived as the main approach in establishing the origin of a child born in marriage in the Republic of Belarus and in foreign countries. The possibility to exclude the presumption of paternity if the child does not come from the mother's husband at the stage of registration of the birth of the child, by filing the appropriate applications of the mother of the child, the husband of the mother of the child and the actual father, is in the interests of the child and helps to realize the right to know his parents. It is proposed to resolve the gap in the legal regulation of the conflict of presumptions of the former and real husband at the legislative level in favor of the actual husband of the mother, provided that the former husband excludes his paternity and does not pretend to establish it.

Conclusion. Establishment of the origin of a child born in marriage from a father on the basis of the presumption of paternity is intended to serve the interests of the child, to help raise the child in a complete family. The rebuttal of the presumption at the stage of birth registration contributes to the realization of the right of the child to know his parents and helps to maintain a balance of interests of the child and the actual father.

Key words: presumption of paternity, determination of paternity, contesting the record on the parents, origin of the child from his father.

Необходимым условием для возникновения правоотношения между отцом и ребенком является происхождение ребенка от определенного лица. Юридическая наука выработала различные подходы для установления правовой связи ребенка с отцом. В отношении мужчины, состоящего в браке с матерью ребенка, традиционно применяется презумпция отцовства, согласно которой муж матери признается отцом ребенка.

Исследованию проблемы применения презумпции отцовства в отечественной юридической литературе не уделялось должного внимания, о чем свидетельствует отсутствие специальных работ, посвященных указанной проблематике.

Цель данной научной работы – на основании сравнительного анализа содержания правового регулирования изучить теоретические и практические аспекты действия презумпции отцовства, способов ее опровержения.

Материал и методы. Основу исследования составил сравнительный анализ норм законодательства Республики Беларусь и ряда иностранных государств, регулирующих установление происхождения ребенка от отца в период действия презумпции отцовства.

Результаты и их обсуждение. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) в качестве основания возникновения правовых отношений между родителями и детьми рассма-

тривает происхождение детей, удостоверенное в установленном порядке (ст. 50 КоБС) [1]. Закон не дает легального определения понятия «происхождение», по общему правилу происхождение основывается на наличии кровного (биологического) родства между ребенком и родителем.

Установление происхождения ребенка от определенного мужчины затруднено, прежде всего, ввиду неочевидности наличия кровной связи между ребенком и отцом. Тем не менее основанием для установления происхождения ребенка от отца является наличие кровного родства. Учитывая данные особенности, формировались подходы для установления правовой связи между ребенком и отцом. Основным сложившимся подходом к установлению отцовства является презумпция отцовства мужа матери. Такой подход был известен еще римскому частному праву (*ate rest guem nu itae demonstrant* «тот отец, на кого указывает брак») и воспринят – большинством национальных законодательств [2, с. 91]. Существует распространенное мнение, что презумпция отцовства установлена в целях охраны интересов ребенка и его матери, в связи с чем положительно оценивается исследователями. При ее применении процедура установления отцовства предполагает соблюдение минимума формальностей, в орган, регистрирующий акты гражданского состояния (далее – орган загс), предоставляется документ, подтверждающий заключение брака, т.е. отцовство определяется фак-

том наличия брака между родителями ребенка и не подлежит доказыванию.

В общей теории права на сегодняшний день сформировались два основных подхода к пониманию презумпции – философский (статический) и юридический (динамический). Сторонники философского подхода считают, что в основе презумпции лежит предшествующий опыт. Предположение основано на том, что в сходной ситуации обычно подобные отношения выглядят одним и тем же образом [3, с. 8]. Ситуацию, когда у родителей, состоящих в браке, рождается общий ребенок, следует признать типичной.

Презумпция отцовства как основной способ установления отцовства при наличии действительного брака родителей известна различным правовым порядкам (Австрия, Канада, Франция, Швейцария и др.) [2, с. 91]. Основные различия в ее применении сводятся к признанию либо факта зачатия либо (и) рождения как основания действия презумпции отцовства. В Венгрии, Италии, ФРГ, других государствах отцом ребенка признается муж матери при условии, что ребенок зачат в период брака. Согласно Кодексу Наполеона 1804 г., «... если зачатие и рождение произошло в браке, то предполагается, что отцом ребенка является муж матери» [2, с. 91]. Аналогичный подход закреплен в законодательстве Японии. В некоторых странах достаточно лишь факта рождения ребенка в зарегистрированном браке (п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации) [4].

Белорусский законодатель в качестве условия применения презумпции отцовства рассматривает факт зачатия и (или) рождения ребенка в браке, зарегистрированном в установленном порядке. Согласно ч. 4 ст. 51 КоБС отцом ребенка, рожденного в браке, считается муж матери ребенка.

Поскольку в основе происхождения ребенка лежит наличие кровного родства, презумпция отцовства представляет собой общепринятый способ удостоверения его наличия. Из всех рассмотренных вариантов наиболее соответствующим действительности представляется подход, при котором и зачатие, и рождение ребенка произошло в браке. При зачатии ребенка до регистрации брака сложно говорить о браке как о факте, подтверждающем отцовство мужа. Для изучения данного вопроса интересным представляется мнение Н.Ф. Качур, которая отмечает, что если супруги сами не желают ставить под сомнение происхождение ребенка от отца, то нет никаких оснований отказываться от применения презумпции и в данном случае [5, с. 22]. Такое мнение основано на приоритете семейного воспитания ребенка. Отцовство мужа матери базируется на факте социального происхождения, который, тем не менее, считается подтверждающим наличие кровнородственной связи до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Кроме презумпции отцовства действительно мужа матери, закон устанавливает презумпцию отцовства бывшего мужа, если ребенок родился в течение десяти месяцев после прекращения брака либо признания брака недействительным (ч. 4 ст. 51 КоБС). Однако проблема соотношения названных презумпций (муж матери – отец, бывший муж – отец) на законодательном уровне в Республике Беларусь не разрешена, в этой связи возникает проблема приоритета презумпций, в случае когда изъявляют желание реализовать право на отцовство и бывший, и действительный муж матери. На практике разрешить конфликт презумпций могут фактические родители путем подачи совместного заявления в орган загс (ч. 2 ст. 54 КоБС).

О.Ю. Худякова считает, что при повторном замужестве и рождении ребенка, отцом которого может являться и первый, и второй муж, именно второго мужа необходимо рассматривать в качестве отца ребенка в целях защиты интересов семьи [6, с. 23]. Актуальность проблемы обусловлена также тем, что основания для регистрации рождения в органе загс есть у бывшего и настоящего мужа и орган загс не имеет права отказать в регистрации каждому из заявителей. При отсутствии правовых норм, на основании которых возможно разрешение конфликта, орган загс практически на свое усмотрение обязан принять решение.

Необходимость законодательно урегулировать данный вопрос и решить проблему конфликта презумпций бывшего и настоящего мужа матери очевидна. В то время как вопрос о приоритете отцовства, базирующегося на браке, или отцовства, основанного на кровном родстве, с позиции обеспечения прав и интересов ребенка вызывает серьезную дискуссию. В некоторых странах, в отличие от Республики Беларусь, проблема конфликта презумпций бывшего и настоящего мужа матери разрешена на законодательном уровне. Согласно Гражданскому закону Латвии, если ребенок родился через 306 дней после вступления матери в новый брак, его отцом считается новый супруг матери (§ 146) [7]. Семейный кодекс Республики Узбекистан (ст. 63) предусматривает, что ребенок, который родился у женщины не позднее чем на трехсотый день после прекращения брака, если женщина вступила в новый брак, считается рожденным в новом браке [8]. В данном случае законодатель обеспечивает воспитание ребенка в полной семье. Такой подход оправдан при условии, что бывший муж матери не претендует на установление отцовства. Сложно отрицать тезис о том, что наилучшим для ребенка будет воспитание отцом, с которым его связывает наличие кровного родства, даже в случае, когда мать состоит в браке с иным лицом. Родительские права обладают признаком неотчуждаемости, их нельзя передать от одного лица другому, в связи с чем позиция, высказанная

О.Ю. Худяковой, не в полной мере оправдана, когда на установление отцовства претендуют бывший и настоящий мужья матери. При наличии спора между бывшим и настоящим мужьями об отцовстве установление отцовства необходимо осуществлять в судебном порядке.

В ситуации, когда брак фактически распался и супруги проживают раздельно, при признании супруга безвестно отсутствующим, при его нахождении в учреждении системы исполнения наказания, а также в иных случаях, когда достоверно известно, что ребенок не происходит от мужа матери, регистрация последнего в качестве отца будет осуществлена. Законодатель не допускает исключения отцовства мужа матери по ее единоличному заявлению, даже при условии наличия достоверных доказательств, исключающих отцовство мужа матери. Запись об отце по правилам ч. 1 ст. 55 КоБС, со слов матери, без установления отцовства в отношении какого-либо лица также невозможна, поскольку действует презумпция отцовства. Невозможно исключение отцовства мужа матери по совместному заявлению матери ребенка и мужа матери, подтверждающему, что муж не является отцом ребенка, что прямо вытекает из содержания х. 4 ст. 54 КоБС.

Презумпция отцовства защищает интересы мужчины и женщины, состоящих в браке при приобретении родительских прав, традиционно рассматривается как средство защиты интересов ребенка. Тем не менее установление отцовства в отношении лица, которое заведомо не является отцом ребенка, не может отвечать интересам ни ребенка, ни его матери, ни мужа матери. В подобной ситуации отцовство мужа матери регистрируется в органе загс лишь для дальнейшей возможности оспорить эту запись на основании ст. 58 КоБС. Оспаривание записи об отцовстве со стороны мужа матери может не последовать, если им принято решение принять на себя родительские права и обязанности в отношении ребенка, с которым у него отсутствует биологическая связь.

Рассуждая о целесообразности законодательного закрепления права отца и матери, состоящих в браке, подать совместное заявление об исключении отцовства мужа матери при условии, что ребенок происходит от иного лица, которое не подало совместное заявление с матерью ребенка об установлении отцовства, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Установление отцовства в административном порядке (регистрация в органе загс) осуществляется в порядке, определенном законодательством на основании предоставленных документов, в компетенцию органа загс не входит установление наличия кровного родства. Только суд на основании доказательств, достоверно подтверждающих происхождение ребенка от определенного лица, может установить отцовство (ч. 4 ст. 57 КоБС).

Презумпция отцовства не должна препятствовать установлению отцовства на основании кровного родства, ее действие лишь подтверждает исторически сложившийся подход, базирующийся на совпадении социального (муж матери отец) и биологического (ребенок, рожденный в браке, происходит от мужа матери) факторов. В случаях несовпадения социального критерия с биологическим отцовство мужа матери должно быть опровергнуто, в интересах ребенка и биологического отца. Белорусский законодатель позволяет исключить действие презумпции отцовства в административном порядке на стадии регистрации рождения. Согласно ч. 6 ст. 51 КоБС происхождение ребенка от отца, не состоящего в браке с матерью ребенка, если мать ребенка состоит в браке с другим лицом, устанавливается на основании совместного заявления отца и матери ребенка о регистрации установления отцовства, заявления матери ребенка, подтверждающего, что ее муж не является отцом ребенка, и заявления мужа матери ребенка, подтверждающего, что он не является отцом ребенка, поданных в органы загс. Опыт белорусского законодателя не единожды признавался положительным, поскольку исключение презумпции путем подачи совместных заявлений, как отмечает Л.Б. Максимович и Т.В. Шершень, позволяет проблеме установления отцовства разрешать индивидуально с учетом конкретных жизненных реалий, посредством индивидуально-ситуационного регулирования [2, с. 92]. Если мать ребенка исключает отцовство мужа и признает отцовство иного лица, такая ситуация не исключает возможности установления правовой связи между ребенком и отцом без наличия кровного родства. При общей положительной оценке правового регулирования подобных отношений нельзя не отметить, что взаимное согласие матери и фактического отца установить отцовство и отказ мужа матери от отцовства не являются достоверным доказательством происхождения ребенка от определенного лица. Лицо, добровольно признавшее отцовство в силу положений ч. 2 ст. 58 КоБС, лишается права оспорить отцовство, что совершенно справедливо, поскольку решение принять на себя права и обязанности отца, зная об отсутствии кровного родства, должно быть взвешенным и окончательным, а оспаривание записи об отцовстве, если фактические родительские отношения с ребенком уже возникли, является большой травмой для последнего. В отношении мужа матери, который заявлением исключил свое отцовство, запрет на оспаривание записи не распространяется в силу отсутствия прямого указания в КоБС. Исключив свое отцовство путем подачи соответствующего заявления, муж матери может оспорить запись об отце. К нему будет применяться общее правило, предусмотренное ст. 58 КоБС.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности исключения отцовства бывшего мужа матери, если брак прекратился в результате смерти супруга либо объявления умершим путем подачи совместного заявления матерью ребенка и фактическим отцом.

Ч. 4 ст. 51 КоБС содержит общее положение о действии презумпции отцовства после прекращения брака в течение десяти месяцев. Также возникает вопрос о возможности применения ч. 4 ст. 51 КоБС в период действия презумпции отцовства умершего мужа. Мать ребенка (бывшая жена) не состоит в браке, а в случаях когда родители ребенка не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка – по совместному заявлению отца и матери ребенка о регистрации установления отцовства.

В случае рождения ребенка от иного лица, а не бывшего мужа, брак с которым прекратился в результате расторжения, законодатель прямо предусматривает возможность исключения отцовства бывшего мужа матери согласно положениям (ст. 54, 209 КоБС) путем подачи совместного заявления матери ребенка и лица, претендующего на установление отцовства.

Порядок осуществления регистрации рождения ребенка, родившегося после смерти отца, состоявшего в браке с матерью, определен ст. 208 КоБС, согласно которой в запись акта о рождении и свидетельство о рождении умерший записывается отцом ребенка при условии, если со дня его смерти до рождения ребенка прошло не более десяти месяцев. Ст. 208 КоБС указывает на отцовство бывшего мужа матери и не содержит каких-либо предписаний на случай, когда мать заявляет о рождении ребенка в период действия презумпции отцовства от иного лица (не бывшего мужа), что позволяет сделать вывод о невозможности исключения отцовства умершего мужа в административном порядке. В данной ситуации проблему необходимо рассматривать исходя из фактических обстоятельств, соблюдая баланс интересов заинтересованных лиц. Фактический отец наделен

правом установить отцовство в судебном порядке, оспорив произведенную ранее запись. Установление отцовства (факта отцовства) умершего супруга, если он не будет записан отцом в силу действия презумпции отцовства, может вызвать огромное количество затруднений на практике.

Заключение. Установление происхождения ребенка, рожденного в браке от отца, на основании презумпции отцовства призвано служить интересам ребенка, способствовать воспитанию ребенка в полной семье. Опровержение действия презумпции на стадии регистрации рождения способствует реализации права ребенка знать своих родителей и позволяет сохранить баланс интересов ребенка и фактического отца.

Литература

1. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1990 г., № 425-3: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. по сост. на 24 дек. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Максимович, Л.Б. Презумпция отцовства: законодательство и практика применения / Л.Б. Максимович, Т.В. Шершень // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 11. – С. 91–92.
3. Кузнецова, О.А. Презумпции в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Кузнецова; Уральс. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2001. – 23 с.
4. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ; в ред. Федер. закона РФ от 29.05.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
5. Качур, Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.Ф. Качур; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1982. – 63 с.
6. Худякова, О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству РФ и США: сравнительное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.Ю. Худякова; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2009. – 27 с.
7. Civillikums: Latvijas Republikas likums, 28 января 1937 г. [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas tiesību akti. – 2017. – Режим доступа: <http://likumi.lv/doc.php?id=225418>. – Дата доступа: 01.04.2019.
8. Семейный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: Закон Респ. Узбекистан, 30 апр. 1998 г., № 607-1: в ред. Закона Респ. Узбекистан от 18.04.2018 // Банк данных правовой информации. КОДЕКСЫ СТРАН СНГ // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

Поступила в редакцию 12.08.2019 г.

Предпринимательские сети в сфере сельского туризма

Колесникова Н.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Петрозаводский государственный университет» (Россия)

Развитие туризма является важным инструментом диверсификации экономики сельских территорий. Формирование предпринимательских сетей способствует повышению конкурентоспособности не только предприятий-участников таких сетей, но и территории в целом.

Цель статьи – исследование теоретических основ и обоснование практической целесообразности формирования сетевых объединений предпринимателей на примере сферы сельского туризма в Республике Карелия.

Материал и методы. Эмпирической базой изучения послужили результаты анализа предпринимательских практик в сфере сельского туризма в целом и в Республике Карелия в частности. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе и опирается на теоретические положения экономики и психологии.

Результаты и их обсуждение. Предложена система потребностей предпринимателя как бизнес-единицы, имеющая многоуровневую иерархическую структуру. Текущая мотивация предпринимателей определяет их ожидания от участия в предпринимательской сети и, соответственно, содержание цели и задач сети. В зависимости от реализуемых задач предпринимательские сети предложено классифицировать на «маркетинговую», «партнерскую» и «знаниевую». Полезность сети как количество взаимосвязей между участниками возрастает по мере эволюции сети от «маркетинговой» до «знаниевой»; увеличение происходит за счет как прироста количества участников, так и увеличения удельного количества взаимосвязей на одного участника. Экономический эффект от деятельности предпринимательской сети достигается благодаря экономии на транзакционных издержках, получаемой каждым предпринимателем-участником сети.

Заключение. Предпринимательская сеть поэтапно развивается в соответствии с ростом и усложнением мотивации участвующих в ней предпринимателей. Формирование предпринимательской сети приносит положительный экономический эффект, однако ее дееспособность зависит от соответствия актуальным потребностям предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательские сети, сельский туризм, иерархия предпринимательских потребностей, Республика Карелия.

Entrepreneurial Networks in Rural Tourism

Kolesnikova N.V.

Federal State Budget Educational Establishment
of Higher Education "Petrozavodsk State University" (Russia)

Tourism development is an important tool for diversifying the rural economy. The formation of entrepreneurial networks contributes to improving the competitiveness of not only enterprises that are members of such networks, but also the territory as a whole.

The aim of the article is to study the theoretical foundations and substantiate the practical feasibility of forming network associations of entrepreneurs on the example of rural tourism sector in the Republic of Karelia.

Material and methods. The empirical base of the research was the results of the analysis of business practices in the field of rural tourism, in general, and in the Republic of Karelia, in particular. The research methodology is based on an interdisciplinary approach and relies on the theoretical concepts of economics and psychology.

Findings and their discussion. The system of needs of an entrepreneur as a business unit with a multi-level hierarchical structure is proposed. The current motivation of entrepreneurs determines their expectations from participation in the entrepreneurial network and, accordingly, the goals and objectives of the network. Depending on the tasks to be implemented by network, it has been proposed to classify the entrepreneurial networks into the "marketing", "partner" and "knowledge" types. The usefulness of the network taken as the number of relationships between participants increases as the network evolves from the "marketing" to "knowledge" type; the increase occurs both due to increase in the number of participants, and due to increase in the number of interconnections per participant. The economic effect of the entrepreneurial network is achieved as an economy on transaction costs received by each entrepreneur member of the network.

Conclusion. An entrepreneurial network is developing in stages in accordance with the development and complication of the motivation of the entrepreneurs participating in it. The formation of an entrepreneurial network brings a positive economic effect, but its viability depends on whether it meets the current needs of entrepreneurs.

Key words: entrepreneurial networks, rural tourism, hierarchy of business needs, the Republic of Karelia.

Туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики как в глобальном масштабе, так и в Беларуси и России, составляющей важную часть экспортного потенциала и способствующей развитию регионов [1]. Сельский туризм как вид экономической деятельности признан важным инструментом решения актуальной проблемы диверсификации экономики сельских территорий [2; 3].

В соответствии с результатами теоретических исследований, подкрепленных многочисленными эмпирическими наблюдениями, объединение предпринимателей в сеть как в туризме, так и в других отраслях способствует обеспечению устойчивого развития предприятий-участников сети [4; 5]. Более того, анализ опыта деятельности предпринимательских сетей в сфере туризма показал, что они способствуют повышению конкурентоспособности не только предприятий-участников таких сетей, но и всей территории в целом за счет достижения синергетического эффекта [6].

Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей глубоко и детально исследованы А.Н. Асаулом, [7], О.Н. Богдановым, В.В. Куимовым [4] и другими авторами. Вместе с тем вопросы мотивации предпринимателей к кооперации в рамках сетевого объединения и оценки эффекта от участия в сети все еще остаются недостаточно изученными.

Цель настоящей работы – исследование теоретических основ и обоснование практической целесообразности формирования сетевых объединений предпринимателей на примере сферы сельского туризма в Республике Карелия.

Задачи исследования: выявление объективных экономических причин, а также личных мотивов предпринимателей для формирования сетевых форм организации деятельности, определение стадий эволюции сетевых объединений предпринимателей и предложение соответствующей классификации предпринимательских сетей, разработка методологического подхода к оценке эффекта от организации деятельности предпринимательских сетей различных видов.

Материал и методы. Материалом для эмпирических исследований в рамках настоящей работы послужили результаты проведенных автором опросов предпринимателей в сфере сельского туризма в Республике Карелия, а также анализа интернет-ресурсов, посвященных продвижению услуг гостевых домов.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе и опирается на теоретические положения экономики и психологии. Для обоснования мотивации индивидуальных

предпринимателей к взаимодействию в рамках сетевого объединения применены положения теории потребностей личности, разработанной А. Маслоу и его последователями [8; 9]. В зависимости от степени развития потребностей предпринимателя как экономического фактора обосновывается его мотивация к различным видам кооперации в рамках сетевых объединений. Цели и ожидания, с которыми предприниматели взаимодействуют в сетевом объединении, определяют содержание деятельности конкретного сетевого объединения, то есть его вид. В рамках работы предполагается, что сетевое объединение эволюционирует, то есть трансформируется из одного вида в другой в соответствии с развитием потребностей участвующих в нем предпринимателей.

Результаты и обсуждение. При обосновании целесообразности формирования предпринимательской сети важным аспектом является оценка полезности для предпринимателей и других экономических субъектов участия в сетевом объединении. Полезность участия в сети можно оценить, применив закон Меткалфа [10], согласно которому данная полезность определяется как количество уникальных связей, которыми может воспользоваться каждый участник сети. Сетевой эффект или полезность сети, в которой каждому узлу доступны все другие узлы, возрастает пропорционально квадрату числа узлов, что выражается известной формулой:

$$M = n(n - 1) / 2, \quad (1)$$

где M – количество уникальных связей (полезность сетевого объединения), n – количество участников сети.

Отметим, что участники сети совместно создают совокупную полезность сети, однако польза от участия в сети может распределяться между ними неравномерно – в зависимости от степени активности каждого участника. Также полезность в соответствии с подходом Меткалфа зависит от топологии сети, а именно наличия и характера связей между элементами сети, то есть формула (1) должна быть уточнена для каждого вида сетевого объединения.

Поскольку объектом исследования является сетевое объединение предпринимателей, то в дополнение к оценке полезности сети как производной от количества взаимосвязей важно оценить экономический эффект, выражающийся в стоимостных единицах. С целью оценки экономического эффекта от организации деятельности предпринимательской сети того или иного вида применены положения теории транзакционных издержек. Эффект определяется как экономия на транзакционных издержках, достигаемая в результате деятельности предпринимательской сети.

В соответствии с выбранным объектом и предметом исследования в рамках настоящей работы рассматриваются сетевые объединения, базовыми участниками которых являются предприниматели – собственники гостевых домов в сельской местности в Республике Карелия. Загородные гостевые дома составляют основу сектора гостеприимства в сельской местности в Республике Карелия. Услуги размещения в сельской местности также предоставляются загородными гостиницами и коттеджными комплексами, однако предлагаемый ими тип размещения существенно отличается от услуги размещения в обособленном гостевом доме. Правомерно считать, что услуга размещения в гостевом доме занимает отдельную рыночную нишу, а гостевые дома в сельской местности являются самостоятельной отраслью сектора гостеприимства. Кроме того, гостевые дома – это микро-предприятия, как правило семейные, и находятся в собственности и под непосредственным управлением индивидуального предпринимателя. Загородные гостиницы и коттеджные комплексы представляют собой предприятия среднего и крупного бизнеса. В связи с этим предприниматели-собственники гостевых домов представляют самостоятельный объект для исследований. Приведем основные отличительные характеристики рассматриваемых предпринимателей, поскольку они являются значимыми для дальнейшего исследования.

Предприниматель располагает, как правило, одним гостевым домом или, реже, несколькими гостевыми домами, размещенными на незначительном расстоянии друг от друга, позволяющем предпринимателю осуществлять лично непосредственное управление ими. Гостевой дом является единственным либо главным экономическим активом предпринимателя и обеспечивает личные доходы предпринимателя и его семьи. Управление гостевым домом составляет основное содержание деятельности предпринимателя как личности. Таким образом, деятельность предпринимателя как личности в значительной степени (но, конечно, не полностью) отождествляется с деятельностью предпринимателя как бизнес-единицы. Цели развития бизнеса предпринимателя определяются его личными целями и мотивами, потребности предпринимателя как бизнес-единицы – его потребностями как личности.

В соответствии с теорией, разработанной А. Маслоу [8] и расширенной его последователями [9], потребности личности организованы иерархически в несколько уровней: низший уровень – физиологические потребности, высший – потребность в самоактуализации. При наличии неудовлетворенных потребностей из разных уровней

деятельность человека концентрируется на реализации потребности более низкого уровня и лишь затем, после ее удовлетворения – на потребности более высокого уровня. Применим такой – «иерархический» – подход к анализу потребностей предпринимателя как бизнес-единицы [11], предложим «пирамиду бизнес-потребностей», для каждого уровня бизнес-потребностей определим соответствующую ему мотивацию предпринимателя к кооперированию в рамках сетевого объединения. Цели и задачи предпринимателей при кооперировании в рамках сетевого объединения определяют содержание и формы его (сетевого объединения) деятельности, в соответствии с которым предпринимательская сеть может быть классифицирована, то есть определен ее вид. Для каждого вида предпринимательской сети предложим ее топологию и подход к оценке эффекта от ее деятельности.

Начальный уровень потребностей предпринимателя как бизнес-единицы, который можно условно сопоставить с уровнем физиологических потребностей в пирамиде потребностей личности, включает необходимость в формировании дохода, минимально необходимого для поддержания жизнедеятельности предпринимателя и его семьи. Данная потребность должна удовлетворяться на начальном этапе развития бизнеса; если предприятие (гостевой дом) не генерирует минимально необходимый доход в течение продолжительного периода, то предприниматель прекращает бизнес в связи с нецелесообразностью. На данном этапе развития бизнеса предприниматель сосредоточен на достижении краткосрочных целей, в связи с чем не стремится к налаживанию долгосрочных партнерских отношений в рамках какого-либо сетевого объединения. С другой стороны, и внешние акторы не стремятся к вступлению в долгосрочные отношения с таким предпринимателем, поскольку неустойчивое экономическое положение и непредсказуемые перспективы существования предприятия обуславливают значительный риск отношений с ним.

Отметим, что далеко не всегда предприниматель при организации своего дела начинает «восхождение» по «пирамиде» бизнес-потребностей с самого начального, нижнего уровня. Если человек располагает начальным капиталом или альтернативным источником доходов в размере, необходимом как для содержания себя и своей семьи, так и обеспечения жизнедеятельности созданного предприятия в течение определенного срока, то он может начать «восхождение» сразу со второго уровня бизнес-потребностей.

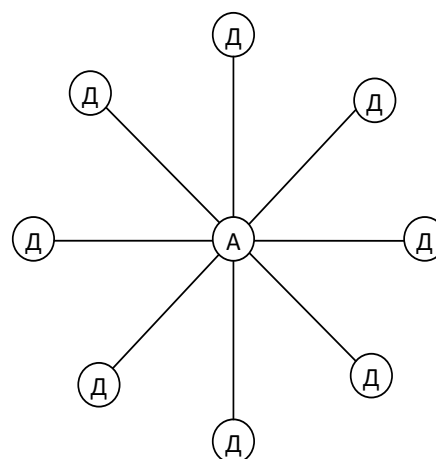
Вторым уровнем в системе потребностей личности являются потребности в безопасности,

среди основных компонент которой присутствуют комфорт и постоянство условий жизни, то есть уверенность «в завтрашнем дне». Реализация данной потребности предпринимателя как личности при проекции на бизнес трансформируется в потребность в достижении устойчивого финансово-экономического положения предприятия, которая конкретизируется, как правило, в потребности в формировании стабильного и достаточного спроса и, соответственно, объема продаж. Задача формирования спроса на услуги гостевого дома осложняется необходимостью проведения постоянной маркетинговой и рекламной кампании. Полноценная рекламная кампания, проводимая индивидуально для отдельного гостевого дома, скорее всего окажется чрезвычайно затратным мероприятием. Поскольку услуга размещения в гостевых домах Республики Карелия достаточно стандартизирована как туристский продукт и рассчитана в целом на одну и ту же целевую аудиторию, то логичным решением проблемы организации продвижения и продаж услуг видится разделение затрат на данную деятельность между множеством предпринимателей-собственников гостевых домов. Способом решения данной задачи является объединение предпринимателей в «маркетинговую» сеть, которая и возьмет на себя функции продвижения и организации продаж услуг гостевых домов.

Содержание деятельности «маркетинговой» сети определяется тем, что предприниматели делегируют функции маркетинга, рекламы и продвижения своих услуг единому центру, которым может являться маркетинговое или туристское агентство. Схема организации отношений предполагает, что агентство исполняет обязательства по продвижению, рекламе, приему заказов и, опционально, обработке платежей за услуги размещения в гостевых домах; предприниматели оплачивают услуги агентства в виде комиссионного вознаграждения.

Рассмотрим «маркетинговую» сеть как систему. Ключевыми элементами данной системы являются предприниматели-собственники гостевых домов, так как главная цель функционирования этой системы заключается в продвижении и продаже предоставляемых ими услуг размещения. Центральным элементом данной системы выступает туристское или маркетинговое агентство, оно осуществляет коммуникацию сетевого объединения с внешней средой, а именно продвижение и продажу услуг размещения в гостевых домах, предоставляемых предпринимателями. Связи между элементами «маркетинговой» сети организованы по схеме «колесо» (рисунок 1): все элементы, представляющие предпринимателей, непосредственно связаны с центральным элементом, представля-

ющим агентство, и других связей не имеют. Количество связей в такой системе равно $n - 1$, где n – общее количество элементов системы.

Д – предприниматель-собственник гостевого дома;

А – туристское (маркетинговое) агентство

Рисунок 1 – Топология «маркетинговой» сети

Консолидация в едином центре функций маркетинга, рекламы и продвижения услуг достаточно большого количества гостевых домов, предоставляющих схожие по потребительским качествам услуги размещения и ориентированных на единую целевую аудиторию, позволяет значительно снизить среднюю стоимость привлечения одного клиента. В связи с этим агентство имеет возможность установить относительно небольшое комиссионное вознаграждение за свои услуги, а предприниматели-собственники гостевых домов смогут заместить расходы на самостоятельное осуществление маркетинговых мероприятий меньшими по размеру расходами на оплату маркетинговых услуг агентства. Таким образом, экономический эффект «маркетинговой» сети для предпринимателей-собственников гостевых домов будет проявляться в экономии на транзакционных издержках, связанных с рекламой и продвижением, и получении дополнительной выручки от продаж за счет увеличения объема реализации услуг гостевого дома в результате деятельности сети. Увеличение объема оказываемых услуг приводит к пропорциональному увеличению переменных расходов предприятия предпринимателя, при этом постоянные расходы остаются неизменными, что необходимо учитывать при расчете эффекта. Таким образом, эффект «маркетинговой» сети может быть рассчитан по следующей формуле:

$$E = (TrC_o - TrC_1) + (Q_1 - Q_o) - (VC_1 - VC_o), \quad (2)$$

где E – величина эффекта для предпринимателя-собственника гостевого дома, за период (год), в стоимостных единицах;

TrC_o – транзакционные издержки, связанные с маркетингом, рекламой и продвижением услуг, при условии самостоятельного исполнения предпринимателем данных функций (т.е. при неучастии в сети);

TrC_1 – транзакционные издержки предпринимателя при участии в сети (объем комиссионного вознаграждения агентству);

Q_1 – объем реализации услуг при условии участия в сети;

Q_o – объем реализации услуг при условии неучастия в сети;

VC_1 и VC_o – объемы переменных издержек, соответствующие Q_1 и Q_o .

В практике предпринимательской деятельности в сфере туризма размер агентского комиссионного вознаграждения обычно фиксируется как доля («процент») от объема продаж. Переменные издержки составляют постоянную долю в стоимости услуг гостевого дома. С учетом данных предположений формулу (2) можно представить в следующем виде:

$$E = (TrC_o - Q_1 \times c) + (Q_1 - Q_o) \times (1 - vc), \quad (3)$$

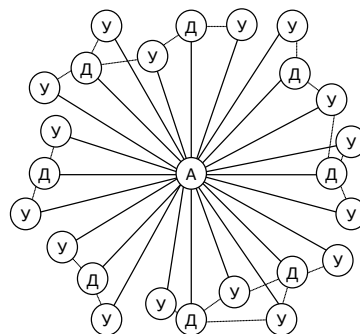
где c – доля комиссионного агентского вознаграждения в цене продажи туристских услуг;

vc – доля переменных издержек в стоимости услуг.

Третьим уровнем в иерархии потребностей человека являются социальные потребности, включающие в том числе потребности в общении и совместной деятельности. Удовлетворение данных потребностей в рамках предпринимательской деятельности проявляется в стремлении предпринимателя-собственника гостевого дома к привлечению к совместной деятельности внешних акторов. Поскольку такая совместная деятельность должна отвечать интересам бизнеса, то предметом ее является, как правило, формирование комплексного турпродукта путем кооперирования с предпринимателями-поставщиками сопутствующих услуг, которые дополняют основную услугу – услугу размещения в гостевом доме. К таким услугам относятся питание, трансфер туристов, аренда туристского снаряжения (лодки, велосипеды, снегоходы и пр.), организация досуговых мероприятий, например, мастер-классов традиционных ремесел и кухни, экскурсий и т.п. Комплексный турпродукт обладает более высокой потребительской ценностью по сравнению с разрозненными туристскими услугами, поэтому его формирование усиливает позиции предпринимателей на рынке.

Предприниматели-участники «маркетинговой» сети, налаживая кооперационные связи с предпринимателями, предоставляющими сопутствующие туристские услуги, способствуют

включению в сетевое объединение новых участников – предпринимателей, представляющих смежные сферы туристской деятельности. Состав участников «маркетинговой» сети количественно увеличивается, а в качественном аспекте становится более разнообразным. Таким образом, «маркетинговая» сеть трансформируется в сетевое объединение качественно нового вида – определим его как «партнерская» сеть (рисунок 2).

Д – предприниматель-собственник гостевого дома;

У – предприятие, предоставляющее сопутствующие туристские услуги;

А – туристское (маркетинговое) агентство

Рисунок 2 – Топология «партнерской» сети

Рассмотрим «партнерскую» сеть как систему. Состав ее элементов отличается от «маркетинговой» сети тем, что в нее включаются дополнительные элементы нового вида – предприниматели-поставщики сопутствующих туристских услуг. Помимо того, что в «партнерской» сети расширяется видовой состав элементов системы, также происходит увеличение количества связей между элементами и расширение разнообразия содержания взаимосвязей.

Так, предприниматели, оказывающие услуги размещения в гостевых домах, устанавливают непосредственные взаимосвязи с предпринимателями-поставщиками сопутствующих туристских услуг. Содержанием данных связей будут являться информационный обмен и координация действий по поводу организации оказания услуг туристам. Данные связи могут носить как неформальный характер, то есть основываться на устных договоренностях, так и формальный, то есть оформляться письменными соглашениями. Предприятия предпринимателей, устанавливающих такие связи между собой, пространственно расположены, как правило, в непосредственной близости друг от друга или в пределах транспортной доступности в течение приемлемого для туриста времени (0,5–1 час). Поэтому каждый предприниматель-собственник гостевого дома устанавливает связи не со всеми участвующими в сети пред-

принимателями, оказывающими сопутствующие услуги, а лишь с некоторыми из них, в результате чего в рамках системы формируются относительно устойчивые группы элементов, каждая из которых имеет определенную пространственную локализацию.

Поскольку предприниматели, оказывающие сопутствующие услуги, являются самостоятельными экономическими субъектами и действуют юридически от своего имени, то для участия в формировании комплексных туристских продуктов агентством они должны установить и формализовать свои отношения с агентством; то есть в «партнерской» сети как системе присутствуют прямые связи между центральным элементом (агентством), с одной стороны, и элементами, представляющими данных предпринимателей, – с другой. Содержание данных взаимосвязей будет аналогично содержанию связей, присущему «маркетинговой» сети, то есть заключаться в юридически обязывающих отношениях по поводу продвижения и реализации туристских услуг, с одной стороны, и их исполнению – с другой.

Каждый дополнительный элемент в «партнерской» сети, представляющий предпринимателя-поставщика сопутствующих услуг, увеличивает количество связей в сети, как минимум, на две единицы, так как связан по меньшей мере с двумя другими элементами – хотя бы одним предпринимателем-собственником гостевого дома и с агентством. Максимальное теоретически возможное количество связей в «партнерской» сети составляет $n_A + n_y + n_A \times n_y$, где n_A – количество элементов, представляющих предпринимателей-собственников гостевых домов, n_y – количество элементов, представляющих предпринимателей-поставщиков сопутствующих услуг; это количество соответствует ситуации, когда все гостевые дома имеют прямые связи со всеми поставщиками сопутствующих услуг. Однако в реальной предпринимательской практике такая ситуация маловероятна, поэтому практически достижимое количество связей будет значительно меньше максимального. Практически достижимое количество связей в системе будет составлять $n_A + n_y + n_A \times k$, где k – среднее фактическое количество взаимосвязей, устанавливаемых предпринимателем-собственником гостевого дома с предпринимателями-поставщиками сопутствующих услуг; или $n - 1 + n_A \times k$, где n – общее количество элементов в системе.

Четвертый уровень потребностей человека состоит в потребности в уважении. В отношении предпринимателя как бизнес-единицы потребность в уважении может быть интерпретирована как стремление к безупречной деловой репутации,

авторитету среди коллег и положительному имиджу среди партнеров и клиентов. По мнению автора, действия предпринимателей-участников «партнерской» сети по реализации данных потребностей не сопровождаются изменениями в составе, целях, задачах, функциях сетевого объединения, в связи с чем не будем далее рассматривать данный уровень.

Пятый уровень в иерархии потребностей человека заключается в потребностях познания, которые включают стремление знать, уметь, исследовать. Для предпринимателя как бизнес-единицы данные потребности конкретизируются в стремлении к приобретению новых знаний и навыков в своей профессиональной сфере, обмену опытом с партнерами и коллегами по отрасли.

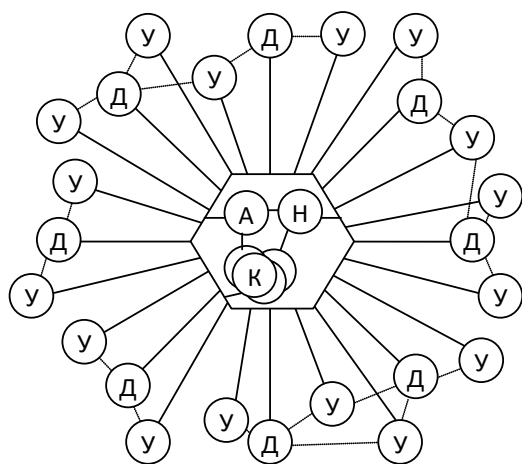
Знания, которые представляют ценность для предпринимателей, можно отнести к двум категориям: первая – универсальные знания, применимые на предприятии любой отраслевой принадлежности, например, теория управления персоналом, основы маркетинга, управленческий учет и т.д.; вторая – специальные знания, применимые исключительно в отрасли или рыночной нише, в которой осуществляет свою деятельность предприниматель. Возможности получения специальных знаний из общедоступных источников, как правило, очень ограничены, так как круг носителей и потребителей специальных знаний в конкретной рыночной нише относительно узок. При значительной специфичности рыночной ниши практически единственным способом получения актуальных специальных знаний для предпринимателя будет обмен знаниями с другими предпринимателями-коллегами по рыночной нише. Инструментом, с помощью которого целесообразно организовать обмен знаниями в рамках группы профессионалов, является объединение такой группы в «знаниевую» сеть (рисунк 3).

Содержанием деятельности «знаниевой» сети выступают организация мероприятий по обмену информацией (конференций, круглых столов, семинаров), организация и поддержка интернет-площадки для обмена информацией (форума, банка данных и т.п.), организация обучающих мероприятий (курсов повышения квалификации, мастер-классов и др.), а также осуществление других видов деятельности, способствующих обмену знаниями между предпринимателями и другими участниками сети. Состав участников «знаниевой» сети, в соответствии с логикой развития рассматриваемого сетевого объединения, включает участников «партнерской» сети, для которых актуальна потребность в получении новых профессиональных знаний. В связи с этим «знаниевая» сеть может быть организована как надстройка к

«партнерской» сети либо существовать как отдельный дополнительный вид деятельности в рамках «партнерской» сети. Вместе с тем так как основной вид деятельности «знаниевой» сети – обмен знаниями – отличается от целей и задач «партнерской» сети, то «знаниевая» сеть может функционировать как обособленная от «партнерской» сети организация. Кроме того, «знаниевая» сеть может быть не оформлена как формальная организация, так как не предполагает юридически обязывающих отношений между участниками.

В соответствии с содержанием деятельности «знаниевой» сети целесообразно вхождение в состав ее участников образовательных или консалтинговых организаций, что будет отвечать интересам как предпринимателей в сфере сельского туризма, так и данных организаций. Коллективный интерес предпринимателей будет состоять в получении профессиональных услуг по обеспечению процесса обмена знаниями; интерес консалтинговых и образовательных организаций заключается в увеличении объема предоставляемых ими услуг, а также в развитии собственных компетенций.

Функции координационного центра «знаниевой» сети могут быть делегированы маркетинговому (туристскому) агентству (если она организационно совпадает с «партнерской» сетью), консалтинговой или образовательной организации либо специально учрежденной структуре, как правило, некоммерческой организации.

Д – предприниматель-собственник гостевого дома;
У – предприятие, предоставляющее сопутствующие туристские услуги;
А – туристское (маркетинговое) агентство;
К – образовательная/консалтинговая организация;
Н – некоммерческая организация

Рисунок 3 – Топология «знаниевой» сети

Рассмотрим «знаниевую» сеть как систему. Элементы данной системы по составу практически полностью совпадают с элементами «партнерской» сети и представлены предпринимателями-собственниками гостевых домов и поставщиками сопутствующих туристских услуг, а также туристским (маркетинговым) агентством.

Дополнительно в состав «знаниевой» сети включаются лишь несколько элементов, представляющих образовательную и консалтинговую организации, кроме того, возможно включение специально созданной некоммерческой организации. Вместе с тем «знаниевая» сеть существенно отличается от «партнерской» сети с точки зрения организации и содержания связей между элементами системы. Связи в рамках «знаниевой» сети формируются с целью обмена информацией (профессиональными знаниями). Информация, циркулирующая в «знаниевой» сети, доступна для каждого участника сети. То есть информация, исходящая от определенного участника сети, имеет источник, но не имеет конкретного адресата. Прием информации каким-либо участником сети будет зависеть сугубо от его решения – например, прочитать ли новое сообщение на внутрисетевом форуме, посетить ли семинар, мастер-класс, тренинг, организуемый «знаниевой» сетью и т.д. При таком характере связей участники «знаниевой» сети связаны не друг с другом непосредственными двусторонними отношениями, как в «маркетинговой» и «партнерской» сети, а с информационным контуром. Вся информация, которой хочет поделиться какой-либо участник «знаниевой» сети, поступает в информационный контур. Вся информация, которая поступила в информационный контур «знаниевой» сети, становится доступной для всех ее участников. Организация функционирования такого информационного контура составляет основную задачу координационного центра «знаниевой» сети – центрального элемента системы.

Количество связей между элементами «знаниевой» сети является максимально возможным и соответствует положению, когда каждый элемент сети непосредственно связан со всеми остальными элементами, то есть равно $n(n-1)/2$. Действительно, каждый участник сети может являться источником информационного потока, который может достичь всех остальных участников без каких бы то ни было элементов-посредников. Таким образом, можно обнаружить, что при одинаковом числе участников количество связей в «знаниевой» сети окажется в $((n-1)/2)$ раз больше, чем в «маркетинговой» сети. Однако проводить прямое сопоставление «знаниевой» сети с «маркетинговой» и «партнерской» сетью по показателю количества связей в системе будет некоррек-

тно в силу специфики организации и содержания связей между элементами. Так, в «партнерской» и «маркетинговой» сети связи между участниками, будучи установленными, заключаются в двустороннем взаимодействии элементов, то есть являются активными. Связи в «знаниевой» сети могут быть как двусторонними (участник и получает информацию, и генерирует ее), так и односторонними (участник только получает информацию), то есть как активными, так и пассивными. Кроме того, связи в рамках «знаниевой» сети могут отличаться друг от друга в зависимости от активности и восприимчивости конкретного элемента, то есть связи могут носить как постоянный характер, так и спорадический (когда элемент воспринимает лишь часть информационного потока).

Заключение. В рамках работы была предложена система потребностей предпринимателя как бизнес-единицы, имеющая многоуровневую иерархическую структуру. Уровни потребностей предпринимателя как бизнес-единицы соответствуют уровням потребностей предпринимателя как личности, исследованным в рамках теоретического подхода, разработанного А. Маслоу и его последователями. На основе анализа потребностей предпринимателей-собственников сельских гостевых домов в Республике Карелия предложено выделить следующие уровни потребностей: 1) генерирование минимально необходимого дохода для обеспечения жизнедеятельности предпринимателя и его семьи; 2) достижение устойчивого финансово-экономического положения, стабильности объема продаж; 3) кооперирование с предпринимателями-поставщиками сопутствующих услуг, участие в формировании комплексных турпродуктов; 4) безупречная деловая репутация, положительный имидж среди партнеров и клиентов; 5) приобретение новых профессиональных знаний и навыков, обмен опытом с партнерами и коллегами по отрасли. «Движение» предпринимателя от базовых потребностей к потребностям более высокого уровня происходит по мере удовлетворения потребностей более низкого уровня, то есть, например, если предприниматель испытывает потребности в финансовом обеспечении жизнедеятельности своей семьи и в формировании положительного имиджа своего предприятия, то приоритетнее для него будет удовлетворение первой потребности.

Уровень потребностей, который является приоритетным для конкретного предпринимателя в данный момент, определяет его мотивацию и цели бизнес-деятельности, в том числе цели, которые он преследует при участии в сетевых объединениях предпринимателей. Таким образом, предпринимательская сеть поэтапно развивается

в соответствии с развитием и усложнением мотивации участвующих в ней предпринимателей. В результате теоретических исследований и эмпирического анализа сферы сельского туризма в Республике Карелия предложено выделить следующие виды предпринимательской сети, соответствующие этапам ее развития: «маркетинговая» сеть – обеспечивает устойчивый спрос на услуги размещения в гостевом доме предпринимателя-участника сети; «партнерская» сеть – объединяет усилия предпринимателей в сфере сельского туризма по формированию комплексных туристских продуктов; «знаниевая» сеть – служит инструментом обмена профессиональными знаниями.

Цели и задачи предпринимательской сети должны соответствовать мотивации участвующих в ней предпринимателей. Попытки «перескочить» определенный этап развития, например, создать «знаниевую» сеть для предпринимателей, находящихся на стадии удовлетворения базовых бизнес-потребностей, скорее всего приведут к неработоспособности такого сетевого объединения. Данный тезис подтверждается опытом Республики Карелия: созданная в начале 2000-х годов в рамках международного проекта сеть по обмену знаниями в сфере сельского туризма прекратила свою деятельность вскоре после создания в связи с отсутствием интереса в предпринимательской среде. В настоящее время в Республике Карелия действует несколько «маркетинговых» сетей, состав участников которых в значительной степени совпадает. Роль центрального элемента – агентства – выполняют интернет-площадки, осуществляющие продвижение услуг гостевых домов и прием заказов. «Партнерские» сети фрагментированы, их формирование происходит преимущественно по инициативе компании-туроператора, то есть «сверху», а не «снизу». Вместе с тем в отдельных локациях действуют небольшие неформализованные объединения «партнерского» вида, созданные предпринимателями инициативно. «Знаниевая» сеть в сфере сельского туризма в Республике Карелия отсутствует, но ее создание обсуждается в предпринимательской среде.

Полезность сетевого объединения, определяемая как количество взаимосвязей между участниками, увеличивается по мере развития сети от «маркетинговой» до «знаниевой»; причем увеличение происходит как за счет прироста количества участников, так и за счет увеличения удельного количества взаимосвязей на одного участника. Экономический эффект от деятельности сети достигается за счет экономии на транзакционных издержках, получаемой каждым предпринимателем-участником сети.

Литература

1. Янкевич, Е.М. Проблемы и перспективы развития туризма в Республике Беларусь / Е.М. Янкевич, В.В. Квасникова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3(11). – С. 44–55.
2. Александров, И.Н. Новые подходы к стратегическому управлению развитием сельского туризма как инструменту развития региональной экономики / И.Н. Александров, М.Ю. Федорова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 134(10). – С. 1–11.
3. Ермалинская, Н. Развитие сельского туризма как формы агробизнеса в Беларуси: условия, тенденции и практический опыт / Н. Ермалинская, Т. Фильчук, В. Евтушенко // Аграрная экономика. – 2018. – Т. 6, № 277. – С. 61–72.
4. Богданов, Н.О. Современные тенденции развития и кооперирования услуг в предпринимательских сетях / Н.О. Богданов, В.В. Куимов. – М., 2018. – 216 с.
5. Kallmuenzer, A. Entrepreneurship in tourism firms: A mixed-methods analysis of performance driver configurations / A. Kallmuenzer, S. Kraus, M. Peters et al. // Tourism Management. – 2019. – Vol. 74. – P. 319–330.
6. Волков, С.К. Предпринимательские сети в туризме: анализ зарубежного опыта и рекомендации для отечественного бизнеса / С.К. Волков // Маркетинг услуг. – 2016. – № 2. – С. 112–116.
7. Асаул, А.Н. Методологические аспекты формирования и развития предпринимательских сетей / А.Н. Асаул, Е.Г. Скуматов, Г.Е. Локтева. – СПб.: Гуманистика, 2004. – 256 с.
8. Маслоу, А.Г. Мотивация и личность / А.Г. Маслоу; пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
9. История проблемы, или Почему Маслоу не строил пирамиду потребностей? // Генкин, Б.М. Экономика и социология труда / Б.М. Генкин. – М.: НОРМА, 2007. – Гл. 3.1.
10. Metcalfe, B. Metcalfe's Law after 40 Years of Ethernet / B. Metcalfe // Computer. – 2013. – Vol. 46, № 12. – P. 26–31.
11. Колесникова, Н.В. Иерархия потребностей как фактор формирования трансграничной предпринимательской сети в сельском туризме / Н.В. Колесникова, Н.Г. Колесников // Сервис в России и за рубежом. – 2014. – Т. 8, № 7(54). – С. 4–18.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

УДК 338.3:005.93

Направления и механизмы трансформации организационно-управленческой структуры производства в контексте новой индустриальной экономики

Мелешко Ю.В.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

В условиях глобальной технологической неопределенности, ужесточения международной конкуренции и усиления геоэкономической нестабильности переход к новой индустриальной экономике требует трансформации организационно-управленческой структуры производства.

Цель данной научной работы заключается в развитии теоретических основ организационно-управленческой структуры производства, характерной для новой индустриальной экономики.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили программные документы, электронные информационные ресурсы, посвященные проблемам новой индустриализации и трансформации организационно-управленческой структуры промышленного производства. В качестве методической основы выступили общенаучные методы и принципы познания, а именно: метод дедукции и индукции, метод сравнительного анализа, системный и институциональный подходы, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. Существующие интерпретационные модели новой индустриализации по причине методологической неопределенности не могут использоваться в качестве теоретико-методологической основы для текущей экономической политики. Для того чтобы системно раскрыть особенности производства, сложившегося в конкретном обществе в определенный период времени, требуется отказаться от изучения идеального типа производства и рассмотреть онтологические особенности производства с точки зрения предмета труда, технологической структуры и организационно-управленческих отношений. В статье выявлены и охарактеризованы такие направления трансформации организационно-управленческой структуры современного промышленного производства, как интеграция промышленной продукции и служебных компонентов, что меняет привычные бизнес-модели и приводит к появлению новых способов создания

добавленной стоимости; фактором промышленного производства становится информационный капитал, используемый для формирования виртуальных производственных систем и продуктов с целью повышения их согласованности, прогнозируемости и надежности; преимущественной формой организации выступают сетевые структуры, объединяющие автономных экономических субъектов разного уровня на принципах временной кооперации; трудовые отношения изменяются в сторону увеличения гибкости управления, форм занятости и условий найма, возрастания требований к квалификации и личным качествам работников на фоне повышения требований работников к условиям труда.

Заключение. Выявлены онтологические особенности организационно-управленческой структуры производства, характерной для новой индустриальной экономики, показаны направления и механизмы ее трансформации.

Ключевые слова: промышленность, производство, организационно-управленческие отношения, новая индустриальная экономика, технологии, цифровизация, услуги промышленного характера, информация, сетевые структуры.

Directions and Mechanisms of Transformation of the Organizational and Management Structure of Production in the Context of the New Industrial Economy

Mialeshka Yu.V.

Educational Establishment "Belarusian National Technical University"

In the conditions of global technological uncertainty, tightening of international competition and increasing geo-economic instability, the transition to a new industrial economy requires a transformation of the organizational and management structure of production.

The purpose of this scientific work is to develop the theoretical foundations of the organizational and managerial structure of production characteristic of the new industrial economy.

Material and methods. Program documents, e-information resources on the issues of new industrialization and transformation of the organization and managerial structure of industrial production were the research materials. General scientific methods and principles of cognition, namely, the method of deduction and induction, the method of comparative analysis, systemic institutional approaches, as well as other general scientific methods and principles of cognition, made up the methodological basis.

Findings and their discussion. The existing interpretational models of new industrialization due to methodological uncertainty cannot act as a theoretical and methodological basis for current economic policy. In order to systematically reveal the characteristics of production that takes shape in a particular society at a certain period of time, it is required to abandon the study of the ideal type of production and consider the ontological characteristics of production in terms of the subject of labor, technological structure, and organizational and managerial relations. The article identifies and characterizes such areas of transformation as the organizational and management structure of modern industrial production as integration of industrial products and service components, which changes the usual business models and leads to the emergence of new ways to create added value; the factor of industrial production is the information capital used to form virtual production systems and products in order to increase their consistency, predictability and reliability; the predominant form of organization becomes network structures uniting autonomous economic subjects of different levels on the principles of temporary cooperation; labor relations are changing in the direction of increasing the flexibility of management, forms of employment and conditions of employment, increasing requirements for qualifications and personal qualities of workers against the background of increasing workers' requirements for working conditions.

Conclusion. Ontological features of the organizational and management structure of production characteristic of the new industrial economy are revealed; the directions and mechanisms of their transformation are shown.

Key words: industry, production, organizational and managerial relations, new industrial economy, technology, digitalization, industrial services, information, network structures.

В экономическом дискурсе для обозначения экономики, базирующейся на современном промышленном производстве нового типа, используются различные дефиниции: «новая индустриальная экономика», «неоиндустриальная экономика», «сверхиндустриальная экономика», «Индустрия 4.0» и т.п. Различаются и интерпретационные модели новой индустриализации – новая промышленная революция по П. Маршу [1], третья индустриальная революция по Дж. Рифкину [2], четвертая промышленная революция по К. Швабу [3], шестой технологический

уклад по С.Ю. Глазьеву [4] и др. Высокая динамика изменений в производстве как единой системе порождает множественность концепций модернизации производственно-технологических отношений. В широком смысле в основу концепции промышленных революций, как и родственных ей концепций технологических укладов, положена теоретико-методологическая установка технологического детерминизма, исходящего из того, что распространение новых технологий вызывает кардинальные изменения хозяйственной системы. Так, по мнению автора упомянутых концепций, «электроника, биотехнологии, Интернет

и лазеры, а также множество подразделов этих основных дисциплин» [1, с. 40] должны привести к новой (пятой) промышленной революции; распределенные возобновляемые источники энергии – к третьей промышленной революции [2]; аддитивные технологии, большие данные, интернет вещей – к четвертой промышленной революции [3]; нанотехнологии, биоинженерия, информационно-коммуникационные технологии – к шестому технологическому укладу [4].

Общей проблемой для рассматриваемых концепций технологического детерминизма является, как справедливо отмечает С.Ю. Солодовников, то, что «до настоящего времени отсутствуют четкие фундаментальные представления о том, что же следует понимать под технологической эволюцией» [5, с. 45]. Отсутствие методологического единства порождает множественность интерпретационных моделей, ни одна из которых, тем не менее, не может выступать в качестве теоретико-методологической базы для текущей экономической политики. Адекватная оценка ситуации в современном производстве требует пересмотра теоретико-методологических подходов на основе отказа от изучения идеального типа производства. До настоящего времени ученые не смогли системно охарактеризовать онтологическую природу новой индустриальной экономики, что обуславливает актуальность данной статьи. Цель нашего исследования – выявление направлений и механизмов трансформации организационно-управленческой структуры производства в контексте новой индустриальной экономики.

Для того чтобы системно раскрыть особенности производства, сложившегося в конкретном обществе в определенный период времени, следует рассмотреть три характеристики производства: предмет труда, технологическая структура производства и организационно-управленческие отношения. Поскольку труд «представляет собой особый вид субъектно-объектных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений» [6, с. 65–66], то производственные отношения также включают в себя и субъект-объектные, и объект-объектные отношения. Предмет труда и технологическая структура производства являются основой для субъект-объектных отношений, формирующихся в процессе производства. Организационно-управленческие отношения возникают между субъектами в процессе производства и носят субъект-субъектный характер. Субъект-объектные отношения изменяются сразу же с технологиями производства и влекут трансформацию организационно-управленческих отношений. Последние, несмотря на изначальную предопре-

ленность технологической структуры производства, в зависимости от конкретно-исторических, национальных и иных условий могут принимать различные формы и в этой части обладают относительной самостоятельностью.

Цель данной научной статьи заключается в развитии теоретических основ организационно-управленческой структуры производства, характерной для новой индустриальной экономики.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили программные документы, электронные информационные ресурсы, посвященные проблемам новой индустриализации и трансформации организационно-управленческой структуры промышленного производства. В качестве методологической основы исследования выступили общенаучные методы и принципы познания (метод дедукции и индукции, метод сравнительного анализа, системный и институциональный подходы).

Результаты и их обсуждение. В экономической литературе под организационно-управленческой структурой производства понимают способ организации во времени и пространстве элементов производственного процесса, выражающийся в системе устойчивых связей. Как основные критерии характеристики организационно-управленческой структуры производства используются разделение труда, специализация и кооперация, концентрация и комбинирование. В зависимости от широты номенклатуры, регулярности, стабильности и объема выпуска продукции различают единичное, серийное и массовое производство. Такой подход акцентирует внимание на составе и взаимосвязях основных компонентов производственного процесса и представляется для целей нашего исследования излишне технократическим. Следует подчеркнуть, что организационно-управленческие отношения не ограничиваются отношениями координации людей в процессе производства. В основе организационно-управленческой структуры производства лежат производственные отношения, то есть отношения, возникающие между субъектами в процессе производства. Учитывая это, по нашему мнению, организационно-управленческая структура должна отражать, в первую очередь, особенности субъект-субъектных отношений в производстве.

В новой индустриальной экономике быстрая смена технологий не обязательно влечет радикальное изменение типа производства, поскольку отражает, в первую очередь, изменение инструментов производства. Качественно новые характеристики производства проявляются в трансформации организационно-управленческих отношений, происходящей под воздей-

ствием, в том числе, новых технологий. В основе организации промышленного производства в неиндустриальной экономике лежат следующие принципы: 1) промышленная продукция включает услуговые компоненты; 2) информация выступает фактором промышленного производства; 3) преимущественной формой организации являются сетевые структуры; 4) трудовые отношения характеризуются гибкостью управления, форм занятости и условий найма, возрастающими требованиями к квалификации и личным качествам работников на фоне повышения требований работников к условиям труда.

Сегодня кардинальным образом изменился характер промышленной продукции, которая традиционно была строго привязана к своей материальной форме. В.Т. Рязанов обращает внимание на «стирание границ между производством материальных благ и производством услуг» [7, с. 70], выделяя данный феномен в качестве признака индустриально-технотронного общества. Сегодня услуги, направленные на повышение клиентоориентированности продукции, тесно интегрированы в процесс промышленного производства. Ключевым фактором конкурентоспособности промышленной продукции становится все больше не соотношение цена–качество, а индивидуальные комплексные решения. «Тенденция изменения промышленного производства в сторону клиентоориентированности и развитие технологии четвертой промышленной революции будут способствовать перенесению “центра тяжести” промышленных предприятий с изготовления на услуги промышленного характера, за счет которых и будут формироваться основные конкурентные преимущества промышленной продукции» [8, с. 74], – отмечалось нами ранее. Клиентоориентированная политика промышленного предприятия проявляется в создании продукции, учитывающей индивидуальные предпочтения заказчика, а также в развитии клиентского сервиса (допродажного, послепродажного обслуживания). Услуги, сопровождающие промышленную продукцию, становятся неотъемлемой частью промышленного производства: формируется интегрированная сервисная поддержка на протяжении всего жизненного цикла изделия.

Переход к производству продуктов, содержащих в себе услуги, привел к появлению новых форм создания добавленной стоимости и изменил привычные бизнес-модели. Большая часть добавленной стоимости современной промышленной продукции формируется на стадии ее разработки и (или) послепродажного обслуживания. Для потребителя все более важным становится не наличие у него продукции как таковой, а гарантия ее функционирования. В связи с этим все боль-

шее распространение получают контракты с предоставлением полного спектра услуг, контракты с оплатой по результатам, по мере использования или по мере готовности к эксплуатации, контракты жизненного цикла.

Возможность учитывать индивидуальные пожелания клиента без перехода на другой ценовой уровень промышленной продукции, сохраняя при этом рентабельность производства, обеспечивается благодаря модульной концепции, с помощью которой организуется мелкосерийное производство с сохранившимся положительным эффектом масштаба. Получаемая конечная продукция является «условно» уникальной, поскольку индивидуальные ее свойства клиент выбирает из заданных параметров. В этой части спрос на промышленную продукцию формируется в зависимости от возможностей производства. Справедливым представляется утверждение А.М. Румянцева: «Создавая определенный предмет, производство дает и определяет способ его потребления», «возбуждает в потребителе потребность в производимых предметах» [9, с. 38]. Гибкое (быстро перенастраиваемое) производство, основанное на модульной концепции, позволяет предприятиям промышленности перейти к массовому производству по индивидуальным заказам. В дальнейшем же степень индивидуальности и клиентоориентированности продукции повышается за счет услуговой компоненты.

Формированию массового производства клиентоориентированной промышленной продукции способствует цифровизация услуг, сопровождающих промышленную продукцию. Индивидуализация сервиса, как отмечает Н. Василенко, «достигается за счет вытеснения обслуживающего персонала цифровыми посредниками, предоставляющими широкий выбор опций без временных и пространственных ограничений» [10, с. 18]. Расширение использования информационных технологий в сфере услуг, как справедливо указывает автор, «увеличило уровень осведомленности потребителя о возможностях выбора параметров услуги, поставщика, времени и продолжительности обслуживания и т.д.» [10, с. 15]. Цифровизация услуг, сопровождающих промышленную продукцию, направлена на придание продукции дополнительных сервисных характеристик и тем самым привлечение потребителя. При этом кардинально изменяется коммуникация с клиентами, что выражается не только в изменении способов коммуникации (преимущественно через Интернет), но и изменении принципов построения коммуникации: выстраивание постоянной связи на протяжении всего жизненного цикла, начинающейся с разработки продукта и заканчивающейся его утилизацией.

Повышение доли наукоемких технологий в промышленном производстве неоиндустриальной экономики приводит к изменению соотношения факторов производства и структуры добавленной стоимости. Кроме того, увеличивается значение сервисной составляющей, «повышается роль знаний, что выражается в изменении соотношения факторов производства (ведущее место занимают знания и информация) и имеет место трансформация структуры добавленной стоимости (в ней возрастает доля стоимости, созданная интеллектом)» [11, с. 327–328]. Ключевое место занимает информационный фактор, что приводит к возрастанию доли стоимости, созданной интеллектом. Г. Идрисов, В. Мау и А. Божечкова выдвинули гипотезу о том, что «основную роль в объяснении различий в темпах экономического роста и в уровнях экономического развития между странами будет играть цифровой (информационный. – Ю.М.) капитал» [12, с. 16]. При этом, как справедливо отмечают данные авторы, «определение цифрового (информационного. – Ю.М.) капитала еще не устоялось: в настоящее время под ним, как правило, понимают уникальный дизайн информационных систем, позволяющий дополнить физическое потребление товаров и услуг различными цифровыми сервисами; сформировать поток данных о поведении пользователей, их предпочтениях, профилях в социальных сетях; выработать технологию анализа больших данных для развития бизнес-моделей» [12, с. 16]. Если под капиталом в политической экономии понимают «стоимость, приносящую прибавочную стоимость, выраженную в вещи» или «вложенный в дело, функционирующий производственный ресурс в виде средств производства» [13, с. 345], то в таком случае информационный капитал может быть определен как данные, используемые в качестве средств производства и приносящие прибавочную стоимость. Потоки информации глубоко имплементированы в повседневную деятельность промышленного предприятия: на основе анализа и оценки данных принимаются организационные и управленческие решения, моделируется клиентское поведение, прогнозируется спрос, адаптируются продукты и услуги. По мере углубления цифровизации производства значение информационного капитала будет возрастать. Вместе с тем не любая информация становится капиталом: «...наше общество характеризуется значительным изменением роли и функций информации в хозяйственной жизни, увеличением значения знаний для развития экономики. С другой стороны, в современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в Интернете,

приходит в свою противоположность», – пишет С.Ю. Солодовников [14, с. 175]. В системологии под информацией понимают «неэнтропийную способность системы к организации случайных сигналов» [15, с. 13]. Иными словами, информация – неслучайное действие системы, что справедливо и для производственной системы. Лишь те данные, которые «понятны» системе и «воспринимаются» ей, представляют собой информацию, поскольку могут быть использованы с целью создания добавленной стоимости.

Расширение использования информационного капитала привело к виртуализации производства. В широком смысле виртуализация представляет собой «замещение реальности ее симуляцией/образом» и «в любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью (располагаемым), а с симуляцией (изображенным)» [16, с. 106]. Виртуализация промышленного производства предполагает отображение и имитацию всех реальных производственных процессов в кибернетическом пространстве с помощью компьютерной симуляции и моделирования.

Создание виртуальной производственной системы направлено на решение сразу нескольких задач. Во-первых, компьютерное моделирование используется для сквозного планирования всего бизнес-процесса. Потребность такого планирования возрастает по мере ускорения динамики бизнес-процессов (необходимость быстро менять конфигурацию производства – ассортимент, количество, качество производимой продукции и, соответственно, контрагентов), повышения степени индивидуализации продукции, технологического усложнения самого производственного процесса и всей цепочки создания добавленной стоимости целиком. Виртуализация бизнес-процессов повышает согласованность разных стадий производства, улучшает контроль над всей цепочкой в целом и снижает количество когнитивных ошибок (ошибок, обусловленных человеческим фактором). Уникальным преимуществом компьютерного моделирования бизнес-процесса является возможность выявления междисциплинарных ошибок, например, ошибок на стыках разных производственных этапов, что достигается благодаря свободному потоку информации.

Во-вторых, уже стало традиционным использовать компьютерное моделирование при проектировании промышленной продукции. Это помогает снизить время и затраты на разработку и повысить ее точность. Виртуальная фабрика предоставляет возможность увидеть продукт до того, как он будет произведен, что интересно как производителю, так и потребителю. Все большее распространение получает использование ком-

пьютерной симуляции для проведения испытаний продукции. Благодаря компьютерным моделям, воспроизводящим реальные производственные системы, становится возможным заранее проверить жизнеспособность решений и обнаружить потенциальные ошибки. Моделирование позволяет создать виртуальную симуляцию производственной операции с целью проверки правильности его функционирования, верификации нового решения, выявления возможных неполадок и рисков. С этой целью виртуальные модели уже сегодня широко используются в тех отраслях промышленности, к которым предъявляются особые требования безопасности, например, авиастроение.

В-третьих, компьютерные модели применяются для мониторинга и диагностики промышленной продукции и систем. Для обозначения виртуальной модели реального (физического) мира в русскоязычной литературе используется термин «цифровой двойник». Цифровой двойник – «виртуальный аналог физического устройства, который моделирует его внутренние процессы и поведение в окружающей среде» [17]. «Существуют два типа цифровых двойников: двойник реального объекта и двойник производственной операции» [18], – поясняют специалисты. Создание «цифровых двойников» помогает отслеживать состояние промышленной продукции на всех стадиях жизненного цикла (производство, реализация, использование, утилизация), а также обеспечивает постоянный мониторинг состояния оборудования, благодаря чему становится возможным обнаружить его износ без прерывания производства, прогнозировать сбои компонентов и возможные неисправности. Такая методика лежит в основе систем предикативной аналитики, используемой в производстве для мониторинга и прогнозирования состояния оборудования в режиме реального времени, а также прогнозирования работы оборудования в будущем. Они позволяют достаточно гибко эксплуатировать большое количество распределенного оборудования и повысить эффективность управления производственными активами.

Виртуальное производство меняет подход к принятию управленческих решений на промышленном предприятии: решения принимаются не просто на основе теоретических оценок, а с учетом результатов виртуального эксперимента, который, по сравнению с экспериментом над реальными объектами, обходится, как правило, гораздо дешевле. Цифровые двойники позволяют создать виртуальную копию реального мира, ставить эксперименты недорого и безопасно, а в реальную среду переносить уже проработанное решение. Компьютерное моделирование и создание цифровых двойников находят все бо-

лее широкое применение при стратегическом планировании, позволяя проводить регулярную работу по поиску и тестированию новых направлений развития бизнеса, продуктов и решений. «Это оправдано для крупных инфраструктурных проектов, где цена ошибки огромная. Но эффективность современной организации во многом определяется культурой экспериментов. Существует много областей, где человек или компания не знает правильного решения, поэтому условием эффективности становится способность правильно формулировать гипотезы и проверять их экспериментами. <...> если процент успешных экспериментов выше 70–80, поставленные цели недостаточно амбициозные. Разумное соотношение удачи и неудачи – 50/50» [19]. Ввиду возрастающей технологической сложности промышленной продукции и производственного процесса, увеличивающейся степени индивидуальности продукции, ускоряющейся динамики производства возможность проверить новые решения в рамках виртуального эксперимента становится условием эффективности функционирования промышленного производства. Предприятия меняют модель предварительного проектирования на модель постоянного эксперимента.

За счет использования виртуального моделирования удастся повысить согласованность и прогнозируемость производственных процессов и добиться надежности производства в принципиально иные сроки. На проведение соответствующих испытаний и проверок или выстраивания новой конфигурации производства в реальном времени могут уходить годы, в то время как при помощи виртуального моделирования искомый результат может быть получен за пару месяцев (недель, дней). Такое преимущество может оказаться ключевым как для предприятий, перед которыми стоит задача быстрой адаптации производства под меняющиеся запросы потребителей или условия рынка (например, предприятия, производящие высоко индивидуализированный продукт), так и для предприятий, продукция которых строго должна соответствовать определенным требованиям (безопасность, точность), в том числе требованиям технических нормативных правовых актов.

Расширение использования моделирования смещает создание добавленной стоимости во всей цепочке на более ранний этап – проектирование – при этом сокращая последующие расходы на более поздних этапах. В структуре затрат предприятия увеличивается доля на внутренние научные исследования и разработки, что обусловлено необходимостью постоянных экспериментов в поисках новых направлений развития бизнеса, продуктов и решений. При этом качественное мо-

делирование, проведенное еще на стадии проектирования и планирования, позволяет сократить затраты при эксплуатации и утилизации продукции, что повышает эффективность производства отдельных изделий или небольших партий.

Таким образом, виртуализация производства становится неотъемлемым элементом создания сложных кибер-физических систем, решая сразу несколько задач – планирование бизнес-процессов, проектирование и испытание промышленной продукции, мониторинг и диагностика промышленной продукции и систем. Компьютерное моделирование наряду с промышленным интернетом вещей, виртуальным вычислением, большими данными и иными технологиями четвертой промышленной революции создает базу «для внедрения предикативной аналитики и индивидуального кастомизированного производства по запросу клиента» [18].

Высокая динамичность промышленных бизнес-процессов, обусловленная технологической неопределенностью и необходимостью быстро перестраиваться в соответствии с требованиями рынка и клиентов, требует отказаться от жестких организационных структур. В неоиндустриальной экономике традиционные вертикально интегрированные (пусть даже и в глобальном масштабе) корпорации становятся неэффективными по причине своей громоздкости. Происходит переход от предприятий полного цикла к промышленным сетевым структурам (например, кластерам), отличающимся наличием горизонтальных и вертикальных связей между субъектами производства на всех этапах технологического процесса и производственной цепочки.

Предпочтительной организационной формой промышленного производства в неоиндустриальной экономике становится динамичная открытая бизнес-система, объединяющая автономных экономических субъектов разного уровня на принципах кооперации и специализации с целью совместной деятельности по разработке, производству, реализации, послепродажному обслуживанию и утилизации определенной промышленной продукции. Относительно преимуществ сетевой формы организации производства специалисты отмечают следующее: «Традиционные корпорации с централизованным контролем все больше замещаются сетями, что позволяет резко снизить производственные и транзакционные издержки за счет, с одной стороны, распределения рисков и выигрыша между всеми партнерами, с другой – объединения компетенций и ресурсов. Кооперационный сетевой механизм координации устраняет функциональные недостатки иерархического и рыночного экономического поряд-

ков, синтезируя их преимущества» [20, с. 76–77]. Благодаря сетевым внешним эффектам каждый из участников получает преимущество: согласно закону Б. Меткалфе «ценность любой сети для пользователя эквивалентна квадрату количества узлов соединения» [21, с. 27]. Иными словами, по мере увеличения количества участников ценность сети для каждого из них также будет возрастать.

В сочетании с кибер-физическими производственными системами сетевая форма организации способна обеспечить высокий уровень гибкости производства. Бизнес- и производственные процессы находятся в постоянной разработке и могут оперативно реагировать (незадолго до или во время производства и, возможно, даже в ходе текущей работы) на вызовы, например, сбои поставок или требования клиентов. За счет привлечения предприятий-партнеров появляются дополнительные возможности оптимизировать использование производственных мощностей: производственные линии могут объединяться между компаниями ситуативно, то есть в случае возникновения необходимости и на непродолжительный срок.

Инфраструктура сетевого производства обеспечивается за счет единой информационной системы, под которой понимается «совокупность методов и средств поиска, сбора, хранения, обработки, анализа и передачи внутренней и внешней информации, требующейся для функционирования предприятия и принятия совместных управленческих решений» [22]. На основе компьютерных и информационных технологий создаются единые цифровые платформы, пронизывающие всю сетевую цепочку создания добавленной стоимости промышленной продукции. В рамках такой платформы объединяются хозяйствующие субъекты, производимая продукция («умная продукция») и производственные системы («умная фабрика») на протяжении всего жизненного цикла продукции. Единая цифровая платформа выполняет роль площадки для взаимодействия автономных предприятий.

Обязательным условием функционирования сетевой формы организации производства является прозрачность, то есть доступность информации о производственном процессе контрагентам. Принцип прозрачности распространяется и на работу с заказчиками, начиная от разработки и создания программ по требованию заказчика и заканчивая обратной связью, что позволяет предприятиям совершенствовать свои продукты. Готовность предприятия предоставить возможность отслеживать местонахождение, движение и состояние производимой продукции на всех этапах производства становится еще одним кон-

курентным преимуществом, поскольку повышает доверие клиентов и уверенность в выполнении заказа нужного качества и в срок. Необходимость предоставлять коммерческую информацию широкому кругу субъектов зачастую выступает сдерживающим фактором распространения производственных сетей.

В качестве ключевой особенности сетевых организационных форм выделяют децентрализацию управления. «Самоуправляемые сетевые структуры, построенные на горизонтальных связях и постоянных согласованиях, обеспечивают скорость и адекватность решений в соответствии с “тиранией момента”» [20, с. 78], – считают специалисты. Однако это не означает равнозначности субъектов в образуемых производственных сетях. Субъекты первого уровня – крупные промышленные предприятия, вокруг которых формируются сети. Если в вертикально-интегрированной производственной системе крупные предприятия выполняли все производственные процессы сами или же отдавали часть из них на аутсорсинг, то при сетевой структуре такие предприятия выстраивают свою деятельность по принципу открытой платформы, создавая временные коллаборации для решения отдельных задач. Таким образом крупные предприятия получают необходимые компетенции, в том числе межотраслевые, узкую специализацию в определенной задаче, которые при высокотехнологичном и динамичном производстве не может себе позволить ни одно, даже самое крупное, предприятие, а также переносят часть своих рисков на иных членов сети.

Автономным компаниям второго уровня (организации, отдельные коллективы, в том числе малый и средний бизнес), производящим отдельные компоненты (узлы) или оказывающим услуги промышленного характера, предоставляется возможность встроиться в цепочку создания стоимости, обеспечив тем самым себе возможность функционировать. В результате формируется открытая и гибкая бизнес-система, основывающаяся на временной кооперации разнородных самостоятельных субъектов хозяйствования. В зависимости от этапов жизненного цикла изделия или при изменении конъюнктуры в сеть могут привлекаться новые партнеры, в том числе и конечные потребители, или исключаться старые. При этом общую стратегию развития цепочки создания добавленной стоимости и ключевые технологии, используемые при производстве товаров, по-прежнему определяют крупные промышленные предприятия. В этом контексте естественным ограничением вхождения предприятий второго уровня в производственные сети выступает способность перенять методы и организационные

инструменты, а также технологии у ведущих промышленных компаний.

Структурные, технологические и организационные изменения в производстве оказывают многостороннее и не всегда однозначное воздействие на занятость. Прежде всего, под влиянием технологической модернизации изменяется структура спроса на труд. «Как известно, причиной постиндустриальных изменений в производстве являются изменения в технологиях: преобладание наукоемких технологий над трудоемкими и капиталоемкими. Активное развитие наукоемких технологий в Республике Беларусь будет вести к росту спроса на высококвалифицированных работников и снижению – на низкоквалифицированных работников. Вместе с тем, при оценке перспектив развития занятости у нас в стране, необходимо учитывать.., что распространение информационных технологий не снижает общий уровень занятости.., хотя и значительно изменяет структуру занятости (рабочая сила все активнее перемещается в сферу услуг)» [23, с. 5], – отмечает С.Ю. Солодовников.

По мере углубления цифровизации, автоматизирующей значительную часть рутинной работы, возрастает спрос на высококвалифицированные кадры, обладающие широкими междисциплинарными компетенциями и способными принимать решения в нестандартных ситуациях. Т.В. Кузьмицкая пишет: «Самыми востребованными оказываются “версатилисты”, т.е. работники, обладающие богатым портфелем знаний и компетенций для выполнения разнообразных бизнес-задач, в отличие от “специалистов”, сочетающих глубокие профессиональные навыки с ограниченным профессиональным горизонтом и “генералистов”, обладающих широким кругозором и поверхностными навыками» [24]. Субъективные навыки работников – самостоятельность, коммуникативность, самоорганизация – становятся все более востребованными, что обусловлено, с одной стороны, клиентоориентированностью производства, с другой – необходимостью все чаще решать нестандартные задачи. Технологический динамизм предопределяет необходимость систематического обучения на протяжении всей жизни работника, что позволит снизить риск отставания квалификации сотрудников от новых технологий.

Трансформации подвергается организация трудовых отношений. Необходимость обеспечения эффективного взаимодействия между техникой и работником порождает проблематику организации рабочего времени и пространства. В связи с переходом к преимущественно интеллектуально-творческому труду изменяются требования к организации рабочего места в сторону

повышения уровня его комфортности. Специальными используется термин «социо-техническая интеракция», подразумевающий формирование «умного, кооперационного, самоорганизующегося взаимодействия между занятыми и (или) техническими операционными системами» [25]. Сбалансирование технологической и социальной составляющих становится одной из основных задач в промышленном производстве неоиндустриальной экономики.

Информационные технологии способствуют развитию гибких форм занятости, востребованность которых в контексте сетевого производства повышается: дистанционная занятость, самозанятость, работа по временным контрактам, деление рабочего места, занятость в режимах неполного рабочего времени, сжатая рабочая неделя, альтернативная рабочая неделя и т.д. «Эти формы занятости, – поясняет Т.В. Кузьмицкая, – создают предпосылки для высвобождения рабочего времени, связанного с одним видом деятельности, переключения на другие виды деятельности или их чередования либо сочетания» [24].

Флексибилизация рынка труда приводит к автономизации рабочей силы, что выражается в изменении подходов к управлению трудом. «Концепция управления прошла развитие от научной организации труда до управления человеческими ресурсами, от жесткого контроля и детерминации рабочего поведения до признания эффективным снижение контроля, наделение работников свободой и ответственностью, поощрение инициативы и творческого труда» [26, с. 211], – пишет Т.В. Сергеевич. По справедливому замечанию данного автора, «действие экономических законов, определяющих эффективность применяемых методов управления, обусловлено, в первую очередь, динамичными интересами людей» [27, с. 266]. Значение традиционных материальных факторов и стимулов снижается, поскольку работники все в большей степени нацелены на саморазвитие, для них труд – «это возможность повысить свой интеллектуальный и культурный уровень, воплотить свою индивидуальность, обогатить свои способности» [20, с. 174]. На фоне роста гибких форм занятости сокращается доля стандартных условий найма в трудовых отношениях. В ответ на обозначенные вызовы появляются гибкие внутрифирменные контракты, содержащие персонализированную систему мотивации, что позволяет успешнее коммерциализировать человеческий капитал.

Изменение технологической структуры производства приводит к падению спроса на низкоквалифицированный персонал, происходящему на фоне сокращения общей доли занятых в промышленном производстве. По прогнозам

исследователей «доля автоматизации процессов в производстве и логистике достигнет к 2035 году 95%, а 50–70% нынешних рабочих мест просто перестанут существовать» [28]. В этом контексте гибкие формы занятости выступают «своеобразным буфером между занятостью и безработицей, отображая потребность в сокращении рабочего времени, что является фактором становления и развития перемены деятельности» [24], – справедливо отмечает Т.В. Кузьмицкая. Однако при прогнозировании динамики занятости в контексте автоматизации производства необходимо учитывать два момента: временной лаг и пределы автоматизации. Цифровизация промышленного комплекса не происходит одновременно, в связи с чем остается некоторое время для реализации мер экономической политики, направленных на переобучение и повышение межрегиональной мобильности работников. Автоматизация также не может быть тотальной, поскольку с экономической точки зрения всегда останутся те производственные процессы, которые с учетом цены рабочей силы выгоднее выполнять традиционными способами.

Заключение. В условиях глобальной технологической неопределенности, ужесточения международной конкуренции и усиления геоэкономической нестабильности переход к новой индустриальной экономике требует трансформации организационно-управленческой структуры производства, которая отражает отношения между субъектами в процессе промышленного производства. В результате проведенного исследования были выделены четыре основных направления изменения организационно-управленческих отношений, характерных для новой индустриальной экономики. Во-первых, реализация клиентоориентированной политики промышленных предприятий привела к тесной интеграции промышленного продукта и сервисной поддержки на протяжении всего жизненного цикла этого продукта (начиная от разработки и заканчивая утилизацией). Это изменило привычные бизнес-модели, появились новые способы создания добавленной стоимости: контракты с предоставлением полного спектра услуг, контракты с оплатой по результатам, по мере использования или готовности к эксплуатации, контракты жизненного цикла. Массовое производство промышленной продукции по индивидуальным заказам становится возможным благодаря модульной концепции, обеспечивающей универсальность производства отдельных элементов, впоследствии комбинированных в соответствии с индивидуальными требованиями заказчика. Получаемый условно «уникальный» продукт дополняется сервисными услугами, тем самым повышается его степень ин-

дивидуальности и клиентоориентированности. Во-вторых, ведущим фактором производства, создающим все большую часть добавленной стоимости, становится информационный капитал. Расширение использования информационного капитала приводит к виртуализации производства, за счет чего удается повысить согласованность, прогнозируемость и надежность производственных процессов. Создаваемые цифровые двойники производственных систем и продукции позволяют проводить виртуальные эксперименты, как правило, более дешевые, быстрые и безопасные по сравнению с экспериментами над реальными объектами, что повышает качество принимаемых решений, переносимых в реальную среду. В-третьих, в условиях высокой динамичности промышленных бизнес-процессов жесткие организационные структуры оказываются неэффективными. Более подходящей организационной формой является динамичная открытая бизнес-система, объединяющая автономных экономических субъектов разного уровня на принципах кооперации и специализации с целью совместной деятельности по разработке, производству, реализации, послепродажному обслуживанию и утилизации определенной промышленной продукции. Взаимодействие всех участников цепочки создания добавленной стоимости выстраивается на основе единой открытой цифровой платформы, создавая временные коллаборации для решения отдельных задач. При этом общую стратегию развития цепочки создания добавленной стоимости и ключевые технологии определяют крупные промышленные предприятия. Субъекты второго уровня, производящие отдельные компоненты (узлы) или оказывающие услуги промышленного характера, встраиваются в цепочки, принимая методы, организационные инструменты, технологии ведущих промышленных компаний. В-четвертых, значительной трансформации подвергаются трудовые отношения: изменяется структура занятости в сторону увеличения высококвалифицированных работников, обладающих широкими междисциплинарными компетенциями и способными принимать решения в нестандартных ситуациях. Быстрая смена технологий обуславливает необходимость перехода к образованию в течение всей жизни. Изменяются требования и мотивация самих работников, для которых целью становится самореализация, в связи с чем возникает необходимость организации рабочего времени и пространства на основе социо-технической интеракции. Развиваются гибкие формы занятости и условия найма. Возможность возникновения большой массы безработных, вызванной цифровизацией, смягчается гибкими формами занято-

сти, выступающими «буфером» между занятостью и безработицей, имеющимся временным лагом, поскольку цифровизация промышленного комплекса не происходит единовременно, а также пределами автоматизации, связанной с неэффективностью (с учетом цены рабочей силы) и невозможностью полной автоматизации.

Литература

1. Марш, П. Новая промышленная революция / П. Марш. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. – 419 с.
2. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция / Дж. Рифкин. – 4-е изд. – М.: Альпина но-фикшн, 2017. – 409 с.
3. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Сбербанк: Эксмо, 2017. – 202 с.
4. Глазьев, С.Ю. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев // ГлазьевРу. – Режим доступа: <http://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka>. – Дата доступа: 12.02.2019.
5. Солодовников, С.Ю. Экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 8. – С. 16–55.
6. Солодовников, С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск, 2003. – 274 с.
7. Рязанов, В.Т. Экономическая стратегия России: неоиндустриальный императив / В.Т. Рязанов // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. – Екатеринбург, 2018. – С. 62–81.
8. Мелешко, Ю.В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 6. – С. 64–78.
9. Румянцев, А.М. О предмете политической экономии / А.М. Румянцев; Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Каф. полит. экономии. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 126 с.
10. Василенко, Н. Этапы автоматизации услуг в контексте развития экономики / Н. Василенко // Экономист. – 2018. – № 10. – С. 12–19.
11. Солодовников, С.Ю. Направления эволюции занятости в Беларуси через призму постиндустриальной социальной парадигмы / С.Ю. Солодовников // Экономический базис развития науки и технологий в России: сб. тр. междунар. науч. конф. – Симферополь: ООО Изд-во Типография «Ариал», 2018. – 436 с.
12. Идрисов, Г. В поисках новой модели роста / Г. Идрисов, В. Мау, А. Божечкова // Вопросы экономики. – 2017. – № 12. – С. 5–23.
13. Капитал // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
14. Солодовников, С.Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: категориальная и реально-онтологическая иерархии / С.Ю. Солодовников // Экон. вестн. Донбасса. – 2018. – № 1(51). – С. 164–179.
15. Солодовников, С.Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. – 2018. – Вып. 7. – С. 5–18.
16. Глобализация homo oeconomicus: феномен «добавленной стоимости» («виртуализация производства») / А.Н. Иванов // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – № 7. – С. 105–109.

17. Посыпкина, А. «Лаборатория Касперского» решила с партнером создать «цифрового двойника» [Электронный ресурс] / А. Посыпкина, А. Балашова // РБК. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/06/2018/5b2275fa9a79475f9a8af3ad. – Дата доступа: 15.02.2019.
18. Блейман, Н. Экономика двойников: как роботы приходят в менеджмент [Электронный ресурс] / Н. Блейман // РБК. – Режим доступа: <http://www.rbcplus.ru/news/5b5e4f2f7a8aa92e8c50df14>. – Дата доступа: 08.01.2019.
19. Цифровизация – это фундаментальный тренд [Электронный ресурс] // ГазпромНефть. – Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-may/1589542/>. – Дата доступа: 14.12.2018.
20. Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: БНТУ, 2018. – 325 с.
21. Стрелец, И.А. Новая экономика и информационные технологии / И.А. Стрелец. – М.: Экзамен, 2003. – 254 с.
22. Катаев, А.В. Информационные системы и модели оптимизации распределения заказов в партнерской сети виртуального предприятия [Электронный ресурс] / А.В. Катаев // Прикладная информатика – 2007 // CyberLeninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyesistemy-i-modeli-optimizatsii-raspredeleniya-zakazov-v-partnerskoy-seti-virtualnogo-predpriyatiya>. – Дата доступа: 10.11.2018.
23. Солодовников, С.Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
24. Кузьмицкая, Т.В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т.В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 230–238.
25. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie40.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.
26. Сергиевич, Т.В. Эволюция трактовки понятия «управление трудом в промышленности» / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С. 211–217.
27. Сергиевич, Т.В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня. – 2017. – № 5. – С. 260–275.
28. Калинина, А. Россия 4.0: как подготовить страну к четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] / А. Калинина // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/13/01/2017/5878d2389a79470077130332>. – Дата доступа: 12.01.2019.

Поступила в редакцию 30.04.2019 г.

УДК 338.45:[677+675+687.1]

Итоги и перспективы развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха¹

Сергиевич Т.В.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Статья посвящена анализу итогов и определению перспектив развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь. Легкая промышленность традиционно занимает значимое место в структуре экономики и занятости нашей страны. Вместе с тем данный вид экономической деятельности характеризуется высококонкурентной динамичной средой, что обуславливает актуальность определения перспектив и направлений его дальнейшего развития.

Цель статьи – провести анализ производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь и на этой основе определить перспективы его дальнейшего развития.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, данные международной консалтинговой компании McKinsey & Company, а также данные отчетов НИР, выполняемых автором. В рамках исследования применялись общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г18М–033 от 30.05.2018 г.).

Результаты и их обсуждение. Развитие легкой промышленности в стране было направлено на преодоление глубокого кризиса, в котором оказались предприятия, столкнувшиеся с новыми условиями хозяйствования. Данный вид экономической деятельности высоко восприимчив к изменениям внешней и внутренней среды, что обуславливает возрастающее значение адаптационных характеристик предприятий. Сегодня зависимость экономических показателей развития легкой промышленности от действия неценовых факторов, формирующих потребительский выбор, возрастает. Это обуславливает необходимость модернизации организационно-управленческих подсистем предприятий отрасли. С учетом этого определены перспективы и направления развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь.

Заключение. На основании проведенного исследования в целях развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха предложены меры по распространению использования общественно-функциональных технологий, развитию услуг промышленного характера, отказу от жесткой привязки роста заработной платы к росту производительности труда, кооперированию субъектов хозяйствования различных форм собственности и масштабов, направленные на повышение конкурентоспособности отечественных предприятий.

Ключевые слова: экономическое развитие, модернизация, легкая промышленность, конкурентоспособность, инновации.

Results and Prospects of the Development of the Production of Textile, Clothing, Leather and Fur Products

Serhiyevich T.V.

Educational Establishment "Belarusian National Technical University"

The article deals with the analysis of the results and the identification of the prospects for the development of the production of textiles, clothing, leather and fur products in the Republic of Belarus. Light industry traditionally occupies a significant place in the structure of the economy and employment of our country. At the same time, this type of economic activity is characterized by a highly competitive dynamic environment, which makes it important to determine the prospects and directions for its further development.

The purpose of the article is to analyze the production of textiles, clothing, leather and fur products in the Republic of Belarus and on this basis to determine the prospects for its further development.

Material and methods. The material for the article was statistical data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the international consulting company McKinsey & Company, as well as the data of research reports carried out by the author. As part of the study, general scientific methods were used (analysis, synthesis, the unity of the historical and the logical), and the systematic approach.

Findings and their discussion. The development of light industry in the country was aimed at overcoming the deep crisis, in which enterprises were faced with new economic conditions. This type of economic activity is highly susceptible to changes in the external and internal environment, which leads to the increasing importance of the adaptation characteristics of enterprises. Today, the dependence of the economic indicators of the development of light industry on the effect of non-price factors that shape consumer choice is increasing. This necessitates the modernization of the organizational and management subsystems of enterprises in the industry. The prospects and directions for the development of the production of textiles, clothing, leather and fur products in the Republic of Belarus have been determined.

Conclusion. On the basis of the research conducted in order to develop the production of textiles, clothing, leather and fur products, measures were proposed to expand the use of socially functional technologies, develop industrial services, abandon the rigid linkage of wage growth to productivity growth, and cooperate with economic entities of various forms property and scale, aimed at improving the competitiveness of domestic enterprises.

Key words: economic development, modernization, light industry, competitiveness, innovation.

Легкая промышленность является социально, экономически и экологически значимой отраслью в национальной экономике Беларуси. В составе советского наследия стране достались крупные промышленные предприятия текстильной, швейной и кожевенно-обувной отраслей, которые еще в середине 90-х гг. прошлого века формировали 8% промышленного производства республики. В тот же период среднесписочная численность работников легкой промышленности достигала 184 тыс. чел., из которых 77 тыс. чел. составляли работники текстильного производства, 71 тыс. чел. – работники швейного производства, 35 тыс. чел. – занятые в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви. В период 1995–2007 гг. произошло существенное снижение удельного веса легкой промышленно-

сти с 8% до 4,1%, после чего этот показатель стабилизировался на уровне 3,5–4%. Совокупность экзогенных (разрыв хозяйственных связей предприятий, потеря крупных рынков сбыта, открытие границ для импорта товаров конкурентов, рост теневого импорта) и эндогенных (нехватка опыта функционирования предприятий в рыночных условиях, нехватка специалистов в области менеджмента и маркетинга, низкая адаптивность предприятий госсектора) для отрасли факторов обусловили глубокий кризис легкой промышленности республики. Несмотря на это, ряду предприятий удалось продемонстрировать высокую выживаемость за счет повышения адапционных свойств и сохранения трудового потенциала, что позволяет говорить о перспективах развития отрасли на новых технологических основах.

Цель статьи – провести анализ производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь и на этой основе определить перспективы его дальнейшего развития.

Материал и методы. Информационной основой послужили аналитические и статистические данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, международной консалтинговой компании McKinsey & Company, отчетов НИР, выполняемых автором, а также труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов. Для обработки и интерпретации результатов применялся количественный и качественный анализ данных. Методологическую основу исследования составили комплексный анализ и системный подход к изучению результатов и перспектив развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. При этом использовались такие общенаучные методы, как анализ, синтез, единство исторического и логического, системный подход.

Результаты и их обсуждение. Сегодня производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха (подсекция СВ Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 005–2011 «Виды экономической деятельности») формирует 3,5% ВВП Республики Беларусь. В 2017 г. объем промышленного производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха составлял 3683,1 млн руб. (3,9% в общем объеме промышленного производства) [1, с. 95]. Вместе с тем эти данные должны рассматриваться в контексте динамики объемов производства в стоимостном выражении в сопоставимых ценах. Поскольку производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха обладает высокой степенью восприимчивости к внешним шокам и характеризуется быстрым реагированием на изменения среды, в том числе снижение покупательной способности населения как один из важнейших факторов, постольку изменение объемов производства и рентабельность во многом зависят от благосостояния населения, определяемого динамикой экономических подъемов и спадов. Резкое снижение объемов производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха наблюдалось в 2013 и 2015 гг., после чего данный показатель продемонстрировал умеренную положительную динамику, хотя к 2017 г. так и не смог достигнуть уровня 2010 г. Падение объемов производства в рассматриваемый период сопровождалось и снижением среднесписочной численности работников с 119,5 тыс. чел. в 2011 г. до 86 тыс. чел. в 2017 г. (11% и 9,7% среднесписочной численности работников промышленности соответственно) [1, с. 95].

Помимо покупательной способности населения, рентабельность предприятий данной отрасли зависит от успешности выбранной маркетинговой стратегии. «Структурные сдвиги в ассортименте оказывают большое влияние на все экономические показатели: объем выпуска в стоимостной оценке, материалоемкость, себестоимость товарной продукции, прибыль, рентабельность» [2, с. 39], – отмечается по этому поводу в литературе. Быстрое и частое обновление ассортимента выпускаемой продукции, сложность прогнозирования спроса на нее, а также свойственная товарам легкой промышленности сезонность обуславливают высокие колебания рентабельности – в период 2011–2016 гг. рентабельность реализованной продукции в сфере производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха менялась от 8,1% до 33,1%, существенно превышая общепромышленный уровень, за исключением 2014 г. Несмотря на то, что в среднем в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха рентабельность продаж относительно высока (по сравнению с промышленностью в целом), значительным остается удельный вес убыточных организаций. В 2017 г. удельный вес убыточных организаций в исследуемом виде экономической деятельности составил 19,3%.

В структуре потребительских расходов домашних хозяйств Республики Беларусь расходы на одежду и обувь в 2017 г. составили 7,9%, уступая лишь расходам на продукты питания [3, с. 19]. В отличие от других статей потребительских расходов, где по мере роста доходов домашних хозяйств удельный вес в структуре расходов падает (например, продукты питания и безалкогольные напитки; образование; связь) или увеличивается (например, транспорт; предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом), по исследуемым группам товаров доля таких расходов колеблется незначительно и составляет от 7,5% до 8,3% [4, с. 60]. Это обусловлено тем, что домашние хозяйства, обладающие сравнительно большими располагаемыми ресурсами, потребляют более дорогостоящие товары.

Белорусский рынок одежды и обуви характеризуется тем, что в значительной степени его насыщение осуществляется за счет импортных товаров. Опасения вызывает тот факт, что по некоторым позициям большую часть в структуре продаж организациями торговли составляют товары иностранного происхождения. Кроме того, по экспертным оценкам, до 50% ввозимой в страну продукции является контрафактной [5]. Импортёры продолжают чувствовать себя довольно уверенно на белорусском рынке. Об этом свидетельствует как соотношение импортной и

отечественной продукции на розничном рынке (например, на рынке верхней одежды и на рынке трикотажной одежды – около 60 на 40%, на рынке головных уборов – 70 на 30%, на рынке обуви – 50 на 50%, на рынке нижнего белья – 30 на 70%, на рынке чулочно-носочных изделий – 20 на 80%), так и отрицательная динамика по данным показателям [6, с. 87]. Доля отечественных товаров легкой промышленности в розничном товарообороте в период 2011–2016 гг. падала почти по всем исследуемым позициям.

При этом потери, образуемые на внутренних рынках, практически не компенсируются экспортом. Об этом свидетельствует динамика импорта, экспорта и потребления в республике. Импорт трикотажных изделий за период 2013–2017 гг. существенно превышал экспорт не только по темпам роста, но и в натуральном выражении. При постоянно растущем импорте корсетных изделий за рассматриваемый период, росте потребления и снижении внутреннего производства, их экспорт снизился на 33%. На рынке обуви сложилась также неблагоприятная ситуация для отечественных предприятий, объемы производства которых за данный период также сократились на 33% при растущем импорте, хотя и снижающемся потреблении [7, с. 44]. Однако производителям обуви в этих условиях удалось нарастить экспорт своей продукции почти в два раза, в основном за счет поставок в Российскую Федерацию. Таким образом, рынок швейных изделий в Республике Беларусь в целом можно охарактеризовать как конкурентный. Однако объемы импорта и неблагоприятные тенденции его роста позволяют говорить о том, что белорусской легкой промышленности не удалось занять устойчивые конкурентные позиции на внутреннем рынке.

Важнейшей проблемой в белорусской легкой промышленности является низкая производительность труда, которая существенно отстает не только от средневропейской, что характерно практически для всех отраслей национальной экономики, но и от показателей других отраслей отечественной промышленности. В период 2014–2015 гг. произошло как сокращение расходов на оплату труда в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, так и снижение производительности труда. После снижения производительности труда в 2009 г. в рассматриваемом виде деятельности наблюдался постоянный ее рост до 2014 г., когда в текстильном и швейном производстве производительность труда составила 96,6% от уровня 2013 г., в 2015 г. – 99,3% от уровня 2014 г., в производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви – 91% и 90,1% соответственно.

Уровень оплаты труда в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха остается самым низким в промышленности Республики Беларусь – по данным 2017 г. номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников отрасли составила всего 590,7 бел. руб. или 68% от уровня в обрабатывающей промышленности [8, с. 251]. Фактор низкой оплаты труда работников действует по-разному в отношении различных групп работников. Для производственного персонала, помимо заработной платы, относительно сильно действуют прочие стимулы к труду: для более молодых работников – это возможность набраться опыта и в дальнейшем уйти в сегмент самозанятости; для работников среднего возраста – возможность пользоваться оборудованием предприятия в собственных целях, нежелание получать другую профессию; для работников старшего возраста – отсутствие достойных альтернатив, поскольку большинство работников легкой промышленности составляют женщины (соотношение женщин и мужчин составляет 75,5% на 24,5%), для которых на белорусском рынке труда сохраняется определенная степень неравенства (отношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин составляет 71,1% [8, с. 282]). И если, исходя из этого, низкая заработная плата не в полной мере действует в качестве ограничителя для производственного персонала, то в отношении управленцев, менеджеров, маркетологов, работников сбытовых, кадровых и прочих служб, где труд обладает меньшей отраслевой спецификой, данный фактор снижает мотивацию к труду и становится ограничителем в привлечении работников с более высокими компетенциями. Это, в свою очередь, становится препятствием в осуществлении технологического скачка отечественных предприятий легкой промышленности с тем, чтобы достичь уровня конкурентоспособности основных конкурентов-импортеров хотя бы на внутреннем рынке.

Проведенный анализ развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь позволил установить, что в отрасли сохраняются ограничители ее конкурентоспособности. При определении направлений стимулирования развития отрасли следует исходить из того, что «Республика Беларусь – это молодое динамично развивающееся государство, экономическая система которого функционирует в условиях диалектического единства общего и особенного. Реальные экономические отношения у нас развиваются под воздействием универсальных экономических законов и закономерностей, трансформирующихся под воздействием уни-

кальных белорусских институциональных особенностей. Ввиду этих особенностей для нашей страны не применимо слепое копирование теоретических подходов и практических механизмов, выработанных и использованных в других странах» [9, с. 2].

Меры по повышению производительности труда в легкой промышленности, основанные на модернизации и автоматизации производства, не приведут к ожидаемым эффектам, если не будут сопровождаться усилением роли услуг промышленного характера. Тенденция терциализации свойственна современной экономике в целом, где «на первый план выходят проектирование и разработка и послепродажное обслуживание, а не само производство, что стало новым толчком для развития таких услуг промышленного характера, как НИОКР, инжиниринг, дизайн, а также ряд маркетинговых услуг, нацеленных на долгосрочную работу с клиентами» [10, с. 167]. Для легкой промышленности характерны специфические услуги промышленного характера, связанные с маркетинговыми технологиями, в том числе управление спросом, дизайном, продвижением товаров. Для преодоления проблем технологической отсталости предприятий легкой промышленности необходимо перераспределять ресурсы в развитие услуг промышленного характера.

Поскольку барьеры вхождения в отрасль довольно низки, в производстве текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха задействовано большое количество субъектов и их количество быстро и заметно меняется. Число организаций отрасли в 2017 г. составило 1615, причем колебания этого числа значительно выше, чем в среднем по промышленности – в период с 2011 по 2017 г. они составляли до 11,2% в год. Это обусловлено и довольно высоким удельным весом малых и микроорганизаций – в структуре из них 1460 малых и микроорганизаций. Удельный вес малых и микроорганизаций в общем объеме производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в 2017 г. составил 19% [1, с. 191]. В оценке технологического развития легкой промышленности важен не только сам по себе уровень технологий, а их равномерное распределение. Техничко-технологический уровень малых и микроорганизаций, как правило, очень низкий, поэтому следует рассматривать возможности их кооперирования с крупными субъектами хозяйствования вне зависимости от форм собственности, обладающих модернизированными производственными системами, но недостаточным творческим потенциалом.

Говоря о необходимости качественного технологического скачка, мы исходим из того,

что «Беларусь ввиду отсутствия у нее мало-мальски значимых природных ресурсов (за исключением месторождений калийных удобрений) сделала ставку на формирование и использование такого специфического экономического ресурса, как инновации. Причем в большинстве случаев – это общественно-функциональные, а не технико-технологические инновационные решения» [11, с. 31]. Сегодня легкая промышленность страны остро нуждается не в технико-технологической, а в организационно-управленческой модернизации, направленной на расширение использования общественно-функциональных технологий, которые позволяют управлять факторами потребительского выбора, основанными в том числе на механизмах социальной демонстрации. В современной экономике происходят радикальные изменения методов и инструментов ведения конкурентной борьбы. В системе продвижения товаров и услуг активно развиваются и усложняются формы общественно-функциональных технологий, позволяющие трансформировать экономическую логику потребления. При осуществлении потребительского выбора в отношении продукции легкой промышленности снижается значимость ценовых факторов. Вследствие интенсификации потребления качество этих товаров также перестает играть определяющую роль при покупке. Все большее влияние на потребительский выбор оказывают общественно-функциональные технологии (реклама, брендинг, имидж производителя). Общественно-функциональные технологии, частным случаем которых является использование моды как хозяйственного блага, позволяют навязать потребителю псевдомотивы, отвечающие не его экономическим интересам, а интересам производителей товаров легкой промышленности. Управление механизмами социальной демонстрации служит интенсификации потребления, а также разрыву традиционной триады факторов потребительского выбора – цены, соотносимой с доходом; полезности, определяемой качеством продукта; индивидуальных предпочтений. Отечественная продукция легкой промышленности проигрывает зарубежной не по критериям цены и качества продукции, а в применяемых технологиях управления потребительским выбором.

С.Ю. Солодовников справедливо отмечает, что «исходя из специфики белорусской экономической модели (инновационная, социально-ориентированная, преимущественно рыночная) и современных глобальных императивов Республике Беларусь необходимо формировать устойчивый внутренний спрос как основу высоких темпов экономического роста за счет социальных эффектов, когда постоянный рост благосостояния и, соот-

ветственно, спроса населения обеспечивает расширенное общественное воспроизводство за счет давления спроса» [12, с. 10–11]. Однако эффекты роста благосостояния населения, получаемые благодаря опережающему развитию других отраслей экономики и которые могла бы получать отечественная легкая промышленность, нивелируются посредством перераспределения внутреннего спроса на товары зарубежных производителей.

Полученные при анализе результаты свидетельствуют о наличии внутренних резервов для роста производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь на качественно новых технологических основах. Поскольку сегодня значительную нишу на внутреннем рынке занимают иностранные производители, постольку актуальным представляется стимулирование производства товаров легкой промышленности в Республике Беларусь. Кроме того, по прогнозам McKinsey Global Fashion Index, в ближайшие годы будет наблюдаться рост мировых продаж модной индустрии на уровне 3,5–4,5% в год [13, р. 78], что будет способствовать реализации экспортного потенциала отечественных предприятий.

Поскольку Республика Беларусь – социальное государство, в котором соблюдаются социально-трудовые и экологические гарантии, достижение резкого повышения производительности за счет количественной интенсификации использования человеческих ресурсов для снижения себестоимости в легкой промышленности, не представляется целесообразным. Техно-технологическая модернизация, хотя и проводится в нашей стране, не приносит ожидаемых экономических эффектов, поскольку является дорогостоящей и обладает длительным сроком окупаемости при сохранении традиционных бизнес-моделей в легкой промышленности. Ставка на снижение импортоемкости производимой продукции также не оправдывает себя в полной мере, поскольку механизмы реализации этого направления сохраняют в себе существенный компонент административного характера (как, например, временные запреты на вывоз необработанных шкур крупного рогатого скота для обеспечения этим сырьем по низким ценам внутреннего рынка). Перераспределение внутреннего спроса от отечественных к зарубежным товарам вследствие описанных проблем нивелирует эффекты роста благосостояния населения, получаемые за счет опережающего развития других отраслей экономики и которые могла бы получать отечественная легкая промышленность. Исходя из этого, необходимо дополнить существующие ориентиры развития производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха (сниже-

ние импортоемкости производимой продукции, повышение производительности труда, технико-технологическая модернизация) новыми направлениями, обеспечивающими распространение общественно-функциональных технологий, развитие услуг промышленного характера, отказ от жесткой привязки роста заработной платы к росту производительности труда, кооперирование субъектов хозяйствования различных форм собственности и масштабов.

Заключение. В результате проведенного анализа установлено, что производству текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха не удалось сохранить конкурентоспособность на внутреннем рынке, насыщение которого осуществляется за счет импортных товаров. Экономические показатели развития отрасли характеризуются высокой зависимостью от покупательной способности населения и неценовых факторов, а отрасль в целом высоко восприимчива к внешним шокам и быстро реагирует на изменения внешней среды. Это, наряду с быстрым и частым обновлением ассортимента выпускаемой продукции, сложностью прогнозирования спроса на нее, а также сезонностью спроса, обуславливает резкие колебания показателей рентабельности реализованной продукции, выручки и объема располагаемых оборотных средств, что негативно влияет на финансовую устойчивость предприятий. Несмотря на постоянное снижение среднесписочной численности работников и проводимую модернизацию производства, ожидаемого повышения производительности труда в отрасли не произошло. Низкая заработная плата в отрасли является ограничителем в привлечении высококвалифицированных управленческих кадров, что становится препятствием в осуществлении технологического скачка отечественных предприятий легкой промышленности.

Отечественному производителю следует учитывать существующие глобальные тенденции и возникающие угрозы при определении своей роли и места в структуре мирового производства, складывающейся в результате международного разделения труда. Поскольку белорусским предприятиям конкурировать с азиатскими производителями одежды сегодня практически невозможно (за исключением сегмента пошива более дорогой одежды, где заказчиками соблюдаются высокие стандарты качества, одежды из местного сырья, или в случае, где особенно важен географический и временной фактор – близость к конечному европейскому потребителю), постольку следует концентрироваться на использовании тех конкурентных преимуществ, которыми обладает наша страна – в первую очередь, креативный и интеллектуальный

потенциал. На основании проведенного анализа предложены меры по распространению общественно-функциональных технологий, развитию услуг промышленного характера, отказу от жесткой привязки роста заработной платы к росту производительности труда, кооперированию субъектов хозяйствования различных форм собственности и масштабов, направленные на повышение конкурентоспособности отечественных предприятий.

Литература

1. Промышленность Республики Беларусь, 2018: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 193 с.
2. Петрова, И.В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И.В. Петрова. – М.: РИОР: Инфра-М, 2017. – 108 с.
3. Беларусь в цифрах, 2018: стат. справочник / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 71 с.
4. Беларусь и Россия, 2018: стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – М.: Федер. служба гос. статистики, 2018. – 212 с.
5. «Не могут носки стоить 20 копеек». Сколько контрафактного товара легпрома попадает в Беларусь [Электронный ресурс] // TUT.BY. – 04.06.2018. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news595373.html?crnd=30760>. – Дата доступа: 12.01.2019.
6. Розничная и оптовая торговля, общественное питание в Республике Беларусь, 2017: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – 223 с.
7. Балансы товарных ресурсов Республики Беларусь, 2018: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 59 с.
8. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2018: стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2018. – 309 с.
9. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9.
10. Мелешко, Ю.В. Актуальные тенденции развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь в контексте терциализации промышленности / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 166–179.
11. Солодовников, С.Ю. Феноменологическая природа взаимоотношенности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
12. Солодовников, С.Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
13. The State of Fashion, 2018 // BoF; McKinsey&Company. – 2018. – 85 p.

Поступила в редакцию 30.04.2019 г.

УДК 330.341.2:339.97

Сетевые механизмы инновационного развития: подходы к онтологическому определению¹

Солодовников С.Ю.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

В Республике Беларусь продолжается технологическая модернизация реального сектора экономики, разрабатываются новые механизмы и формы совершенствования этого процесса. В данном контексте необходимо быстрое и масштабное использование сетевых механизмов инновационного развития как главного драйвера нового качества экономического роста.

Цель работы заключается в развитии теоретических основ сетевых механизмов инновационного развития за счет их онтологического определения и на этой основе выработке практических рекомендаций в интересах технологической модернизации народного хозяйства.

Материал и методы. Материал исследования представлен теоретическими положениями постиндустриальной концепции, экономики рисков и сетевой экономики. Для решения поставленной задачи были использованы системный и институциональный подходы, методы систематизации и концептуализации научных идей, метод сравнительного анализа, метод дедукции и индукции.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта, договор с БРФФИ № Г18РА-011 от 30.05.2018 г. «Сетевые механизмы инновационного развития в Республике Беларусь и Республике Румыния».

Результаты и их обсуждение. В статье определено понятие сетевых механизмов экономического управления как принципиально новых форм общественно-функциональных технологий, отличающихся значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усилению экономической, политэкономической и идеологической конкуренции. Выявлено, что сетевые механизмы экономического управления значительно упростили процедуры обмена информацией в режиме реального времени и породили лавинообразный рост социальных контактов, что привело к возникновению принципиально новых механизмов экономической и политэкономической конкуренции, породило новые риски и угрозы, а также вызвало необходимость находить инструменты им противодействовать. Показана сущность понятия «сетевые механизмы инновационного развития», под которыми следует понимать сетевые формы организации социально-экономической деятельности в экономической, социальной и политической сферах с высоким уровнем информатизации, основанной на активном использовании политико-экономическими и хозяйственными субъектами информационных технологий и глобальной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства с целью инновационного развития.

Заключение. Выявлены онтологические особенности сетевых механизмов инновационного развития, показана их роль в модернизации народного хозяйства, выработаны рекомендации по совершенствованию этого процесса в Республике Беларусь.

Ключевые слова: сетевая экономика, инновации, технологии, модернизации, новое качество экономического роста, управление, политическая экономия.

Network Mechanisms of Innovative Development: Approaches to the Ontological Definition

Solodovnikov S.Yu.

Educational Establishment "Belarusian National Technical University"

Technological modernization of the real sector of the economy continues in the Republic of Belarus, new mechanisms and forms for improving this process are being developed. In this context, it is necessary to quickly and extensively use the network mechanisms of innovation development as the main driver of the new quality of economic growth.

The purpose of this scientific work is to develop the theoretical foundations of the network mechanisms of innovative development due to their ontological definition and, on this basis, to develop practical recommendations in the interests of technological modernization of the national economy.

Material and methods. The research material is presented by theoretical ideas of the post-industrial conception, the risk economy and the network economy. The methodological basis of the published research was the methods of comparative analysis, systemic and institutional approaches, the method of deduction and induction.

Findings and their discussion. The article defines the concept of network mechanisms of economic management as fundamentally new forms of social and functional technologies, characterized by a significant acceleration of management processes, receiving and exchanging information through the use of the latest Internet technologies, which leads to changes in the behavior logic of the subjects of the network economy, strengthening economic, political and economic ideological competition. It was revealed that the network mechanisms of economic management significantly simplified the procedures for exchanging information in real time and gave rise to an avalanche-like growth of social contacts, which led to the emergence of fundamentally new mechanisms of economic and political-economic competition, created new risks and threats, and also necessitated finding tools to counter them. The essence of the concept of network mechanisms of innovative development is shown, by which we should understand network forms of organization of social and economic activities in the economic, social and political spheres with a high level of information technology, based on the active use of political, economic and economic subjects of information technologies and the global Internet in processes of public reproduction for the purpose of innovative development.

Conclusion. The ontological features of the network mechanisms of innovation development are revealed, their role in the modernization of the national economy is shown, and recommendations are made to improve this process in the Republic of Belarus.

Key words: network economy, innovations, technologies, modernization, new quality of economic growth, management, political economy.

На сегодняшний день проблемам инновационного развития, технологической кооперации, общественно-функциональных технологий, сетевой экономики посвящено огромное количество исследований. Так, проблемы переходной экономики, ее адаптивности к изменению технологической базы производства рассмотрены в работах В.В. Богатыревой, О.Т. Богомолова, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, А.Н. Илларионова, П. Ковеоса, А.П. Левкович, Дж. Сакса, Г.В. Турбан, С. Фишера, Г.А. Шмарловской и др. Технологическая кооперация и ее влияние на инновационное развитие стран и регионов под разным углом зрения освещены в трудах зарубежных ученых: Я. Берман, Г. Блаир, Д. Вэй-

гер, Я. Лафурже, Э. Ловелл, Р. Миллер, Г. Мэйсон, К. Райан, Д. Форд, Х. Шульте, которые определили значение международного трансфера технологий в деятельности коммерческих организаций; Р. Вернон, Дж. Даннинг, К. Коджима, А. Левин, Т. Озава, М. Портер, В. Тинг – рассматривали влияние международного трансфера на экономику стран-экспортеров и импортеров технологий; П. Баккли, У. Зандера, М. Кассона, Ч. Киндельбергера, Б. Когута, С. Хаймера – подробно раскрывали отдельные аспекты международной технологической кооперации. Отечественные ученые также активно исследовали проблемы международных технологических трансфертов (Н.И. Богдан, Е.Л. Давыденко, Л.Н. Давыденко, А.В. Данильченко, В.Ф. Медведев, Л.Н. Нехорошева, П.Г. Ни-

китенко, Г.В. Турбан, В.Н. Шимов и др.). Л.Н. Нехорошева, А.Г. Шумилин и др. содержательно охарактеризовали белорусскую инновационную систему, факторы, определяющие ее динамику и ресурсную базу. Исследованием сетевых механизмов управления экономическими процессами осуществляли зарубежные ученые С. Jones, W.S. Hesterly, S.P. Borgatti, Ж. Смирнова и др., а также белорусский исследователь Л.П. Васюченко, на основе экономики транзакционных издержек и теории социальных сетей. Вместе с тем до настоящего времени в этом направлении ученые экономисты не смогли выявить онтологическую природу сетевых механизмов инновационного развития, что предопределило актуальность нашей статьи.

Цель работы заключается в развитии теоретических основ сетевых механизмов инновационного развития за счет их онтологического определения и на этой основе выработке практических рекомендаций в интересах технологической модернизации народного хозяйства.

Материал и методы. Материалом для написания данной научной работы послужили труды известных зарубежных и отечественных ученых-экономистов, касающиеся проблематики кооперации, сетевых форм интеграции, инновационного развития. Методологическая база исследования представлена теоретическими положениями постиндустриальной концепции, экономики рисков и сетевой экономики. Для решения поставленной задачи были использованы системный и институциональный подходы, методы систематизации и концептуализации научных идей, метод сравнительного анализа, метод дедукции и индукции, а также другие общенаучные методы и принципы познания. Выбор методов был обусловлен их возможностью устанавливать причинную связь, выявлять внутреннюю структуру изучаемых феноменов, а также способностью выступать во взаимосвязи друг с другом.

Результаты и их обсуждение. Технологии бывают двух типов: технические и общественно-функциональные. Оба этих типа тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Говорить о первичности одного из этих типов можно только условно, исходя из целей и задач, стоящих перед ученым, либо в зависимости от его идеологических установок. Так, например, К. Маркс использовал сформулированный им же принцип зависимости надстройки (социальных технологий) от базы (техники) для объяснения смены общественно-экономических формаций и неизбежности коммунистической революции. В данном случае можно наблюдать своеобразный парадокс: марксистская идеология, являющаяся обществен-

но-функциональной технологией, обусловила возникновение и длительное существование аксиомы о том, что общественно-функциональные технологии являются «производными» от уровня развития техники.

Экономическая наука традиционно на протяжении многих десятилетий, даже столетий, была и продолжает оставаться идеологической доктриной. Выбор модели хозяйствования, направлений и способов ее трансформации всегда предопределяется сложившимся в обществе балансом политико-экономических интересов, расстановкой сил социальных классов и социально-классовых группировок, а также организованностью и сплоченностью последних. Общественное сознание, его базовые ценности всегда идеологически оформляются и защищаются государством. Без государственной идеологии, патриотизма не может быть социальной стабильности и эффективной экономики.

Идеология (как разновидность общественно-функциональных технологий) – это совокупность системных упорядоченных взглядов, выражающая интересы различных социальных классов, на основе которой осознаются и оцениваются отношения людей и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу, либо признаются установленные формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновывается необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии). Если государственная идеология не разделяется большинством населения, то такое государство и политическое устройство теряют свою гражданскую легитимность и быстро уходят с исторической арены. Достаточно, например, вспомнить бескровное изгнание британских колонизаторов из Индии (политика ненасилия «Махатма» Ганди – сатьяграха) и распад Советского Союза. Если в первом случае сформировавшийся в начале XX века патриотизм индусов привел к созданию независимой Индии, то во втором случае на фоне резкого снижения патриотизма советского народа и формирования устойчивого дефицита предложения в горбачевскую эпоху произошла величайшая геополитическая катастрофа – распад СССР, приведшая к потере миллионов человеческих жизней и десятку миллионов искалеченных судеб.

При выборе модели хозяйствования приоритетной является господствующая идеологическая. Выбор между гуманистической идеологией, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса, как снижение социального каннибализма, и идеологией рыночного либерализма, в основе которой лежит социальный кан-

нибализм, – именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства.

До настоящего времени в общественных науках остается дискуссионным, какая функция сетевого управления была первичной – манипуляционная или продукционная. Задача нашего исследования не требует выяснения того, что было первичным в этом процессе. Тем более, как свидетельствует история человечества, развитие военных технологий (на которые, как правило, не жалели и не жалеют ресурсов) всегда выступало важным толчком для совершенствования гражданских технологий. Например, А.Н. Тур и Ю.В. Мелешко пишут, что «до 80% технологий в рамках ракетно-космической промышленности имеют универсальный характер и могут применяться в различных отраслях экономики» [1, с. 114], хотя существенная их часть будет применяться в военной сфере.

Для нас важно, что в настоящее время во всех экономически развитых, новых индустриальных и во многих развивающихся странах сформировалась сетевая экономика, которая может выступить в качестве важнейшего фактора перехода к опережающей модели развития как в Республике Беларусь, так и во всех странах ЕАЭС. Отрасли, входящие в сетевую экономику, способны «выступать как движущая сила и детерминанты опережающей модели модернизации, – справедливо отмечает Е.В. Логинова, – поскольку внедрение здесь инноваций имеет синергетический эффект, суть которого заключается в распространении инноваций не только по всем сферам общественного производства, но и в стимулировании внедрения инноваций в социальной и властно-правовой сферах» [2, с. 20]. Далее исследователь поясняет: «Причинами возникновения синергетического эффекта от внедрения инноваций в сетевой экономике являются: во-первых, глобальная информатизация экономических и социальных процессов, которая способствует появлению инновационных форм взаимодействий субъектов, позволяющих им в режиме реального времени получать информацию из внешней среды и оперативно реагировать на полученные импульсы; во-вторых, ускорение процесса обмена информацией по вертикали и горизонтали производственных, общественных и властных структур, что приводит к возникновению инновационных форм организации социума на всех его уровнях (сетевая организация) и развитию инновационных бизнес-процессов; в-третьих, ускоренные темпы развития сетевой экономики делают данную сферу общественного производства инновационной по своей природе, а поскольку все большее и постоянно растущее число субъектов социальных и экономических от-

ношений опосредуют свои взаимодействия сетью Интернет, то распространение цифровых инноваций принимает глобальный характер и стимулирует появление инноваций во всех сферах жизнедеятельности общества» [2, с. 21].

Сетевые механизмы экономического управления как новые формы общественно-функциональных технологий могут использовать как в продукционных (для роста социально-экономической эффективности общественного производства), так и в эгональных (для производства необходимого Манипулятору поведения социальных и экономических субъектов) целях. Последняя цель неизбежно порождает необходимость защиты от такого рода информационно-идеологической агрессии в интернет-пространстве, в результате чего быстро развиваются сетевые механизмы защиты от нее.

В продукционном плане сетевые механизмы экономического управления формируют новый тип инновационных сетей, имеющих следующие особенности: «В отличие от традиционных инновационно-активных предприятий, субъекты, входящие в инновационную сеть, совместно используют общие активы, что делает сетевую структуру более гибкой, увеличивая ее способность адаптироваться к изменчивой экономической среде; в управлении потоками ресурсов инновационная сеть активно использует рыночные механизмы, базирующиеся на обмене информацией и активном взаимодействии участников сети; инновационные сети практикуют разработку совместных проектов, что усиливает заинтересованность участников сети и приводит к повышению эффективности функционирования всей сети; инновационные сети становятся объединением поставщиков, производителей, компаний, финансовых и кредитных организаций на основе взаимного владения акциями, что создает дополнительные возможности для реализации экономически эффективного взаимодействия, разработки совместной рыночной стратегии и повышения заинтересованности всех участников сети» [3, с. 18]. Как справедливо отмечает Л.Ю. Титов, «сравнение различных моделей инновационного процесса позволило выделить преимущества сетевой модели (сетевых механизмов экономического управления. – С.С.), для которой характерна более высокая организационная и системная интеграция, гибкая организационная структура, эффективные внешние каналы связи, мобильность ресурсов, эффективные механизмы обмена знаниями, механизмы идентификации, измерения и управления нематериальными активами, вовлеченность высшего руководства» [3, с. 20].

В свою очередь Е.В. Логинова отмечает, что «сетевое информационное пространство

(сетевых механизмов экономического управления. – С.С.)» [2, с. 24] характеризуется такими отличительными чертами, как «отсутствие территориальных границ; безграничность межсубъектного общения; осуществление транзакций в режиме реального времени» [2, с. 24]. Исследователь также отмечает, что в результате развития сетевого информационного пространства возникает сетевая экономика, «особенностью которой является не столько доминирование информации, сколько преобразование вариантов ее использования. При этом ведущую роль в обществе приобретают глобальные сетевые структуры, развитие которых создает условия для формирования более совершенной и прозрачной среды для информационной активности экономических субъектов, обеспечивающей более высокий уровень эффективности экономической деятельности, трансформирует производственные и организационно-хозяйственные системы, модифицирует экономические, социальные и властно-правовые институты» [2, с. 24–25]. Значительное увеличение вариантов использования информации в рамках глобальных сетевых структур постоянно усложняет сетевые механизмы экономического управления, приводит к возникновению все новых и новых рисков и угроз. Последние порождаются не только по причине постоянного увеличения эгонального использования новых форм общественно-функциональных технологий, но и в результате расширения производственного применения этих технологий во взаимосвязи с принципиально новыми технико-технологическими решениями и мобильности глобальных финансов.

Использование общественно-функциональных инноваций в конкурентной борьбе рассматривает Т.В. Сергеевич: «Люди формируют свои покупательские предпочтения под воздействием общественно-функциональных технологий, при этом даже не осознавая, что они сами являются объектами конкурентной борьбы. <...> В условиях социального неравенства и классовых различий производители товаров интенсивного обновления используют моду не только в качестве стимулирующего фактора роста производства этих товаров, но и как инструмент достижения социального консенсуса в обществе» [4, с. 200–201]. На примере фактора моды Т.В. Сергеевич показывает, как всецелое экономическое задается поведение субъектов в интересах корпораций модной индустрии.

Расширение сетевых механизмов экономического управления как новых форм общественно-функциональных инноваций порождает новые формы межстрановой конкуренции. Международный опыт последних лет показал, что целенаправленный подрыв экономической

безопасности на государственном уровне происходит главным образом через международные санкции, направленные часто на отдельные предприятия и конкретных предпринимателей. Зачастую нормативная база, система обеспечения экономической безопасности к этому не готовы, в результате противодействовать приходится на государственном уровне в режиме ручного управления. Рост технологической неопределенности и глобальных спекулятивных финансов, быстрое развитие общественно-функциональных технологий манипулирования (через Интернет и традиционные СМИ) поведением индивидов порождают принципиально новые вызовы и угрозы для национальной и экономической безопасности. Последние зачастую могут быть своевременно выявлены и нейтрализованы только на уровне предприятия. Общественные индикаторы экономической безопасности могут зафиксировать постфактум только последствия для экономической безопасности от негативного воздействия на конкретное промышленное предприятие (например, экономико- или градообразующее). Причем названное негативное воздействие может быть осуществлено без явного нарушения законов. Правоммерно говорить о тенденции «атомизации» угроз для экономической безопасности.

Развитие сетевых механизмов экономического управления вызывает значительное увеличение институционального разнообразия, что ставит перед социально-научным сообществом новые задачи. По нашему мнению, «социальная парадигма инновационного развития Республики Беларусь должна учитывать глобальные цивилизационные тенденции, которые неразрывно связаны с нарастанием институционального разнообразия и пониманием значительной частью научного сообщества невозможности познания современных реалий на основе упрощенных, механистических подходов» [5, с. 4].

Сетевые механизмы экономического управления, являясь принципиально новыми формами общественно-функциональных технологий, отличаются значительным ускорением процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что приводит к изменениям логики поведения субъектов сетевой экономики, усиливая тем самым значение поведенческой экономики. Как отмечают И.А. Крымский и К.В. Павлов, понятие «сетевая экономика» определяется двумя способами. Первый – как «среда, в которой компания или индивид, находящиеся в любой точке экономической системы, могут контактировать легко и с минимальными затратами с любой другой компанией или индивидом по поводу совместной

работы, торговли, обмена идеями и ноу-хау или просто для взаимного удовольствия» [6, с. 7]. Во втором случае под сетевой экономикой понимается «качественно новая форма экономического порядка, которая начинает вытеснять иерархические и рыночные формы из обслуживания экономических отношений в обществе» [6, с. 7]. Оба этих подхода, по нашему мнению, хотя и раскрывают некоторые онтологические особенности сетевой экономики, тем не менее, не могут претендовать на завершённое определение этого понятия, поскольку несут в себе серьёзные методологические погрешности. В обоих представленных подходах отсутствует системная увязка этой экономики как с уже существующими (иногда очень длительное время), так и с новыми (часто быстро развивающимися) формами хозяйствования. В своё время нами уже было доказано, что «экономика, как правило, была и остаётся многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, – снижать трансакционные издержки» [7, с. 14]. Таким образом, во всех представленных И.А. Крымским и К.В. Павловым подходах отсутствует гносеологическая возможность раскрытия диалектики процесса становления и развития сетевой экономики, влияния ее на сложившийся баланс политико-экономических сил в отдельных государствах и в планетарном масштабе. Таким образом, такая трактовка не может быть положена в основу определения сетевых механизмов инновационного развития, которые являются видовым понятием сетевой экономики.

Методологически перспективной с точки зрения преодоления вышеприведённых «узкоориентированных» определений сетевой экономики для последующего установления концепта «сетевые механизмы инновационного развития» представляется дефиниция А.М. Юнусова. Автор под сетевой экономикой предлагает понимать одну «из сетевых форм организации социально-экономической деятельности в рамках модели рыночной экономики с высоким уровнем информатизации, основанной в активном использовании домохозяйствами, хозяйствующими субъектами и государством информационных технологий и глобальной электронной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства» [8, с. 9]. Следует обратить внимание, что учёный рассматривает сетевую экономику как форму социально-экономической деятельности, одной из отличительных особенностей которой является функционирование в условиях рыночной модели хозяйствования с высоким уровнем информатизации. Полностью соглашаясь с тезисом о «высо-

ком уровне информатизации», полагаем, что требует пояснения такой признак, как «деятельность в рамках модели рыночной экономики», поскольку не вполне понятно, о какой рыночной экономике идёт речь: если в данном случае подразумевается рыночная экономика в бекеровском смысле, т.е. некая идеальная система хозяйствования, в которой абсолютно все подчиняется законам рынка и которая была и остаётся исключительно продуктом интеллектуальных изысканий экономистов-рыночников, то такая экономика никогда не существовала в реальности. Если же речь идёт о той, преимущественно рыночной капиталистической хозяйственной системе, которая была характерна для западных стран, то следует учитывать, что «современная экономика перестаёт быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [9, с. 23]. Ранее нами уже отмечалось по этому поводу следующее: «Экономика в последние десятилетия претерпевала небывалые изменения, которые радикальным образом изменили ее объект. Сегодня рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими ее формами. В идеале, в зависимости от того, какая из форм хозяйствования на том или ином историческом этапе обеспечивала общество необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, та и преобладала. Экономика, как правило, была и остаётся многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, – снижать трансакционные издержки» [10, с. 29]. Таким образом, определяя сетевую экономику, не следует привязывать ее только к рыночной модели хозяйствования. А вот почему этого не следует делать, поясним подробнее.

Как уже отмечалось выше, А.М. Юнусов справедливо предлагает понимать под сетевой экономикой одну из сетевых форм организации социально-экономической деятельности. При таком подходе «сетевая экономика» выступает видовым понятием по отношению к родовому понятию «сетевая форма организации социально-экономической деятельности». В основе последней лежит обмен деятельностью между индивидами, основанный на кооперации. Как известно, «при достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение

транзакционных издержек» [11, с. 5]. Социальный обмен деятельностью, опосредующий все экономические отношения, тем не менее, не сводится только к хозяйственной деятельности. Еще П.Б. Струве писал по этому поводу следующее: «Хозяйственным отношением в нашем точном смысле не является всякое отношение между людьми, возникающее по поводу получения и использования ими средств для удовлетворения человеческих потребностей “экономических” средств или “хозяйственных благ”. Люди, хозяйствующие в своих хозяйствах, могут по поводу получения хозяйственных благ вступать в отношения и нехозяйственные» [12, с. 34]. Иначе говоря, сетевая форма организации социально-экономической деятельности включает в себя как хозяйственные, так и нехозяйственные отношения. Эта ее содержательная характеристика распространяется и на такой частный случай ее бытийного состояния, как сетевые механизмы инновационного развития. При этом облегчение установления кооперационных отношений выступает ее важнейшей характеристикой.

Новейшие интернет-технологии значительно ускорили и упростили сетевые формы кооперации в процессе социально-экономической деятельности индивидов. В результате чего возникла насущная потребность актуализации теоретических представлений о кооперации. Как пишет по этому поводу В.Г. Егоров, «большинство современных исследований по теории кооперации воспроизводит дискурс, заданный прежним опытом освоения темы, исключающий актуализации идеи кооперации в современной рыночной экономике. Необходимость расширения теоретических представлений о кооперации как самостоятельной форме экономических отношений, не утратившей востребованность и демонстрирующей эффективность в решении экономических и социальных проблем, стала очевидной. Актуальное прочтение теории кооперации обусловлено необходимостью инкорпорирования кооперативных концептов в современное экономическое знание. <... > Всплеск интереса к кооперативной тематике свидетельствует о новом этапе развития теории и практики коллективных форм организации экономической жизни» [13, с. 3]. Кооперация, не являясь исключительно экономическим и уж тем более рыночным феноменом, тем не менее традиционно хорошо вписывается в практику хозяйствования. Как отмечается в монографии «Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке», опубликованной в 2018 г.: «Родовая черта кооперации как хозяйственного процесса обеспечивает ее совместимость с рыночной организацией

экономики, а ориентация кооперации не только на стоимость и ее проявления – доход, экономия, прибыль, но и на потребительскую стоимость, полезность и удовлетворение потребностей, на нетоварные цели – занятость, творческую реализацию, делает кооперационные отношения созвучными современным тенденциям персонализации, демассовизации производства, его ориентацию на потребителя» [14, с. 17–18]. При этом в названной работе поясняется, что «от иерархических форм организации экономических отношений – фирмы, государства – кооперацию отличают принципы добровольности, демократичности, самоуправления, распределения управленческих полномочий и результатов по критериям личного вклада в деятельность кооперативного объединения» [14, с. 18].

А.М. Юнусов пишет: «Сетевая экономика является механизмом, встроенным внутри традиционно сложившейся социально-экономической системы» [8, с. 11]. Это ее свойство особенно важно, когда происходит «усиление многоукладности в постиндустриальном обществе, сопровождаемое увеличением количества периферийных социально-экономических укладов и ускорением трансформации доминирующих укладов, ведет к значительному усложнению социально-экономических отношений» [15, с. 304]. Применительно к нашему объекту исследования это означает, что сущностной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития является то, что они способствуют упрощению социально-экономического взаимодействия (значительно снижая при этом транзакционные издержки) между традиционным, новыми и новейшими хозяйственными укладами. Расширение использования сетевых механизмов инновационного развития неизбежно привело к теоретическому переосмыслению роли государства в инновационных процессах. «Постепенно, сначала исподволь, а потом и все более явно, уже к концу прошлого века, на смену узко экономическим концепциям, рассматривающим социальные факторы как дополнительные транзакционные издержки, а государство как “невидимую” или “грабящую” руку рынка, приходят социально-институциональные концепции, позволяющие увидеть в социальных экономических отношениях основу функционирования любой национальной экономической модели. Формируется понимание государства как сложного общественного и социально-экономического феномена, выполняющего роль конфигуратора современного рынка» [16, с. 7]. Сетевая экономика, сетевые формы кооперации и сетевые механизмы инновационного развития сегодня немыслимы без государственного конфигурирования социально-экономических процессов в обществе.

Последнее особенно важно, поскольку сетевые механизмы организации социально-экономической деятельности могут использоваться как для повышения экономической эффективности общественного воспроизводства (производственный аспект), так и для улучшения условий реализации эгональных политико-экономических интересов общественных групп, социальных классов и государств. В последнем случае, поскольку речь идет о применении различных типов информационного оружия, то обеспечение надежной защиты от агрессора невозможно без государственной идеологии и информационной поддержки. Важность такой функции сетевой экономики, как согласования экономических интересов, признается многими учеными-экономистами. Так, например, Л.Ю. Титов отмечает по этому поводу: «Сетевая экономика рассматривается как система организации, регулирования, контроля, правил и форм деятельности субъектов в процессе взаимодействия для согласования разнородных интересов участников, достижения определенной цели, решения конкретных задач» [3, с. 24]. Вместе с тем до настоящего времени ученые-экономисты не исследуют значение сетевой экономики, сетевых механизмов инновационного развития и иных близких к ним концептов как инструментов преимущественной реализации эгональных интересов, в том числе и за счет методов нелетального разрушения конкурентов. Исключение составляют только работы маркетологов, которые затрагивают лишь незначительную часть этой проблемы.

Повышение эффективности общественного производства возможно только на базе роста производительности труда, которое сегодня невозможно обеспечить без повсеместного использования Интернета вещей и иных цифровых технологий. «Специфика современного общества, – пишет Е.В. Логинова, – основанного на знании, заключается в интегрировании в его рамках информационного и сетевого обществ, так как первое характеризует роль, отводимую информации в процессе социально-экономической эволюции и развития общественного производства, а второе показывает приоритет сетевых связей при передаче информации субъектам социально-экономических отношений» [2, с. 24]. Последнее обстоятельство представляется существенной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития как системы. В современной экономике сетевые механизмы инновационного развития, применительно к Индустрии 4.0, описываемые понятием Интернет вещей, позволяют достигнуть следующих результатов: «... улучшение технического обслуживания оборудования благодаря более точному прогнозированию уровня износа деталей и момента от-

каза оборудования; глубокое исследование целевых аудиторий потребителей; более эффективное управление цепочками поставок; исключение вероятности применения контрафактных деталей; повышение безопасности производства за счет автоматического контроля над использованием опасных и вредных веществ; снижение эксплуатационных расходов благодаря автоматическому включению и выключению систем освещения и кондиционирования; оптимизации транспортных маршрутов, а также анализ действий водителей; контроль персонала и идентификация личности, в том числе на территории закрытых объектов; принятие более обоснованных управленческих решений на основе более глубокой аналитики» [17, с. 17]. Сегодня рост производительности общественного труда во многом обусловлен интенсивностью развития Интернет-технологий и их повсеместным внедрением. Как справедливо отмечает Ю.В. Мелешко, «Интернет вещей не просто подключает физическое пространство к Интернету, позволяя объединять устройства в сети, отслеживать их состояние и реагировать в случае необходимости в режиме реального времени. Интернет вещей кардинальным образом меняет бизнес-архитектуру. Появляются новые модели ценообразования и использования товаров, опирающиеся на Интернет вещей и подключенную физическую среду, новые инструменты, обеспечивающие возможность перехода от транзакционной выручки к модели выручки по подписке» [18, с. 121]. В сфере промышленности использование Интернета вещей «становится одним из основных факторов конкурентоспособности производителей промышленной продукции, позволяя предприятиям промышленности встроиться в международные цепочки создания стоимости» [19, с. 52].

Заключение. На основании вышесказанного можно охарактеризовать сущность понятия «сетевые механизмы инновационного развития», т.е. содержательно описать сущностные, регулярно повторяющиеся, не случайные связи и отношения в сетевой экономике в процессе создания, распределения, перераспределения и использования инновационных ресурсов, обеспечивающих возможность инновационного развития. Сетевые механизмы инновационного развития как экономическая категория – это сетевые формы организации социально-экономической деятельности в экономической, социальной и политической сферах с высоким уровнем информатизации, основанной в активном использовании политико-экономическими и хозяйственными субъектами информационных технологий и глобальной электронной сети Интернет в процессах общественного воспроизводства с целью инновацион-

ного развития. При этом инновационные сетевые механизмы экономического управления могут использоваться как в производственных – для повышения эффективности общественного производства, так и в эгональных целях – для обеспечения преимущественной реализации частно-групповых интересов. Сетевые механизмы инновационного развития, являясь принципиально новыми формами общественно-функциональных технологий, встраиваются внутрь традиционно-сложившейся социально-экономической системы, сосуществуют с ней и активно влияют на нее в результате значительного ускорения процессов управления, получения и обмена информацией за счет использования новейших интернет-технологий, что усиливает многоукладность экономики (сопровожаемое увеличением количества периферийных социально-экономических укладов и ускорением трансформации доминирующих укладов) и социально-экономическую дифференциацию общества. Сущностной характеристикой сетевых механизмов инновационного развития является то, что они способствуют упрощению социально-экономического взаимодействия (значительно снижая при этом транзакционные издержки) между традиционным, новыми и новейшими хозяйственными укладами. Сетевая экономика, сетевые формы кооперации и сетевые механизмы инновационного развития требуют пересмотра и расширения функций государства как конфигуратора социально-экономических процессов в обществе, в том числе содействие такой новой форме общественной жизнедеятельности, как социально-научное сообщество.

Литература

1. Тур, А.Н. Космическая экономика как отрасль хозяйствования / А.Н. Тур, Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. – 2016. – № 4. – С. 113–123.
2. Логинова, Е.В. Сетевая экономика как инновационный фактор модернизации современного российского общества: автореф. ... дис. д-ра экон. наук: 08.00.01 / Е.В. Логинова. – Вологда, 2012. – 51 с.
3. Титов, Л.Ю. Экономические инновационные структуры и институты сетевого типа: теория и методология: автореф. ... д-ра экон. наук / Л.Ю. Титов. – Орел, 2010. – 49 с.
4. Сергиевич, Т.В. Мода, экономическая система общества, культура и цивилизация (категориально-понятийное сопоставление) / Т.В. Сергиевич // Вестн. Коми респ. Акад. гос. службы и управления. Сер. Теория и практика управления. – 2018. – № 20(25). – С. 197–203.
5. Солодовников, С.Ю. Новая парадигма инновационного развития белорусской экономики и подходы к ее формированию / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 14. – С. 2–8.
6. Крымский, И.А. Проблемы и перспективы развития электронной экономики в России / И.А. Крымский, К.В. Павлов. – Мурманск: Изд-во Кольского НЦ РАН, 2007. – 200 с.
7. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С.Ю. Солодовников, Т.В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.
8. Юнусов, А.М. Теоретические основы формирования и становления сетевой экономики в России: автореф. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А.М. Юнусов. – М., 2008. – 21 с.
9. Солодовников, С.Ю. Феноменологическая природа взаимоотношенности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
10. Солодовников, С.Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: категориальная и реально-онтологическая иерархии / С.Ю. Солодовников // Фотинские чтения. – 2017. – № 2(8). – С. 14–37.
11. Солодовников, С.Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
12. Струве, П.Б. Экономическая история России / П.Б. Струве. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 576 с.
13. Егоров, В.Г. Место и роль кооперации в рыночной экономике: теоретический анализ : автореф. ... дис. д-ра экон. наук: 08.00.01 / В.Г. Егоров. – Ярославль, 2015. – 51 с.
14. Горизонтальная культура социальных взаимодействий – потенциал развития экономики и общества в XXI веке / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: БНТУ, 2018. – 325 с.
15. Солодовников, С.Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308.
16. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.
17. Василенко, Н. Этапы автоматизации услуг в контексте развития экономики / Н. Василенко // Экономист. – 2018. – № 10. – С. 12–19.
18. Мелешко, Ю.В. Интернет вещей как фактор трансформации бизнес-моделей / Ю.В. Мелешко // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации: сб. науч. ст. – Витебск, 2018. – С. 120–122.
19. Мелешко, Ю.В. Перспективы развития рынка интернета вещей в Республике Беларусь / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 7. – С. 49–62.

Поступила в редакцию 30.04.2019 г.

Анализ факторов, влияющих на бизнес-процессы современной торговой организации

Шостак И.Н.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Имеющееся многообразие факторов и различная степень их влияния на бизнес-процессы торговых организаций актуализируют проблему обоснования их наиболее подробного перечня и оценки степени влияния на бизнес-процессы. В данном контексте крайне важным является определение ключевых факторов внешней и внутренней среды, влияющих на работу организаций торговли, на основе определения степени их воздействия на ведущие бизнес-процессы.

Цель статьи – построение факторного пространства бизнес-процессов торговой организации.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили бизнес-процессы торговых организаций Республики Беларусь. В качестве методической основы выступили теоретические методы анализа, обобщения, классификации, индукции и дедукции, а также эмпирический метод корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты и их обсуждение. В рамках исследования была осуществлена систематизация факторов, влияющих на деятельность торговых организаций. При этом, в отличие от имеющихся в литературе вариантов классификации факторов, было предложено не только их деление в зависимости от среды формирования (внешние и внутренние) и принадлежности к микро- и макросреде (на факторы первого порядка и факторы второго порядка), но и дополнительная классификация по степени влияния на бизнес-процессы (факторы прямого и косвенного воздействия). Одновременно в рамках корреляционно-регрессионного анализа была установлена особая значимость факторов прямого воздействия, включающих изменение курсов иностранных валют, предложения транспортных организаций, а также условий взаимодействия с поставщиками.

Заключение. Проведенное исследование позволило определить факторное пространство бизнес-процессов отечественной торговой организации, а также произвести классификацию имеющихся факторов с точки зрения их влияния на основные бизнес-процессы. Последующее проведение корреляционно-регрессионного анализа привело к формированию перечня факторов прямого воздействия, учет которых особенно важен при построении достоверной и эффективной бизнес-модели торговой организации.

Ключевые слова: факторы влияния, бизнес-процесс, бизнес-модель, торговая организация, прямое и косвенное воздействие, степень влияния.

Analysis of Factors Affecting the Business Processes of a Modern Trade Company

Shostak I.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The existing diversity of factors and the different degrees of their impact on the business processes of trade companies makes the problem of substantiating their most detailed list and assessing the degree of impact on business processes current. In this context, it is extremely important to determine the key factors of the external and internal environment that affect the work of trade companies on the basis of determining the extent of their impact on the main business processes.

The purpose of the study is to build the factor space of business processes of a trade company.

Material and methods. The research material was business processes of trade companies of the Republic of Belarus. Theoretical methods of analysis, generalization, classification, induction and deduction, as well as the empirical method of correlation and regression analysis, were used as a methodological basis of the research.

Findings and their discussion. As part of the study, systematization of factors affecting the business activities of trade companies was carried out. Herewith in contrast to the classification of factors available in the literature, it was proposed not only to group them depending on the environment of formation (external and internal) and belonging to the micro and macro environment (for first-order factors and second-order factors), but also to additionally classify them by the degree of impact on business processes (factors of direct and indirect impact). At the same time, on the basis of the correlation and regression analysis, special significance of direct-impact factors was established, including changes in foreign exchange rates, supply of transport companies, as well as the conditions of interaction with suppliers.

Conclusion. The research made it possible to determine the factor space of business processes of the domestic trade companies, as well as to classify the existing factors in terms of their impact on the main business processes. The subsequent correlation and regression analysis led to the formation of a list of direct factors, the consideration of which is especially important when building a reliable and efficient business model of a trade company.

Key words: impact factors, business process, business model, trade company, direct and indirect impact, degree of impact.

В трудах многих ученых приводятся попытки с разных подходов объяснить сущность бизнес-процессов, происходящих в рамках функционирования торговых организаций, оптимизировать данные процессы, а также обосновать влияние отдельных составляющих на них [1–4]. При этом в большинстве исследований не предполагается четкого изучения направленности и силы влияния отдельных факторов на организацию бизнес-процессов, а делается упор на реинжиниринг и автоматизацию. Одновременно важно подчеркнуть имеющуюся практическую попытку в выявлении взаимосвязи ключевых показателей работы торговой организации и факторов внутренней среды, представленную в исследовании И.Н. Доренской; существенным недостатком отмеченной научной работы, однако, является исключение из анализа внешних факторов.

Имеющееся многообразие факторов и различная степень их влияния на бизнес-процессы торговых организаций (воздействие на основные и поддерживающие бизнес-процессы может носить как позитивный, так и негативный характер, при этом степень такого влияния также может быть различной) актуализируют проблему обоснования их наиболее подробного перечня и оценки степени воздействия на ключевые бизнес-процессы. Исключение или недостаточно точный учет факторов ограничивает возможность реализации принятой торговой организацией общей бизнес-модели, признавая достижение установленного результата невозможным. С данной точки зрения крайне важным является определение ключевых факторов внешней и внутренней среды, влияющих на бизнес-процессы организаций торговли, на основе определения степени их воздействия на организацию таких процессов.

Таким образом, целью исследования является построение факторного пространства бизнес-процессов торговой организации. Достиже-

ние отмеченной цели позволит в последующем сформировать бизнес-модель работы торговой организации, наиболее полно отражающую условия функционирования и имеющую наивысшую степень достоверности.

Материал и методы. Материалом исследования послужили бизнес-процессы торговых организаций Республики Беларусь. В качестве методической основы выступили теоретические методы анализа, обобщения, классификации, индукции и дедукции, а также эмпирический метод корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты и их обсуждение. Исследование бизнес-процессов как части системы торговой организации, для обеспечения эффективной работы которой необходим учет изменяющихся условий внутренней и внешней среды, предполагает наряду с имеющимися подходами использование новых вариантов классификации. В данных условиях автором была предпринята попытка объединить существующие классификации и сгруппировать факторы, оказывающие влияние на организацию бизнес-процессов торговых организаций с точки зрения влияния данных факторов на основные процессы. Так, в качестве факторов, определяющих течение бизнес-процессов, были выделены следующие (рисунок 1).

Как наглядно видно на рисунке 1, в рамках проводимого исследования предложено разбить факторы на 2 группы: внешние и внутренние.

При этом в состав внутренних были включены факторы, возникающие непосредственно в рамках течения процессов в организации. Такие факторы зависят от внутреннего строения бизнес-процессов и взаимодействия их структурных элементов и могут корректироваться. В целом внутренние факторы организаций торговли представлены следующими категориями: характер оказываемых услуг (тип торговой организации), масштаб организации и ее структура, степень автоматизации и технического обеспечения, обеспеченность основными ресурсами и т.д.

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на бизнес-процессы торговых организаций

Внешние факторы включили все возможные составляющие внешней среды, оказывающие воздействие на основные и обеспечивающие бизнес-процессы торговой организации. При этом, в отличие от имеющихся вариантов классификации факторов [5], было предложено не только их деление в зависимости от принадлежности к микро- и макросреде, но и их дополнительная классификация по степени влияния на процессы. В рамках первого критерия принято разделение на факторы первого порядка и факторы второго порядка.

Факторы внешней среды 1-го порядка – группа факторов, оказывающих воздействие в рамках организационно-экономической системы, непосредственно окружающей бизнес-процессы. Факторы, включаемые в данную группу, определяют среду, в которой происходит течение основных и обеспечивающих бизнес-процессов, они фактически образуют внутренние условия, оказывая прямое воздействие на деятельность торговой организации. Влияние этих факторов возможно корректировать. Данные факторы фактически определяют особенности влияния сложившихся условий и инфраструктуры на работу субъектов торговли и представлены:

- тенденциями развития товарно-ресурсных рынков, субъекты которых являются поставщиками для торговых организаций;
- развитием рынков ключевых ресурсов, используемых в рамках бизнес-процессов торговых организаций;
- тенденциями развития рынка труда как источника формирования кадрового состава торговой организации;
- особенностями развития деловой среды.

Факторы внешней среды 2-го порядка включили в себя факторы, характеризующие состояние общего экономического пространства. В рамках данной группы воздействие факторов на организацию бизнес-процессов происходит через изменение факторов предыдущих групп, при этом отмеченное воздействие не поддается управлению. Среди факторов второго порядка можно отметить такие как: сложившаяся нормативно-правовая база, особенности таможенной политики, тенденции развития и состояние финансовых рынков и др.

Одновременно с отмеченной классификацией, по мнению автора исследования, важно разделение имеющихся факторов первого и второго порядка на те, которые оказывают прямое влияние, и те, воздействие которых стоит считать косвенным. В данном контексте речь идет о наличии ряда факторов, влияние которых столь значимо, что от него во многом зависит не только течение отдельных бизнес-процессов торговой организа-

ции, но и итоговые результаты ее деятельности. К данным факторам можно отнести: курс рубля к иностранным валютам и уровень инфляции, спрос на отдельные товарные группы, объем и условия предложения транспортных организаций (особенно ценового), условия взаимодействия с поставщиками, цены на используемые энергоресурсы и факторы производства, условия работы с организациями инфраструктуры. Например, изменение курсов иностранных валют в ходе сотрудничества торговой организации с поставщиками-импортерами однозначно приведет к росту себестоимости реализуемой продукции и сокращению уровня рентабельности. Одновременно изменение политической ситуации в стране может незначительно повлиять на работу сектора торговли или проявить ограниченное влияние, в рамках которого воздействие данного фактора будет значительным лишь для отдельных организаций. Таким образом, деление факторов внешней среды на прямые и косвенные фактически позволяет определить в составе первой группы те, влияние которых должно в обязательном порядке учитываться при построении бизнес-процессов и бизнес-модели торговой организации в целом.

Систематизация и некоторое расширение представленных основ позволили сформировать факторное пространство бизнес-процессов торговых организаций и очертить наложение отмеченных видов друг на друга (рисунок 2).

Одновременно анализ факторного пространства не позволяет достоверно определить перечень факторов прямого влияния ввиду их специфики и зависимости от условий, сложившихся в рамках исследуемой страны или отрасли. В данном контексте крайне важным является проведение оценки основных факторов внешней среды на критерий отнесения к факторам прямого влияния. Оценка состояния и влияния данных факторов была проведена с помощью корреляционно-регрессионных методов. При этом первоначально были определены факторы, имеющие значительное влияние на работу отечественных торговых организаций.

Использованные в рамках анализа данные были получены путем исследования информации, отраженной на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь [6], в статистических сборниках [7–9] и базах Национального банка Республики Беларусь [10]. Перечень исследуемых факторов при этом включил:

- курс белорусского рубля к доллару США;
- курс белорусского рубля к российскому рублю;
- уровень инфляции (на основе размера ИПЦ);

- объем грузовых перевозок (как показатель потенциальной активности транспортных компаний);
- индекс цен на услуги по перевозке грузов (как показатель ценового предложения транспортных компаний);
- индекс цен на топливные ресурсы;
- объем импортных поставок товаров и продукции (как показатель потенциальной активности поставщиков);
- объем внутреннего производства продукции (как показатель потенциальной активности поставщиков);
- индекс цен на используемые энергоресурсы (жилищно-коммунальные услуги);
- темп роста располагаемых доходов населения (как показатель уровня потенциального спроса).

При этом в качестве зависимого показателя (у) принималась совокупная прибыль всех торговых организаций страны. Временной период оценки показателей – 10 лет (с 2008 по 2017 г.). С целью линейаризации тренда при оценке коэффициентов корреляции применялись не сами пе-

ременные, а их натуральные логарифмы. Полученные при оценке результаты отражены в таблице 1.

Исследование воздействия основных факторов на деятельность торговых организаций страны показало наиболее высокую зависимость итогов их деятельности от сложившегося курса белорусского рубля к иностранным валютам, цен на жилищно-коммунальные услуги, а также объемов внутреннего производства и грузоперевозок. Полученные результаты фактически позволяют говорить о непосредственном влиянии на деятельность торговых организаций страны изменения курсов иностранных валют, объемов и условий предложения транспортных организаций (особенно ценового), условий взаимодействия с поставщиками и цен на используемые энергоресурсы.

С целью получения полной картины дополнительно были построены регрессионные модели по факторам прямого воздействия. Для построения моделей была использована программа Excel и пакет «Анализ данных». После построения регрессионных моделей были получены следующие результаты (таблица 2).

Рисунок 2 – Факторное пространство бизнес-процессов торговых организаций

Таблица 1 – Оценка степени корреляции между показателем совокупной прибыли организаций торговли и внешними факторами прямого воздействия

Наименование внешнего фактора	Коэффициент корреляции с показателем прибыли от реализации продукции, товаров организациями торговли
Курс рубля к доллару	0,920242
Курс рубля к российскому рублю	0,972669
Уровень инфляции	0,250490
Индекс цен на ЖКХ	0,515182
Индекс цен на топливо	0,070351
Уровень располагаемых доходов населения	–0,272648
Индекс цен на услуги по перевозке грузов	–0,129657
Объем импортных поставок товаров и продукции	0,137357
Объем внутреннего производства	0,968755
Объем грузовых перевозок	0,780574

Таблица 2 – Результаты регрессионной оценки взаимосвязи между динамикой прибыли от реализации организаций торговли и внешними факторами прямого воздействия

Факторы (х)	Уравнение регрессии, коэффициент детерминации (R ²)	Адекватность модели
Курс белорусского рубля к доллару США	$Y = 6,807 + 0,93 x$ $R^2 = 0,8469$	адекватна
Курс белорусского рубля к российскому рублю	$Y = 5,548 + 1,495 x$ $R^2 = 0,9461$	адекватна
Индекс цен на используемые жилищно-коммунальные услуги	$Y = -11,818 + 3,794 x$ $R^2 = 0,2654$	не адекватна
Объем внутреннего производства продукции (как показатель потенциальной активности поставщиков)	$Y = -4,373 + 1,026 x$ $R^2 = 0,9385$	адекватна
Объем грузовых перевозок (как показатель потенциальной активности транспортных компаний)	$Y = -79,055 + 7,704 x$ $R^2 = 0,6093$	адекватна

Полученные регрессионные уравнения и установленные значения R² позволили подтвердить высокое влияние большинства обозначенных факторов на работу отечественных торговых организаций. При этом для фактора «Индекс цен на используемые жилищно-коммунальные услуги» было установлено низкое значение коэффициента детерминации, не позволяющее включить его в состав факторов прямого воздействия.

Дополнительно была оценена статистическая значимость полученных уравнений при помощи статистики Фишера. Анализ полученных результатов позволил сделать вывод об адекватности четырех из пяти моделей, т.е. однозначном и прямом влиянии на работу торговых организаций курса иностранных валют, возможности со-

трудничества с отечественными поставщиками, а также особенностей оказания транспортных услуг. Отмеченные результаты позволяют дополнить представленное ранее факторное пространство бизнес-процессов торговых организаций и сформировать конкретный перечень факторов прямого влияния.

Закключение. Таким образом, современные условия хозяйствования торговых организаций определяют необходимость полного и своевременного учета всех влияющих на их работу факторов. Данные факторы ввиду высокого многообразия формируются как в рамках внутренней, так и в рамках внешней среды, при этом внешние факторы различаются с точки зрения их влияния на бизнес-процессы. Среди отме-

ченных позиций особую значимость имеют факторы прямого воздействия (включая изменение курсов иностранных валют, объемов и условий предложения транспортных организаций, а также условий взаимодействия с поставщиками), оказывающие наиболее сильное влияние на течение основных бизнес-процессов.

Литература

1. Доренская, И.Н. Совершенствование бизнес-процессов в розничной торговле организаций потребительской кооперации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / И.Н. Доренская; Белгород. ун-т кооперации, экономики и права. – Белгород, 2011. – 29 с.
2. Зайцева, Е.А. Управление бизнес-процессами торгового предприятия / Е.А. Зайцева, А.С. Попова // Инновационная наука. – 2016. – № 6. – С. 108–110.
3. Смирнов, А.Б. Роль бизнес-процессов в деятельности розничных торговых предприятий / А.Б. Смирнов // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. – 2014. – № 1(5). – С. 33–36.
4. Шепелева, О.Ю. Оптимизация ключевых бизнес-процессов деятельности торгового предприятия / О.Ю. Шепелева // Теория. Практика. Инновации. – 2017. – № 8(20). – С. 189–193.
5. Эйхлер, И.А. Исследование условий и факторов организации бизнес-процессов / И.А. Эйхлер // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017. – № 1. – С. 157–163.
6. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/>. – Дата доступа: 05.06.2019.
7. Финансы Республики Беларусь (2018): стат. сб. // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – 257 с.
8. Финансы Республики Беларусь (2015): стат. сб. // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – 267 с.
9. Финансы Республики Беларусь (2012): стат. сб. // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 595 с.
10. Статистика [Электронный ресурс] // Нац. банк Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://nbrb.by>. – Дата доступа: 05.06.2019.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.

Готовность будущих социальных работников к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды

Добровицкая Е.А.

Хмельницкий институт социальных технологий Университета «Украина» (Украина)

Насущной задачей системы социального образования сегодня является подготовка конкурентоспособного социального работника с мощным арсеналом умений и навыков, владеющего глубокими знаниями в профессиональной области, умеющего применить толерантный тип взаимодействия с различными категориями клиентов. Именно эту задачу призвана решить профессиональная подготовка будущих социальных работников, сочетая накопленный опыт и современные инновационные подходы.

Цель статьи – разработать диагностический комплекс методик и изучить состояние готовности будущих социальных работников к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды по определенным критериям и показателям.

Материал и методы. Участниками эксперимента выступили студенты Университета «Украина» (Украина). Основная выборочная совокупность составила 218 студентов специальности «Социальная работа». Для достижения поставленной цели был сформирован и применен диагностический комплекс методик.

Результаты и их обсуждение. Подытоживая и обобщая результаты исследования по указанным критериям, установлено, что высоким уровнем сформированности готовности к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды обладают 16,3% (экспериментальная группа) и 15,5% (контрольная группа) студентов. Средним уровнем охвачено 49,3% (экспериментальная группа) и 48,2% (контрольная группа) студентов. А у 34,3% (экспериментальная группа) и 36,3% (контрольная группа) студентов выявлен низкий уровень по всем показателям. Рассматривая толерантное взаимодействие как гармоничность в отношениях, поиск компромиссного диалога, взаимопонимания и взаимопомощи, толерантное поведение, эффективное сотрудничество, отметим необходимость повышения у будущих социальных работников уровня готовности к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды при непосредственной профессиональной деятельности.

Заключение. Анализ и обобщение результатов исследования продемонстрировали необходимость акцентирования внимания на состоянии сформированности готовности к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды у будущих социальных работников. Актуальными направлениями дальнейшей работы обозначенной проблемы являются разработка и внедрение педагогических условий в инклюзивной образовательной среде университета.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, толерантное взаимодействие, будущие социальные работники, критерии, инклюзивная среда.

Readiness of Would-be Social Workers for Tolerant Interaction in Conditions of Inclusive Environment

Dobrovitskaya E.A.

Khmelnytsky Institute of Social Technologies of University "Ukraine" (Ukraine)

The urgent task of the system of social education today is training of a competitive social worker with a powerful arsenal of skills and abilities, with deep knowledge in the professional sphere, with the ability to build tolerant type of interaction with different categories of clients. It is this task that should be solved by would-be social workers' professional training which would combine the accumulated experience and contemporary innovation approaches.

The aim of the article is to elaborate a diagnostic complex of methods and to study the state of readiness of would-be social workers for tolerant interaction in conditions of inclusive environment according to certain criteria and parameters.

Material and methods. The participants of the experiment were students of University "Ukraine" (Ukraine). The main selective totality was 218 Social Work students. The diagnostic complex of techniques was formed for the achievement of the set aim.

Findings and their discussion. Reviewing and generalizing the research findings according to the defined criteria, we determined, that 16,3% (EG) and 15,5% (CG) of students possess high level of shaping the readiness for tolerant interaction in conditions of inclusive environment. 49,3% (EG) and 48,2% (CG) of students exhibit the average level. While 34,3% (EG) and 36,3% (CG) of students have low level of all the parameters. Considering the tolerant interaction as harmony in relations, the search for compromise dialogue, mutual understanding and assistance, tolerant behavior, efficient cooperation we will point out the necessity in the improvement of would-be social workers' readiness for tolerant interaction in the professional inclusive environment.

Conclusions. The analysis and generalization of the research findings demonstrated the necessity of paying attention to the state of shaping the readiness for tolerant interaction of would-be social workers in conditions of inclusive environment. The topical directions for further work within the discussed issue are the development and implementation of pedagogical conditions of university inclusive environment.

Key words: professional training, tolerant interaction, would-be social workers, criteria, inclusive environment.

В Украине осуществляется реформирование системы образования, в процессе которого достигнуты существенные результаты. Масштабность проведенных преобразований и трансформационные процессы в социуме не только не позволяют говорить о завершенности этих изменений, но и требуют их дальнейшей реализации.

Сегодня специалисты должны быть готовы адаптироваться к изменениям и новым социальным отношениям, отвечать требованиям времени и быть способными к саморазвитию и самосовершенствованию, что возможно лишь при условии их постоянного профессионального развития. Насущной задачей системы социального образования сегодня является подготовка конкурентоспособного социального работника с мощным арсеналом умений и навыков, владеющего глубокими знаниями в профессиональной области, умеющего применить толерантный тип взаимодействия с различными категориями клиентов. Именно эту задачу призвана решить профессиональная подготовка будущих социальных работников, сочетая в себе накопленный опыт и современные инновационные подходы.

От уровня подготовки будущих социальных работников и профессионализма, которым обладают социальные работники, зависит эффективность всей деятельности социальных служб. Поэтому перед отечественным образованием стоит задача подготовки специалистов с соответствующим уровнем профессионализма, ответственного в отношении к своей работе, с устойчивой психикой, положительно мотивированного и любящего свою профессию, компетентного специалиста.

Отдельные аспекты подготовки социальных работников к профессиональной деятельности рассмотрены в трудах А. Беспалько, И. Зверевой, И. Ивановой, А. Капской, И. Козубовской, И. Миговича, Л. Мищик, Г. Попович, Л. Тютти, С. Харченко и др.

Профессиональная подготовка будущих социальных работников является необходимым условием их становления как профессионалов. В условиях вуза профессиональная подготовка социального работника определяется усвоением системы знаний, формированием профессиональных умений и навыков, осознанием профессиональной деятельности. Она базируется на квалификационных требованиях, сочетающих в себе совокупность профессиональных требований,

характеристик, показателей, ценностей, ролей, функций и т.п.

В рамках нашей тематики обратимся к исследованиям, в которых рассматриваются вопросы профессиональной подготовки будущих специалистов в учебных заведениях, где непосредственно происходит обучение через «призму инклюзии» и совместно обучаются здоровые студенты и студенты с инвалидностью.

Заслуживает внимания ряд работ современных ученых, касающихся вышеобозначенной проблемы: А. Дикова-Фаворской, К. Кольченко, Г. Никулиной, Л. Сердюк, П. Таланчука, С. Титаренко, М. Чайковского и др. Но несмотря на интенсивность исследований в области подготовки специалистов к работе в инклюзивных условиях и непосредственной профессиональной подготовки в условиях инклюзивной образовательной среды внедрение идей гуманистической образовательной парадигмы в практику, вопросы изучения возможностей профессионального становления и развития будущих специалистов в условиях инклюзивной среды, поиск путей совершенствования и применение инновационных технологий подготовки, эта комплексная проблема остается нераскрытой и недостаточно изученной.

Подготовка будущих социальных работников к работе в инклюзивной среде предопределяет особые требования к профессиональной и личностной подготовке, которые, кроме базового уровня знаний, должны иметь представление и понимание о сути инклюзивного обучения, владеть знаниями о психологических закономерностях и признаках личностного развития лиц с инвалидностью. Современный социальный работник обязан владеть знаниями и навыками работы в инклюзивной среде, применять специальные приемы и методы, совершенствовать собственную инклюзивную компетентность.

В нашем исследовании под готовностью будущих социальных работников к толерантному взаимодействию мы понимаем стремление формировать положительные, гармоничные отношения, открыто воспринимать многогранность проявлений человеческой личности, владеть нормами и правилами толерантной культуры, создавать гуманистическое основание для построения межличностных отношений, а также признавать равноправие и глубину личностного контакта через взаимопонимание и эмпатию.

Цель статьи – разработать диагностический комплекс методик и изучить состояние готовности

будущих социальных работников к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды по определенным критериям и показателям.

Материал и методы. Участниками эксперимента выступили студенты Хмельницкого института социальных технологий Университета «Украина» (г. Хмельницкий), Карпатского института предпринимательства Университета «Украина» (г. Хуст) и Института социальных технологий Университета «Украина» (г. Киев). Основная выборочная совокупность составила 218 студентов специальности «Социальная работа». В эту выборку входили студенты – будущие социальные работники, обучающиеся в условиях инклюзивного учреждения высшего образования на образовательном уровне «бакалавр» (83 человека – экспериментальная группа (ЭГ) и 88 – контрольная группа (КГ)), а также студенты образовательного уровня «магистр», которые уже имели некоторый опыт профессионального взаимодействия (25 человек ЭГ и 22 – КГ).

Для выяснения состояния готовности будущих социальных работников к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной образовательной среды нами сформирован диагностический комплекс методик в соответствии с критериями, в состав которого вошли: изучение образовательной документации; анализ учебных планов по специальности «Социальная работа»; беседы; опрос студентов; педагогическое наблюдение; опрос «Что понимают студенты под понятием “толерантность”?»; анкетирование «Источники, из которых студенты узнали о понятии “толерантность”?»; написание миниисследования на тему «Толерантность в моей жизни»; авторская методика – опросник отношения студентов к практике инклюзивного обучения в вузе; тест коммуникативной толерантности (В. Бойко); тест «Шкала принятия других» (В. Фей); методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (С. Духновского); тест «Насколько вы толерантны» (О. Тушкановой); тест описания конфликтного поведения (К. Томаса); методика на выявление склонности к эмпатии (А. Мехрабиана и М. Эпштейна).

Результаты и их обсуждение. С целью определения состояния готовности к толерантному взаимодействию у будущих социальных работников нами проведен констатирующий этап эксперимента, на котором мы обосновали и определили критерии, показатели и уровни студентов.

На наш взгляд, готовность к толерантному взаимодействию у будущих социальных работников можно оценивать исходя из уровня сформированности у них личностных характеристик толерантности, то есть знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного выполнения ими профессиональных задач. Поэтому первый критерий, по которому мы диагностировали готов-

ность к толерантному взаимодействию у будущих социальных работников, – **критерий толерантной осведомленности** (когнитивный), с помощью которого удалось определить уровень сформированности у будущих социальных работников знания о толерантности, толерантном мировоззрении, осознание толерантной культуры.

Второй критерий, который направлен на определение готовности к толерантным действиям у будущих социальных работников, – **критерий готовности к взаимодействию** (мотивационный). Он связан с активностью в социальных взаимоотношениях, принятием других, построением партнерских отношений, стремлением к оказанию помощи и тому подобное.

С другой стороны, состояние сформированности готовности к толерантному взаимодействию у будущих социальных работников необходимо продиагностировать и с позиции действия, поэтому третий критерий мы определили, как **критерий толерантного поведения** (поведенческий). Этот критерий связан с навыками сдержанности, ведения диалога, коммуникативной компетентности, контроля поведения.

Согласно традиционным подходам к созданию критериальной базы мы определили три уровня сформированности соответствующих показателей по каждому из критериев, а именно: высокий, средний и низкий.

Студенты с высоким уровнем готовности к толерантному взаимодействию сдержанные, осознают необходимость внедрения толерантной культуры и толерантных поступков в социуме, стремятся к взаимопониманию, принимают индивидуальность каждого человека независимо от социального статуса и состояния здоровья, воспринимают его таким, какой он есть, уважают и принимают ценности другого, стремятся к конструктивному решению конфликтных ситуаций, способны проявлять чуткость и милосердие, имеют хорошо развитые коммуникативные способности.

Средний уровень готовности будущих социальных работников к толерантному взаимодействию определяет, что стремление к сотрудничеству оказывается ситуативно, без особого желания, отношение к другому строится в виде услуги, умение достойно и активно вести себя в обществе проявляется редко, без особой заинтересованности, отмечается ситуативное реагирование на социальные проблемы, соблюдение определенных социальных норм, недостаточно развитые коммуникативные способности, стремление проявить отзывчивость, помощь или попечительство зависит от желания или ситуации.

Студентам с низким уровнем готовности к толерантному взаимодействию присущи нулевые знания о толерантности, отсутствие стремле-

ния их улучшить, несдержанность, стремление навязывать собственное мнение, неумение строить партнерские отношения и нежелание признавать другую точку зрения, они могут проявлять агрессию и нетерпимость, неспособность понимать, сочувствовать и переживать за состояние другого, пренебрежительное, предвзятое отношение, игнорирование, несоблюдение норм и правил поведения в обществе, проявление полной безответственности в социальной среде.

Базой проведения нашего исследования стали структурные подразделения высшего учебного заведения «Открытый международный университет развития человека «Украина»» (Украина), который уже более 20 лет внедряет инклюзивное обучение и обеспечивает равный доступ к получению высшего образования студентам с различными

ми нарушениями здоровья при условии полного выполнения учебного плана. Наибольшую группу среди них составляют студенты с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, ДЦП, с нарушениями слуха, проблемами зрения и т.п.

Анализ проведенных методик и определенных показателей уровней по каждому указанному критерию позволил нам получить обобщенные результаты и выявить уровни сформированности готовности к толерантному взаимодействию будущих социальных работников в инклюзивной среде, которые представлены в таблице.

Графическое изображение уровней сформированности готовности к толерантному взаимодействию будущих социальных работников на констатирующем этапе эксперимента представлено на рисунке.

Таблица – Оценка степени корреляции между показателем совокупной прибыли организаций торговли и внешними факторами прямого воздействия

Критерии \ Уровни	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий
Толерантная осведомленность	20,1	45,3	34,6	19,8	43,8	36,4
Готовность к взаимодействию	15,6	49,1	35,3	13,4	50,0	36,6
Толерантное поведение	13,3	53,6	33,1	13,2	50,8	36,0
Общий уровень	16,3	49,3	34,4	15,5	48,2	36,3

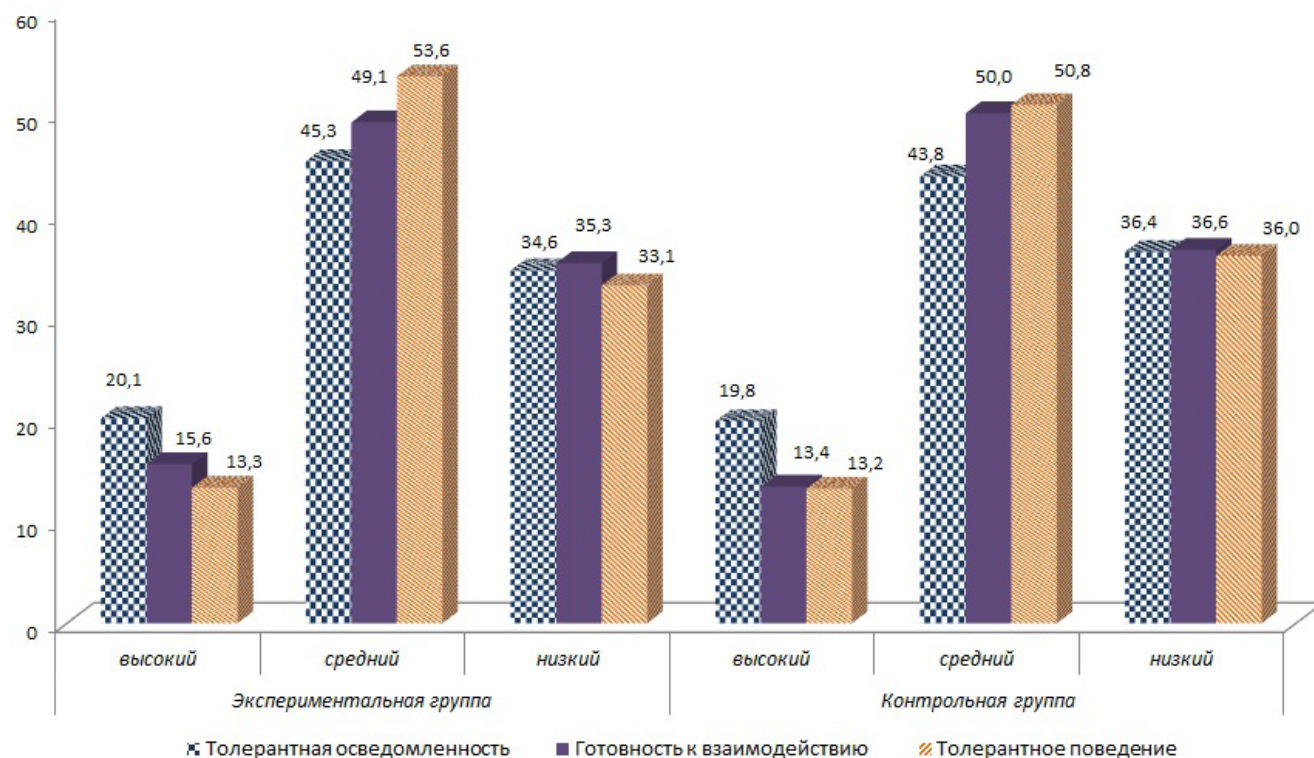

Рисунок – Уровни готовности к толерантному взаимодействию будущих социальных работников на констатирующем этапе эксперимента (%)

Подытоживая и обобщая результаты нашего исследования по указанным критериям, нами выявлено, что высоким уровнем сформированности готовности к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды обладают 16,3% (ЭГ) и 15,5% (КГ) студентов, имеющих глубокие, разносторонние знания о понятии «толерантность», сдержанных, осознающих необходимость толерантной культуры и толерантных поступков в социуме, стремящихся к взаимопониманию, принимающих индивидуальность каждого человека независимо от социального статуса и состояния здоровья, воспринимающих его таким, какой он есть, уважающих и принимающих ценности другого, стремящихся к конструктивному решению конфликтных ситуаций, проявляющих чуткость и милосердие, имеющих хорошо развитые коммуникативные способности. Средний уровень имеют 49,3% (ЭГ) и 48,2% (КГ) студентов, которым свойственны достаточные знания о толерантности, стремление к сотрудничеству оказывается ситуативным, без особого желания, отношение к другому строится в виде услуги, умение достойно и активно вести себя в обществе проявляется редко, без особой заинтересованности, ситуативное реагирование на социальные проблемы, соблюдение определенных социальных норм, недостаточно развитые коммуникативные способности, стремление выявить отзывчивость, помощь или попечительство зависит от желания или ситуации. И у 34,3% (ЭГ) и 36,3% (КГ) студентов выявлен низкий уровень, они имеют ну-

левые знания о толерантности, не стараются их улучшить, несдержанные, стремятся навязать собственное мнение, не умеют строить партнерские отношения и не признают другой точки зрения, могут проявлять агрессию и нетерпимость, неспособность понимать, сочувствовать и переживать состояние другого, пренебрежительное, предвзятое отношение, игнорирование, несоблюдение норм и правил поведения в обществе, проявление полной безответственности в социальной среде.

Заключение. Изучение состояния готовности будущих социальных работников к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды по определенным критериям, показателям и уровням позволило применить диагностический комплекс методик в студенческой среде, где совместно получают образование здоровые студенты и студенты с инвалидностью.

Анализ и обобщение результатов исследования продемонстрировали необходимость обращения внимания на состояние сформированности готовности к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды у будущих социальных работников.

Актуальными направлениями дальнейшей работы обозначенной проблемы являются разработка и внедрение педагогических условий для эффективного формирования готовности будущих специалистов к толерантному взаимодействию в условиях инклюзивной среды при непосредственной профессиональной деятельности.

Поступила в редакцию 01.04.2019 г.

УДК 159.952.13-053.67

Взаимосвязь перфекционизма и личностных характеристик в период ранней взрослости¹

Соколов Е.А.

Белорусский государственный университет

Перфекционизм представляет собой искажение когнитивной структуры, которое проявляется в отсутствии способности объективно оценивать возможности самого себя и окружающих.

Цель статьи – выявить взаимосвязь личностных характеристик у юношей и девушек с различными видами перфекционизма в период ранней взрослости.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г18М-024.

Материал и методы. Материалом послужили результаты психологического исследования перфекционизма у юношей и девушек в возрасте от 17 до 28 лет, проживающих на территории Республики Беларусь. В качестве методик использовались: Многомерная шкала перфекционизма Р. Hewitt и G. Flett, которая адаптирована на русскоязычной выборке И.И. Грачевой; Психодиагностический тест В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского.

Результаты и их обсуждение. Различные виды перфекционизма у юношей и девушек в период ранней взрослости отличаются по взаимосвязи с разными личностными характеристиками. У юношей вне зависимости от возрастного периода общий уровень перфекционизма взаимосвязан с невротизмом, психотизмом и совестливостью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с совестливостью и асоциальностью, социально предписываемый перфекционизм – с невротизмом, психотизмом, робостью, психической неуравновешенностью и интроверсией. Во взаимосвязи объектно-ориентированного перфекционизма у юношей в данные возрастные периоды нет общих пересечений. Вне зависимости от возрастного периода общий уровень перфекционизма у девушек взаимосвязан с невротизмом, психотизмом, совестливостью, психической неуравновешенностью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с совестливостью и асоциальностью, объектно-ориентированный перфекционизм – с расторможенностью и общей активностью, социально предписываемый перфекционизм – с невротизмом, психотизмом, депрессией, робостью, женственностью, психической неуравновешенностью и интроверсией.

Заключение. Полученные результаты позволяют представить более полную картину феномена перфекционизма, что может быть использовано при работе с молодыми людьми, ставящими себе нереалистичную планку достижений.

Ключевые слова: перфекционизм, субъектно-ориентированный перфекционизм, объектно-ориентированный перфекционизм, социально предписываемый перфекционизм, личностные характеристики, ранняя взрослость.

Interrelation of Perfectionism and Personal Characteristics in the Period of Early Adulthood

Sokolovich E.A.

Belarusian State University

Perfectionism is a distortion of the cognitive structure, which manifests itself in the absence of the ability to objectively evaluate the capabilities of oneself and others.

The purpose of this article is to identify the relationship of personal characteristics among males and females with various types of perfectionism in the period of early adulthood.

Material and methods. The results of psychological studies on perfectionism among males and females aged 17 to 28 living in the territory of the Republic of Belarus were the research material. The following techniques were applied: the multidimensional scale of perfectionism by P. Hewitt and G. Flett in the adaptation of I.I. Gracheva, psychodiagnostic test by V.M. Melnikova and L.T. Yampolsky.

Findings and their discussion. The results of the study showed that different types of perfectionism among males and females in the period of early adulthood differ in relation to personal characteristics. For young men, regardless of age, the general level of perfectionism is interrelated with neuroticism, psychoticism and conscientiousness, subject-oriented perfectionism - with conscientiousness and antisocial behavior, socially prescribed perfectionism - with neuroticism, psychoticism, timidity, mental instability and introversion. In the case of object-oriented perfectionism among young men, these age periods have no common intersections. Regardless of the age period, the general level of perfectionism for females is interrelated with neuroticism, psychoticism, conscientiousness, mental instability, subject-oriented perfectionism – with conscientiousness and antisocial behavior, object-oriented perfectionism – with disinhibition and general proactiveness, socially prescribed perfectionism - with neuroticism, psychoticism, depression, timidity, femininity, mental instability and introversion.

Conclusion. The obtained results allow us to present a more complete picture of the phenomenon of perfectionism, which can be used when working with young people, who set themselves an unrealistic bar for achievement.

Key words: perfectionism, self-oriented perfectionism, object-oriented perfectionism, socially prescribed perfectionism, personality characteristics, early adulthood.

Феномен перфекционизма является распространенным явлением в современном обществе, где популярность приобретают чрезвычайно высокие стандарты, навязываемые ребенку еще в детстве с помощью семьи, школы и СМИ. Стремление к данным эталонам приводит к тому, что индивид может не получать удовольствия от деятельности, а лишь нацелен на результат, планка которого бесконечно растет по мере приближения к нему. Последствия этого сказываются на соматическом и психологическом здоровье индивида, приводят к нарушению жизнедеятель-

ности. Данные стандарты могут предъявляться как относительно самого себя, так и ближайшего окружения, что препятствует установлению межличностных контактов и созданию гармоничных отношений. Изучением содержательных характеристик перфекционизма занимаются такие исследователи, как Р. Hewitt и G. Flett, R. Frost, R. Slaney и J. Ashby, среди отечественных психологов – Н.Г. Гаранян, С.Н. Ениколопов, А.А. Золотарева, И.Г. Иванченко, А.Б. Холмогорова, Т.Ю. Юдеева, В.А. Ясная. Тем не менее при всем разностороннем изучении данного феномена он проанализирован достаточно фрагментарно, а личностные

характеристики перфекционистов рассматриваются преимущественно в рамках клинического аспекта. Поэтому данное исследование является наиболее актуальным. Работа направлена на выявление взаимосвязи составляющих перфекционизма и личностных характеристик юношей и девушек в период ранней взрослости, а также анализ и сравнение данной взаимосвязи в зависимости от вида перфекционизма и возрастного периода.

В качестве методологических оснований выступают:

1) Когнитивный подход Р. Hewitt и G. Flett, в рамках которого перфекционизм представляет собой предъявление к себе и/или окружающим чрезвычайно высоких требований, а также включает в себя три составляющие – субъектно-ориентированный (высокие требования по отношению к себе), объектно-ориентированный (высокие требования по отношению к окружающим) и социально предписываемый (убеждение в том, что окружающие предъявляют завышенные требования к тебе) перфекционизм [1–3].

2) Многомерный подход к изучению личности, разработанный В.М. Мельниковым и Л.Т. Ямпольским, в котором личность рассматривается как структурно-иерархическая модель, в которую включены десять взаимосвязанных личностных характеристик (невротизм, психотизм, депрессия, совестливость, расторможенность, общая активность, робость, общительность, эстетическая впечатлительность, женственность), образующих шкалы второго уровня – психическая неуравновешенность, асоциальность, интроверсия, сензитивность [4].

3) Возрастная периодизация Д. Левинсона, где к периоду ранней взрослости относится возраст от 17 до 28 лет и он делится на два этапа: переход ранней взрослости (от 17 до 21 года) и вхождение в раннюю взрослость (от 22 до 28 лет) [5].

Цель данной работы – выявление взаимосвязи личностных характеристик у юношей и девушек с различными видами перфекционизма в период ранней взрослости.

Материал и методы. Выборка – 821 юноша и девушка в возрасте от 17 до 28 лет, среди которых 307 юношей и 514 девушек.

В качестве методик использовались: Многомерная шкала перфекционизма (MPS) Р. Hewitt и G. Flett, которая адаптирована на русскоязычной выборке И.И. Грачевой [6]; Психодиагностический тест В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского [4].

Полученные данные подвергались статистической обработке в программе SPSS 17.0 for Windows. С помощью корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) проверялась достоверность данных.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведенного эмпирического исследования были получены следующие результаты.

Взаимосвязь показателей перфекционизма и личностных характеристик у юношей в период перехода к ранней взрослости (возраст от 17 до 21 года). Корреляционный анализ показал, что общий уровень перфекционизма у юношей в период перехода к ранней взрослости взаимосвязан с такими личностными характеристиками, как невротизм ($r = 0,25$; $p < 0,001$), психотизм ($r = 0,24$; $p = 0,001$), совестливость ($r = 0,29$; $p < 0,001$), расторможенность ($r = 0,17$; $p < 0,015$), общая активность ($r = 0,18$; $p = 0,012$), общительность ($r = 0,14$; $p < 0,05$), психическая неуравновешенность ($r = 0,15$; $p = 0,038$). Следовательно, можно предположить, что чем выше уровень общего перфекционизма у юношей, тем выше у них показатели тревожности, возбудимости, впечатлительности, напряженности, ответственности, добросовестности и активности при выполнении деятельности, раскрепощенности и открытости при взаимодействии с другими людьми, чуткости, импульсивности в поведении и склонности к формированию конфликта с другими людьми, отсутствует ровность и последовательность в поведении.

Субъектно-ориентированный перфекционизм у юношей в данный возрастной период взаимосвязан с совестливостью ($r = 0,35$; $p < 0,001$), расторможенностью ($r = 0,18$; $p = 0,012$), общей активностью ($r = 0,26$; $p < 0,001$), робостью ($r = -0,21$; $p = 0,003$), общительностью ($r = 0,23$; $p = 0,002$), асоциальностью ($r = -0,17$; $p = 0,018$), интроверсией ($r = -0,26$; $p < 0,001$). Данные показатели могут свидетельствовать о том, что перфекционизм, ориентированный на самого себя, положительно коррелирует с такими личностными особенностями, как ответственность и добросовестность при выполнении деятельности, активность, импульсивность в поведении, открытость для установления межличностных контактов, и отрицательно коррелирует с робостью и стеснительностью, проблемами при социальной адаптации, асоциальными реакциями, избеганием включенности в общественную деятельность и общение с другими людьми.

У юношей в период перехода к ранней взрослости объектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязан с совестливостью ($r = 0,16$; $p = 0,026$), расторможенностью ($r = 0,19$; $p = 0,01$), робостью ($r = -0,17$; $p = 0,016$), общительностью ($r = 0,22$; $p = 0,002$), интроверсией ($r = -0,21$; $p = 0,003$). Это может констатировать, что для юношей с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, характерны ответственность и добросовестность при выпол-

нении деятельности, активность, импульсивность в поведении, открытость для установления межличностных контактов и в наименьшей степени – робость и стеснительность, избегание включенности в общественную деятельность и общение с другими людьми.

Корреляционный анализ показал, что социально предписываемый перфекционизм у юношей в данный возрастной период взаимосвязан с такими личностными характеристиками, как невротизм ($r = 0,41$; $p < 0,001$), психотизм ($r = 0,48$; $p < 0,001$), депрессия ($r = 0,42$; $p < 0,001$), робость ($r = 0,28$; $p < 0,001$), общительность ($r = -0,15$; $p = 0,033$) и со шкалами второго уровня – психической неуравновешенностью ($r = 0,39$; $p < 0,001$) и интроверсией ($r = 0,25$; $p < 0,001$). Это может свидетельствовать о том, что чем выше показатели социально предписываемого перфекционизма у юношей в период перехода к ранней взрослости, тем выше показатели тревожности, впечатлительности, возбудимости, склонности к формированию депрессивного состояния, стеснительности при межличностном взаимодействии, стабильности и последовательности в собственном поведении и ниже показатели включенности в групповую деятельность и общение с другими людьми, чуткости во взаимоотношениях.

Взаимосвязь показателей перфекционизма и личностных характеристик у юношей в период вхождения в раннюю взрослость (возраст от 22 до 28 лет). Общий уровень перфекционизма у юношей в период вхождения в раннюю взрослость взаимосвязан с такими личностными характеристиками, как невротизм ($r = 0,25$; $p = 0,007$), психотизм ($r = 0,35$; $p < 0,001$), совестливость ($r = 0,31$; $p = 0,001$), робость ($r = 0,21$; $p = 0,03$) и асоциальность ($r = -0,21$; $p = 0,029$). Следовательно, можно предположить, что чем выше уровень общего перфекционизма у юношей в данный возрастной период, тем выше у них показатели тревожности, возбудимости, впечатлительности, напряженности, ответственности, добросовестности при выполнении деятельности, скованности и робости при межличностном взаимодействии, ниже показатели импульсивности в поведении и конфликтности.

Субъектно-ориентированный перфекционизм у юношей взаимосвязан с совестливостью ($r = 0,42$; $p < 0,001$), эстетической впечатлительностью ($r = 0,19$; $p = 0,049$), а также с асоциальностью ($r = -0,28$; $p = 0,003$). Это может говорить о том, что перфекционизм, ориентированный на самого себя, у юношей в период вхождения в раннюю взрослость положительно взаимосвязан с такими личностными особенностями, как ответственность и добросовестность при

выполнении деятельности, чувствительность, мечтательность, и отрицательно взаимосвязан с проблемами при социальной адаптации, асоциальными реакциями.

У юношей в период вхождения в раннюю взрослость объектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязан с психотизмом ($r = 0,24$; $p = 0,011$), что проявляется в повышенной тревожности и возбудимости.

Социально предписываемый перфекционизм у юношей в данный возрастной период взаимосвязан с невротизмом ($r = 0,35$; $p < 0,001$), психотизмом ($r = 0,42$; $p < 0,001$), робостью ($r = 0,25$; $p = 0,007$), психической неуравновешенностью ($r = 0,33$; $p < 0,001$) и интроверсией ($r = 0,19$; $p = 0,045$). Это может свидетельствовать о том, что чем выше показатели социально предписываемого перфекционизма у юношей, тем выше показатели тревожности, впечатлительности, возбудимости, стеснительности при межличностном взаимодействии и ниже показатели включенности в групповую деятельность и общение с другими людьми, чуткости во взаимоотношениях, стабильности и последовательности в собственном поведении.

Взаимосвязь показателей перфекционизма и личностных характеристик у девушек в период перехода к ранней взрослости (возраст от 17 до 21 года). В результате корреляционного анализа было выявлено, что общий уровень перфекционизма у девушек в данный возрастной период взаимосвязан с невротизмом ($r = 0,2$; $p < 0,001$), психотизмом ($r = 0,23$; $p < 0,001$), совестливостью ($r = 0,21$; $p < 0,001$), общей активностью ($r = 0,15$; $p = 0,003$), а также шкалами второго уровня – психической неуравновешенностью ($r = 0,14$; $p = 0,004$) и асоциальностью ($r = -0,12$; $p = 0,016$). Следовательно, можно сделать вывод, что чем выше уровень общего перфекционизма, тем выше у них показатели тревожности, возбудимости, впечатлительности, напряженности, ответственности, добросовестности и активности при выполнении деятельности, ниже показатели импульсивности в поведении и склонности к формированию конфликта с другими людьми с отсутствием ровности и последовательности в поведении.

Субъектно-ориентированный перфекционизм у девушек в период перехода к ранней взрослости взаимосвязан с депрессией ($r = -0,11$; $p = 0,03$), совестливостью ($r = 0,32$; $p < 0,001$), общей активностью ($r = 0,17$; $p = 0,001$) и асоциальностью ($r = -0,23$; $p < 0,001$). Это может свидетельствовать о том, что перфекционизм, ориентированный на самого себя, положительно коррелирует с такими личностными особенностями, как ответственность и добросовестность при выполнении

деятельности, активность, импульсивность в поведении, открытость для установления межличностных контактов, и отрицательно коррелирует с робостью и стеснительностью, проблемами при социальной адаптации, асоциальными реакциями, избеганием включенности в общественную деятельность и общение с другими людьми, формирование депрессивных состояний.

Объектно-ориентированный перфекционизм у девушек взаимосвязан с расторможенностью ($r = 0,17$; $p = 0,001$), общей активностью ($r = 0,19$; $p < 0,001$), робостью ($r = -0,15$; $p = 0,003$), общительностью ($r = 0,12$; $p = 0,019$), женственностью ($r = -0,13$; $p = 0,009$), интроверсией ($r = -0,16$; $p = 0,002$) и сензитивностью ($r = -0,11$; $p = 0,028$). Это может свидетельствовать о том, что для девушек с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, характерны высокие показатели таких характеристик, как активность, импульсивность и несдержанность в поведении, открытость для установления межличностных контактов, и низкие показатели робости и стеснительности, избегания включенности в общественную деятельность и общение с другими людьми, чувствительности, ранимости и склонности все анализировать.

Установлена положительная корреляция социально предписываемого перфекционизма у девушек в данный возрастной период с такими личностными характеристиками, как невротизм ($r = 0,34$, $p < 0,001$), психотизм ($r = 0,36$; $p < 0,001$), депрессия ($r = 0,32$; $p < 0,001$), робость ($r = 0,24$; $p < 0,001$), общительность ($r = -0,11$; $p = 0,024$), женственность ($r = -0,19$; $p < 0,001$), психическая неуравновешенность ($r = 0,34$; $p < 0,001$), интроверсия ($r = 0,2$; $p < 0,001$) и сензитивность ($r = -0,15$; $p = 0,003$). Следовательно, чем выше показатели социально предписываемого перфекционизма, тем выше показатели тревожности, впечатлительности, возбудимости, склонности к формированию депрессивного состояния, стеснительности при межличностном взаимодействии и ниже показатели включенности в групповую деятельность и общение с другими людьми, чуткости во взаимоотношениях, открытости в интерперсональных контактах, стабильности и последовательности в собственном поведении, чувствительности и склонности все анализировать, ранимости.

Взаимосвязь показателей перфекционизма и личностных характеристик у девушек в период вхождения в раннюю взрослость (возраст от 22 до 28 лет). Общий уровень перфекционизма у девушек в период вхождения в раннюю взрослость взаимосвязан с такими личностными характеристиками, как невротизм ($r = 0,32$; $p < 0,001$), психотизм ($r = 0,31$; $p = 0,001$), депрессия ($r = 0,32$;

$p = 0,001$), совестливость ($r = 0,2$; $p = 0,033$), психическая неуравновешенность ($r = 0,32$; $p < 0,001$). Следовательно, общий перфекционизм у девушек положительно взаимосвязан с показателями тревожности, возбудимости, впечатлительности, склонности к формированию депрессивного состояния, напряженности, ответственности, добросовестности при выполнении деятельности, отсутствием стабильности в поведении.

Выявлена положительная корреляция субъектно-ориентированного перфекционизма у девушек в период вхождения в раннюю взрослость с невротизмом ($r = 0,21$; $p = 0,026$), психотизмом ($r = 0,26$; $p = 0,005$), совестливостью ($r = 0,32$; $p < 0,001$), психической неуравновешенностью ($r = 0,19$; $p = 0,042$) и отрицательная корреляция с асоциальностью ($r = -0,19$; $p = 0,047$). Следовательно, чем выше у девушек показатели перфекционизма, ориентированного на самого себя, тем выше показатели по таким личностным особенностям, как тревожность, возбудимость, ответственность и добросовестность при выполнении деятельности, и ниже показатели последовательности в собственных действиях и поведении, асоциальных реакций и нарушений при социальной адаптации.

У девушек в период вхождения в раннюю взрослость объектно-ориентированный перфекционизм взаимосвязан с невротизмом ($r = 0,27$; $p = 0,003$), психотизмом ($r = 0,2$; $p = 0,029$), депрессией ($r = 0,21$; $p = 0,025$), расторможенностью ($r = 0,21$; $p = 0,026$), общей активностью ($r = 0,19$; $p = 0,041$), эстетической впечатлительностью ($r = 0,2$; $p = 0,035$), а также со шкалой второго порядка – психической неуравновешенностью ($r = 0,2$; $p = 0,029$), что проявляется в повышенной тревожности и возбудимости, впечатлительности, склонности к возникновению депрессивных состояний, импульсивности в поведении и поступках, активности при выполнении деятельности, чувствительности, мечтательности, отсутствии стабильности в поведении.

Социально предписываемый перфекционизм у девушек в период вхождения в раннюю взрослость взаимосвязан с такими показателями, как невротизм ($r = 0,41$, $p < 0,001$), психотизм ($r = 0,37$; $p < 0,001$), депрессия ($r = 0,56$; $p < 0,001$), робость ($r = 0,2$; $p = 0,029$), женственность ($r = 0,2$; $p = 0,029$), психическая неуравновешенность ($r = 0,44$; $p < 0,001$) и интроверсия ($r = 0,22$; $p = 0,021$). Это может свидетельствовать о том, что чем выше показатели социально предписываемого перфекционизма у девушек, тем выше показатели тревожности, впечатлительности, возбудимости, стеснительности при межличностном взаимодействии, склонности к возникновению депрессивных состояний, чувствительности,

склонности все оценивать и анализировать и ниже показатели включенности в групповую деятельность и общение с другими людьми, стабильности и последовательности в собственном поведении.

Заключение. Обобщив вышеизложенное, можно сделать вывод, что различные виды перфекционизма у юношей и девушек в период ранней взрослости отличаются по взаимосвязи с разными личностными характеристиками. Были установлены общие тенденции для юношей в периоды перехода и вхождения в раннюю взрослость. У юношей вне зависимости от возрастного периода общий уровень перфекционизма взаимосвязан с невротизмом, психотизмом и совестливостью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с совестливостью и асоциальностью, социально предписываемый перфекционизм – с невротизмом, психотизмом, робостью, психической неуравновешенностью и интроверсией. Во взаимосвязи объектно-ориентированного перфекционизма у юношей в данные возрастные периоды нет общих пересечений: данный вид перфекционизма у юношей в период перехода к ранней взрослости положительно коррелирует с совестливостью, расторможенностью, общительностью и отрицательно с робостью и интроверсией, а в период вхождения в раннюю взрослость установлена положительная взаимосвязь с психотизмом. Кроме того, в период перехода к ранней взрослости у юношей общий уровень перфекционизма взаимосвязан с расторможенностью, общей активностью, общительностью и психической неуравновешенностью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с расторможенностью, общей активностью, робостью, общительностью и интроверсией, социально предписываемый перфекционизм – с депрессией и общительностью, а в период вхождения в раннюю взрослость у юношей общий уровень перфекционизма взаимосвязан с робостью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с эстетической впечатлительностью.

У девушек во взаимосвязи показателей перфекционизма и личностных характеристик были выявлены следующие особенности. Вне зависимости от возрастного периода общий уровень перфекционизма взаимосвязан с невротизмом, психотизмом, совестливостью, психической неуравновешенностью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с совестливостью и асоциальностью, объектно-ориентированный перфекционизм – с расторможенностью и общей активностью, социально предписываемый

перфекционизм – с невротизмом, психотизмом, депрессией, робостью, женственностью, психической неуравновешенностью и интроверсией. Кроме того, в период перехода к ранней взрослости у девушек общий уровень перфекционизма взаимосвязан с общей активностью и асоциальностью, субъектно-ориентированный перфекционизм – с депрессией и общей активностью, объектно-ориентированный – с робостью, общительностью, женственностью, интроверсией, сензитивностью, социально предписываемый – с общительностью и сензитивностью. Помимо этого, в период вхождения в раннюю взрослость общий уровень перфекционизма взаимосвязан с депрессией, субъектно-ориентированный – с невротизмом, психотизмом и психической неуравновешенностью, а объектно-ориентированный – с невротизмом, психотизмом, депрессией, эстетической впечатлительностью и психической неуравновешенностью.

Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы в психологическом консультировании и для организации тренингов, чтобы помочь для молодых людей, ставящих себе нереалистичную планку достижений, что негативно может сказываться на психологическом здоровье и благополучии индивида, была более разносторонне направленной и охватывала все аспекты данного феномена. Хотя нераскрытым остается вопрос о детерминантах перфекционизма – являются ли личностные характеристики факторами возникновения перфекционизма у юношей и девушек и какие личностные характеристики становятся причиной возникновения перфекционизма разных видов. Данные вопросы представляют собой перспективу для дальнейших исследований.

Литература

1. Flett, G.L. Components of perfectionism and procrastination in college students / G.L. Flett, K.R. Blankstein, P.L. Hewitt, S. Koledin // *Social behavior and personality*. – 1992. – № 20(2). – P. 85–94.
2. Flett, G.L. Dimensions of perfectionism, unconditional self-acceptance, and depression / G.L. Flett, A. Besser, R.A. Davis, P.L. Hewitt // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. – 2003. – Vol. 21, № 2. – P. 119–138.
3. Flett, G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology / G.L. Flett, P.L. Hewitt // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – Vol. 60, № 3. – P. 456–470.
4. Мельников, В.М. Введение в экспериментальную психологию личности / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – М.: Просвещение, 1985. – 320 с.
5. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб.: Питер, 2005. – 940 с.
6. Грачева, И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта / И.И. Грачева // *Психологический журнал*. – 2006. – № 6. – С. 73–80.

Поступила в редакцию 24.05.2019 г.

Будущее в субъективной картине жизненного пути женщин с историей перинатальной потери

Петражицкая Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

В статье рассматриваются кризисное событие перинатальной потери в жизни женщины, его особенности и последствия. Одними из таких последствий становятся нарушение временной перспективы личности и утрата будущего.

Цель научной статьи – исследование образа будущего в субъективной картине жизненного пути женщин с историей перинатальной потери.

Материал и методы. В эксперименте приняли участие 47 женщин с историей перинатальной потери в возрасте от 24 до 45 лет. Испытуемыми выступили пользователи сайта *rebenok.by*, где было размещено объявление о приглашении для участия в исследовании, которое проводилось в 2015–2018 гг. Для изучения субъективной картины жизненного пути была использована методика «Психологическая автобиография» Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржовой, с целью исследования интуитивного представления о времени собственной жизни – «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассермана. Для анализа психологического благополучия применялись «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (в адаптации Н.Н. Лепешинского), методика «САН», «Шкала депрессии» А. Бека, «Шкала оценки влияния травматического события» М.Д. Ногоровиц (в адаптации Н.В. Тарабриной).

Результаты и их обсуждение. Перинатальная утрата ребенка представляет собой кризисное событие в жизни женщины, которое сопровождается сниженным эмоциональным состоянием, плохим самочувствием, а также может приводить к появлению симптомов депрессии и посттравматического стрессового расстройства. Проведенное исследование позволило выявить то, что у женщин с историей перинатальной потери в состоянии психологического неблагополучия события счастливой будущей жизни менее представлены в субъективной картине жизненного пути.

Заключение. При оказании психологической помощи женщинам, пережившим перинатальную потерю ребенка, необходимо обратиться к восстановлению и выстраиванию адекватной, оптимистичной, непрерывной и насыщенной разнообразными жизненными событиями временной перспективы личности.

Ключевые слова: перинатальная потеря, кризисное событие, субъективная картина жизненного пути, образ будущего, психологическое благополучие, депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство.

The Future in the Subjective Picture of Life of Women with a History of Perinatal Loss

Petrzhitskaya E.A.

Educational Establishment "Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University"

The crisis event of perinatal loss in a woman's life, its features and consequences is considered in the article. One of these consequences is a disorder of temporal perspective of the personality and the loss of the future.

The purpose of the research is the study of the image of the future in the subjective picture of the life path of women with a history of perinatal loss.

Material and methods. 47 women with a history of perinatal loss aged 24 to 45 participated in the research. Users of the site *rebenok.by* that hosted the announcement of the invitation to participate in the research, which was carried out in 2015–2018, were the examinees. The method "Psychological autobiography" by L.F. Burlachuk, E.Yu. Korzhova was used to study the subjective picture of life, "Semantic differential of time" L.I. Wasserman was used to study the intuitive idea of the time of women's own lives. "The scale of psychological well-being" by K. Riff (in N.N. Lepeshinsky's adaptation), the method of "SAN", "Scale of depression" by A. Beck, "Scale of assessment of the impact of traumatic events" by M.J. Horowitz (in N.V. Tarabrina's adaptation) were used to study psychological well-being.

Findings and their discussion. Perinatal loss of a child constitutes a crisis event in a woman's life that is accompanied by reduced emotional state, poor health and can also lead to symptoms of depression and post-traumatic stress disorder. The research revealed that women with a history of perinatal loss in a state of psychological ill-being, the events of a happy future life are less represented in the subjective picture of life.

Conclusion. It is necessary to turn to the restoration and building of an adequate, optimistic, continuous and saturated with a variety of life events time perspective of the person in the provision of psychological support to women who have experienced perinatal loss of a child.

Key words: perinatal loss, crisis event, subjective picture of life, image of the future, psychological well-being, depression, posttraumatic stress disorder.

Перинатальная потеря, к которой относится гибель плода во время беременности, в процессе рождения или в первые 28 суток после рождения [1], представляет собой особую разновидность психической травмы, связанную в первую очередь со специфическими обстоятельствами самой перинатальной утраты, а также провоцирующую переживание горя, приводящую к саморазрушающему поведению, нарушению функционирования всей семейной системы [1–6].

Сама по себе беременность в жизни женщины является кризисным событием, периодом сильнейших эмоциональных переживаний, сопровождающимся изменением идентичности, актуализацией детских психологических проблем, повышением уровня тревожности [7]. Поэтому перинатальная потеря – это своеобразный кризис в кризисе, усугубляющий процесс совладания и провоцирующий повторные переживания горя со временем. Также, поскольку сам процесс беременности не заканчивается родами, он становится незавершенным, в том числе не завершается переход к внешней и внутренней интегрированности женщины как одному из результатов беременности, к обретению ею нового социального статуса [3; 7].

Перинатальная потеря рассматривается как особый вид потери, поскольку в данном случае возникают тяжелые переживания горя не только в связи с потерей желанного и уже любимого ребенка, но и с утратой собственного желанного будущего. В ситуации перинатальной потери женщина расстается с образом себя в качестве матери, частью своей идентичности, сомневается в своей нормальности [2; 8–10]. При этом происходит утрата ребенка как наследника, хранителя семейных традиций, а также продолжения себя в вечности в качестве одного из способов личного «бессмертия» [8; 11].

Травма перинатальной потери приводит к нарушению направленности и непрерывности жизненного пути личности, лишает женщину иллюзии контроля над собственной жизнью, над своим организмом, иллюзии собственных безграничных возможностей, что в целом провоцирует переживание сильного чувства беспомощности [3; 10; 12; 13]. Появляется тревога, связанная с потерей доверия к миру и самой себе [3]. Развивается тяжелое чувство собственной вины за случившееся. Также у женщин с историей перина-

тальной потери с особой силой актуализируются страхи касательно собственной смерти.

В своем исследовании мы опираемся на событийно-биографический подход, в котором подчеркиваются уникальность и целостность жизненного пути каждого человека и основой периодизации в котором являются личностно-значимые события, в том числе и предполагаемые будущие события. Субъективная картина жизненного пути понимается как отражение в самосознании событийного содержания индивидуальной жизни личности вдоль оси времени. Отражение событий в субъективной картине жизненного пути осуществляется избирательно, исходя из смысла жизни, направленности личности и ее ценностей [14]. Существующие в сознании несколько образов будущего непосредственно влияют на восприятие настоящего, их одновременное присутствие переживается как смыслы, поддерживающие и направляющие личность в данный момент времени [15–20].

Цель работы – исследование образа будущего в субъективной картине жизненного пути женщин с историей перинатальной потери.

Материал и методы. В эксперименте приняли участие женщины с историей перинатальной потери в возрасте от 24 до 45 лет (что соответствует периоду ранней взрослости в возрастной периодизации Г. Крайга), в количестве 47 человек, из них 34 с гестационным сроком потери до 22 недели; 12 женщин со сроком потери после 22 недели. Испытуемыми выступили женщины, являющиеся пользователями сайта rebenok.by, где было размещено объявление о приглашении для участия в исследовании, которое проводилось в 2015–2018 гг.

Для изучения субъективной картины жизненного пути была использована методика «Психологическая автобиография» Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржовой, представляющая собой экспрессивную проективную методику исследования переживаний, связанных с наиболее значимыми сферами жизни. С целью анализа интуитивного представления о времени собственной жизни применялась методика «Семантический дифференциал времени» (Л.И. Вассерман с соавт., 2009).

Психологическое благополучие понимается нами в рамках эвдемонистического подхода как полнота самореализации человека в конкретных жизненных обстоятельствах (Н.Н. Лепешинский). При этом в кризисной ситуации, которую часто со-

проводят эмоциональное истощение, тревожность, депрессия и посттравматический стресс, психологическое благополучие будет выражено в меньшей степени (C.D. Ryff, B. Singer, F.A. Huppert, M. Селигман, Д.С. Корниенко). Поэтому с целью исследования психологического благополучия мы обратились к методикам: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (в адаптации Н.Н. Лепешинского), методика «САН», «Шкала депрессии» А. Бека, «Шкала оценки влияния травматического события» M.J. Horowitz, N. Wilner (в адаптации Н.В. Тарабриной).

Результаты и их обсуждение. По полученным результатам можно увидеть, что у женщин, имеющих историю перинатальной потери, в момент проведения исследования преобладают пониженный фон настроения (49%) и апатия, сниженная активность (45%). Также более выраженным является сниженное самочувствие (45%). Можно говорить, что у 30% женщин наблюдается повышенный и сильно выраженный уровень депрессии, у 28% испытуемых депрессии не выявлено. Что касается посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), то у 72% женщин с историей перинатальной потери, принявших участие в эксперименте, выражен высокий уровень ПТСР. Полученные результаты согласуются с результатами зарубежных исследований психологического состояния, в том числе состояния депрессии и посттравматического стрессового расстройства у женщин с историей перинатальной потери [4–6; 8; 10–12]. В течение нескольких месяцев после перинатальной потери женщину могут постоянно преследовать мысль об утрате, чувство отчаяния, тоски, апатии, сопровождающееся физическим истощением, огромным чувством вины, повторными переживаниями ощущения потери себя [4; 8–10]. И даже когда со временем симптомы тревоги и депрессии уменьшаются, уровень ПТСР может оставаться относительно высоким [4–6]: присутствуют повторные переживания события перинатальной потери, навязчивые мысли об утрате, внутреннее напряжение, настороженность, беспокойство, стремление избежать любого напоминания о потере.

У женщин с историей перинатальной потери зафиксировано преобладание среднего уровня психологического благополучия (66%). Можно наблюдать, что у женщин с опытом перинатальной потери высокий уровень «автономии» (13%) и «управления окружением» (26%) встречается чаще, чем по шкале «цели в жизни» (9%). Также низкие уровни «управления окружением» (23%) и «положительными отношениями с другими» (23%) встречаются чаще. Можно говорить о том, что женщины с историей перинатальной потери пред-

почитают в большей степени быть независимыми, самостоятельными, но в то же время переживают своего рода изоляцию, не желают поддерживать взаимоотношения с окружающими и стремятся в большей степени противостоять мнению большинства. Возможно, это связано именно с ситуацией перинатальной потери, когда многие женщины сообщают о своем желании избегать контактов с другими людьми, чтобы в меньшей степени травмировать саму тему утраты или уходить от неприятных комментариев по поводу потери.

Наибольшую значимость для женщин с опытом перинатальной потери представляют радостные и приятные события прошлого (34%), а также события, планируемые на будущее (32%). Однако значимые грустные события прошлого встречаются в 30% случаев. По типам событий прошлого преобладают события, относящиеся к изменению социальной среды (37%), и биологические события (37%). По видам событий преобладают события, связанные с детьми (32%), а также с браком (12%) и состоянием здоровья (11%). По видам событий наименее представленными являются события, связанные с обществом и общественными мероприятиями (1%); с взаимодействием с природой (2%); с межличностными отношениями (3%).

Среди радостных событий будущего женщины с историей перинатальной потери в преобладающем большинстве называют события, связанные с рождением и воспитанием, развитием собственных детей (47%). У большинства из них сохраняется желание в будущем родить и выносить здорового ребенка. А также можно проследить некоторую сверхценность ребенка, когда собственная жизнь женщины становится зависимой от жизни ее детей. Также преобладают события, связанные с материальным положением (11%), покупкой и обустройством нового дома, переездом (8%), развитием взаимоотношений в паре (8%), собственным саморазвитием и отдыхом (8%). Среди малочисленных грустных предполагаемых на будущее событий (4%) преобладают события, также связанные с детьми (54%), но в данном случае отмечается их отсутствие в будущей жизни. Также называются будущие проблемы со здоровьем (15%) и изменения брачных отношений (15%).

Если обратиться к описанию особенностей восприятия времени собственной жизни, то можно увидеть, что более неприятным, пессимистичным (51%), менее наполненным насыщенными событиями, пассивным, инертным (77%) является настоящий период, в котором преобладает ощущение потери личностной значимости происходящего (70%). Прошлый период жизни характеризуется более яркими переживаниями, ощущением наполненности прошлой жизни событиями (51%), а

также воспринимается как более объемный по величине, насыщенный и осмысленный период (81%). Будущее видится оптимистично, радостно (79%), кажется более прогнозируемым и контролируемым, относительно стабильным периодом (71%), преобладает интеллектуальная и эмоциональная вовлеченность в ожидаемые события (58%).

При анализе взаимосвязей между психологическим благополучием и субъективной картиной жизненного пути во временном аспекте у женщин с историей перинатальной потери с помощью коэффициента корреляции Спирмена были получены следующие результаты (при $p < 0,05$).

Можно увидеть, что чем хуже физическое самочувствие, тем женщине сложнее принимать себя такой, какая она есть ($r = -0,37$), а также ей сложнее организовывать свое окружение ($r = -0,33$). При сниженном настроении также наблюдаются снижение самопринятия ($r = -0,34$) и сложности в постановке целей жизни ($r = -0,32$). Состояние депрессии также закономерно отрицательно связано с психологическим благополучием ($r = -0,57$). В частности, депрессия обусловлена тем, как женщина выстраивает положительные отношения с другими людьми ($r = -0,49$), управляет окружением ($r = -0,41$), выстраивает цели жизни ($r = -0,46$), стремится к личностному росту ($r = -0,31$) и принимает себя такой, какая она есть ($r = -0,62$).

Что касается отношения ко времени собственной жизни, то можно говорить о том, что **прошлая** жизнь воспринимается как более яркая, насыщенная, приятная, когда женщина принимает себя и свой жизненный опыт ($r = 0,39$). Прошлое воспринимается как более понятный, подконтрольный и прогнозируемый период, когда женщина умеет управлять и организовывать свое окружение и внешнюю деятельность ($r = 0,36$), способна самостоятельно оценивать себя и свою жизнь ($r = 0,41$). У психологически благополучных женщин с историей перинатальной потери ($r = 0,38$), которые стремятся к личностному росту ($r = 0,37$), планируют свое будущее ($r = 0,36$) и принимают себя ($r = 0,3$), а также умеют выстраивать доверительные взаимоотношения с другими людьми ($r = 0,35$), прошлая жизнь наполнена большим количеством радостных и приятных событий.

Чем хуже выстраиваются доверительные взаимоотношения с другими людьми, тем больше прошлая жизнь наполнена в воспоминаниях грустными событиями ($r = 0,36$). Также меньше позитивных и приятных событий в собственном прошлом видится в состоянии депрессии ($r = -0,39$). А когда преобладает состояние физиологического возбуждения как результат травмирующего события, прошлое воспринимается как печальное ($r = -0,35$), неподконтрольное и слабоструктурированное ($r = -0,31$).

Настоящий период времени переживается как яркий, насыщенный, эмоционально приятный и спокойный, когда у женщин с историей перинатальной потери наблюдаются повышенное настроение ($r = 0,35$, $r = 0,37$), хорошее самочувствие ($r = 0,38$, $r = 0,33$) и активность ($r = 0,41$, $r = 0,35$), а также у психологически благополучных женщин ($r = 0,38$, $r = 0,41$), которые принимают себя ($r = 0,30$, $r = 0,46$), строят планы на будущее ($r = 0,40$, $r = 0,34$) и стремятся к личностному самосовершенствованию ($r = 0,40$, $r = 0,31$). Настоящее воспринимается как объемный, насыщенный положительными переживаниями период, когда женщина стремится принимать свою жизнь такой, какая она есть ($r = 0,29$), и способна ставить перед собой цели ($r = 0,37$). Настоящее кажется прогнозируемым, подконтрольным и упорядоченным также у более психологически благополучных женщин ($r = 0,48$), которые принимают себя ($r = 0,43$), стремятся к личностному росту ($r = 0,36$), планируют будущее ($r = 0,41$) и умеют организовывать собственное окружение ($r = 0,34$). Также принимающие себя во всей полноте женщины ($r = 0,33$) и открытые новому опыту ($r = 0,5$), воспринимают настоящее как личностно значимое, чувствуют себя активными участниками происходящего.

И, напротив, в состоянии депрессии ($r = -0,58$, $r = -0,66$, $r = -0,49$, $r = -0,31$), а также при преобладании симптомов ПТСР ($r = -0,37$, $r = -0,54$, $r = -0,37$), в частности, таких как физиологическое возбуждение ($r = -0,35$, $r = -0,46$, $r = -0,31$) и вторжение ($r = -0,38$, $r = -0,55$, $r = -0,42$), настоящее воспринимается как пессимистичное, печальное и тревожное, неподконтрольное и трудно прогнозируемое, с переживанием внутренней отстраненности от происходящего, отсутствием включенности в процесс настоящей жизни.

Что касается **будущего** периода времени, то оно видится более эмоционально приятным, оптимистичным, упорядоченным, прогнозируемым также у более психологически благополучных женщин с историей перинатальной потери ($r = 0,30$, $r = 0,32$), которые стремятся к личностному росту ($r = 0,29$, $r = 0,30$), ставят перед собой разнообразные цели ($r = 0,36$, $r = 0,39$) и принимают все стороны себя и своей жизни ($r = 0,33$). Наполненность будущего периода жизни приятными и радостными событиями также связана с психологическим благополучием ($r = 0,37$), самопринятием ($r = 0,37$), целеустремленностью ($r = 0,36$) и личностным ростом ($r = 0,35$).

Однако когда женщина с историей перинатальной потери испытывает трудности в постановке целей на будущее, то и планируемых радостных событий наблюдается меньше ($r = 0,35$). Также и в состоянии депрессии ($r = -0,33$), и при

выраженных симптомах вторжения как результата ПТСР ($r = -0,32$, $r = -0,31$) будущее воспринимается в более пессимистичных и мрачных тонах, как слабопрогнозируемое и неподконтрольное.

Среди типов выделяемых событий в субъективной картине жизненного пути можно увидеть, что более психологически благополучные женщины ($r = 0,41$, $r = 0,30$), стремящиеся к личностному росту ($r = 0,38$, $r = 0,41$), ставящие перед собой цели ($r = 0,35$, $r = 0,29$, $r = 0,37$) и принимающие себя ($r = 0,40$), умеющие выстраивать доверительные отношения ($r = 0,42$, $r = 0,41$), называют больше событий, связанных с рождением и воспитанием детей, собственным здоровьем, учебой и работой. Однако женщины, у которых наблюдаются симптомы депрессии, в меньшей степени называли события, связанные с рождением и воспитанием детей ($r = -0,40$), браком ($r = -0,30$), материальным положением ($r = -0,31$), учебой ($r = -0,34$) и природой ($r = -0,34$).

Таким образом, можно говорить о том, что выдвинутая гипотеза подтвердилась: у женщин с историей перинатальной потери в состоянии психологического неблагополучия события счастливой будущей жизни менее представлены в субъективной картине жизненного пути. При сниженном настроении, самочувствии, в состоянии депрессии, а также при преобладании симптомов вторжения и физиологического возбуждения ПТСР прошлая жизнь видится женщинами с историей перинатальной утраты в более мрачных тонах, менее насыщенной радостными событиями. Настоящий момент времени наполнен тревожностью и переживаниями неподконтрольности происходящего, ощущением отстраненности и безучастности. А также преобладает пессимистичное, труднопрогнозируемое и малонасыщенное событиями личное будущее. Когда же женщину, пережившую ситуацию перинатальной потери ребенка, можно назвать психологически благополучной, в частности, когда она склонна выстраивать доверительные взаимоотношения с другими людьми, стремится к самореализации, имеет намерения и цели на всю жизнь, довольна собой и своей жизнью, то и временная перспектива является у нее более структурированной, упорядоченной, насыщенной разнообразными событиями. С одной стороны, подобное состояние согласия с собой и комфортные отношения с другими помогают сосредоточиться на желанном образе будущей жизни. С другой стороны, желанное будущее событие, скорее всего – событие рождения ребенка, помогает прийти к некоторому внутреннему умиротворению и переживанию психологического благополучия.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно сказать следующее. Пе-

ринатальная утрата ребенка представляет собой кризисное событие в жизни женщины, которое сопровождается сниженным эмоциональным состоянием, плохим самочувствием, а также может приводить к появлению симптомов депрессии и посттравматического стрессового расстройства. Как следствие, могут наблюдаться трудности в выстраивании положительных взаимоотношений с другими людьми, управлении и контроле над жизненными обстоятельствами, снижение чувства направленности и осмысленности собственной жизни. В субъективной картине жизненного пути женщин с историей перинатальной потери происходит своеобразная фиксация на прошлом, которое, несмотря на событие, связанное с утратой, видится в более оптимистичном и ярком свете. Также может наблюдаться несколько нереальное видение будущего, в котором преобладают только позитивные, полностью контролируемые события. Настоящий же период времени женщинами с историей перинатальной утраты в большей степени лишен ощущения личностной значимости, кажется пассивным, тревожным и неприятным. Более важными для женщин, переживших перинатальную потерю, являются события, касающиеся рождения и воспитания детей, замужества, а также состояния собственного здоровья, которое непосредственно связано с возможностью зачать и выносить здорового ребенка.

В случае возникновения депрессии в результате переживания горя перинатальной утраты у женщин закономерно может наблюдаться состояние психологического неблагополучия. Со сниженным настроением, состоянием апатии и тревоги, физическим истощением и дискомфортом связаны трудности в выстраивании доверительных взаимоотношений, сложности в организации повседневной деятельности, реализации своего жизненного потенциала, постановке значимых целей, а также позитивном принятии себя.

У женщин с историей перинатальной потери в состоянии психологического неблагополучия временная перспектива имеет свои особенности. Так, прошлая и будущая жизнь воспринимается ими как менее насыщенная, в том числе приятными событиями. Присутствует переживание неподконтрольности, труднопрогнозируемости, неупорядоченности жизненных событий, преобладает тревожность, пессимистичность, ощущение собственной инертности и пассивности. Психологически неблагополучные женщины, столкнувшиеся с перинатальной утратой ребенка, проживают безучастность и внутреннюю отстраненность от происходящих событий, потерю личностной значимости происходящего. Наблюдается некоторая статичность внутренней жизни, отсутствует наполненность событиями. У них появляется ощу-

щение безнадежности, происходит сужение временной перспективы.

Таким образом, на наш взгляд, при оказании психологической помощи женщинам, пережившим ситуацию перинатальной потери ребенка, необходимо обратиться к восстановлению и выстраиванию адекватной, оптимистичной, непрерывной и насыщенной разнообразными, в том числе и негативными, жизненными событиями временной перспективы личности. Стоит, с одной стороны, обращать внимание на незапланированность, неподвластность личному контролю происходящих в жизни кризисных событий, но с другой – подчеркивать личностную ответственность за решение противостоять этим кризисам, возможность предъявлять свои требования к жизни. Также нужно помочь взглянуть и принять реальные обстоятельства жизни, увидеть структуру того, что имеется в реальности. Необходимо помогать воссоздавать привязанность к какому-либо желанному моменту в будущем, в том числе к возможности стать матерью, несмотря на жизненные обстоятельства, или, наоборот, конструировать новое видение желанного и осмысленного будущего.

Литература

1. Костерина, Е.М. Психологическое сопровождение перинатальных потерь / Е.М. Костерина // Перинатальная психология и психология родительства. – 2004. – № 2. – С. 94–107.
2. Добряков, И.В. Перинатальные утраты: психологические аспекты, специфика горевания, формы психологической помощи / И.В. Добряков, М.Е. Блох, Л.М. Фаерберг // Журнал акушерства и женских болезней. – 2015. – Т. LXIV, № 3. – С. 4–10.
3. Завгородняя, И.В. Невынашивание беременности как переживание перинатальной утраты [Электронный ресурс] / И.В. Завгородняя // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журнал. – 2017. – Т. 5, № 2(16). – Режим доступа: <http://medpsy.ru/climp>. – Дата доступа: 16.02.2019.
4. Athey, J. Risk factors and interventions for psychological sequelae in women after miscarriage / J. Athey, A.M. Spielvogel // Prim Care Update Ob/Gyns. – 2000. – Vol. 7, Number 2. – P. 64–69.
5. Hughes, P. Assessment of guidelines for good practice in psychosocial care of mothers after stillbirth: a cohort study / P. Hughes, P. Turton, E. Hopper, C.D.H. Evans // Lancet. – 2002. – July 13. – Vol 360. – P. 114–118.
6. Morrison, D. Dealing with fetal demise / D. Morrison // Canadian society of diagnostic medical sonographers, annual meeting, charlotte town, P.E.I. – 2006. – May 13. – P. 1–20.
7. Купченко, В.Е. Самосознание и эмоциональное состояние женщины в период беременности / В.Е. Купченко // Перинатальная психология и психология родительства. – 2008. – № 1. – С. 48–59.
8. Mander, R. Loss and Bereavement in Childbearing / R. Mander. – Madison Avenue, New York, 2006. – P. 256.
9. Murlikiewicz, M. Acute stress disorder and posttraumatic stress disorder following miscarriage / M. Murlikiewicz, P. Sieroszewski // Archives of Perinatal Medicine. – 2012. – Vol. 18(3). – P. 157–162.
10. Shakhar, K. Coping with recurrent pregnancy loss: Psychological mechanisms / K. Shakhar // Recurrent Pregnancy Loss Causes, Controversies and Treatment / Edited by Howard JA Carp. – Taylor & Francis e-Library, 2008. – P. 243–253.
11. Callister, L.C. Perinatal Loss A Family Perspective / L.C. Callister // PerinatNeonatNurs. – 2006. – Vol. 20, No. 3. – P. 227–234.
12. Kohner, N. When a baby dies: The experience of late miscarriage, stillbirth and neonatal death / N. Kohner, A. Henley. – Taylor & Francis e-Library, 2006. – 244 p.
13. Scher, J. Preventing Miscarriage: the good news / J. Scher, C. Dix // United States, HarperCollins Publishers Inc. – New York, 2005. – 282 p.
14. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
15. Франкл, В.Э. Человек в поисках смысла / В.Э. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
16. Лэнгле, А. Ради чего все это? Путь ведущий к смыслу / А. Лэнгле // С собой и без себя. Практика экзистенциально-аналитической психотерапии: сб. ст. / под ред. С.В. Кривцовой, С. Лэнгле. – М.: Генезис, 2009. – С. 263–276.
17. Мэй, Р. Открытие Бытия / Р. Мэй. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004. – 224 с.
18. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1991. – 229 с.
19. Березина, Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности / Т.Н. Березина. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 319 с.
20. Яничев, П.И. Субъективные модели прошлого, настоящего и будущего в подростковом и юношеском возрасте / П.И. Яничев // Наш проблемный подросток: учеб. пособие. – СПб., 1999. – 114 с.

Поступила в редакцию 09.07.2019 г.

Психологические аспекты понятия «реабилитационный потенциал» лиц с ограниченными возможностями здоровья

Ткач М.Г.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена рассмотрению содержания и структуры понятий, описывающих реабилитационный процесс лиц с ограниченными физическими возможностями. В современных условиях возникает необходимость выстраивать конструктивное взаимодействие между участниками реабилитационного процесса, давать корректную оценку реабилитационного прогноза и успешности развития и социализации лиц с ограниченными физическими возможностями.

Цель статьи – представить теоретическое обоснование содержания понятия «реабилитационный потенциал».

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужила совокупность понятий, полученных путем обобщения и интерпретации библиографического списка, представленного в научной библиотеке диссертаций и авторефератов РФ (www.dissercat.com) и Национальной библиотеке РБ (www.nlb.by). При этом нами использовался метод тематического анализа.

Результаты и их обсуждение. На основе междисциплинарного подхода раскрыто содержание понятия «реабилитационный потенциал». Представлен аналитический обзор трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященный вопросам инвалидности как социально-психологического явления, взаимовлияния личности и инвалидизирующего заболевания. Раскрыто содержание психологического компонента реабилитационного потенциала. Предложены пути дальнейшего исследования структуры реабилитационного потенциала.

Заключение. Понятие реабилитационного потенциала имеет многокомпонентную структуру, изучение которой позволит строить реабилитационный процесс с ориентацией на осознание инвалидом собственных личностных особенностей и выбора жизненной позиции «иждивенца» или «активного субъекта жизнедеятельности».

Ключевые слова: личностный потенциал, реабилитационный потенциал, реабилитация, лица с ограниченными физическими возможностями.

Psychological Aspects of the Concept of Rehabilitation Potential of People with Health Limitations

Tkach M.G.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with the consideration of the content and structure of the concepts which describe the rehabilitation process of people with health limitations. In modern conditions there is a need to build constructive interaction between participants of rehabilitation process, to give a correct assessment of the rehabilitation expectancy and success of the development and socialization of people with health limitations.

The purpose of the article is to present theoretical justification of the concept of rehabilitation potential.

Material and methods. The material of this study was a set of concepts obtained by means of generalization and interpretation of the bibliography list which is presented in the Russian Scientific Library of Dissertations and Abstracts (www.dissercat.com) and the National Library of the Republic of Belarus (www.nlb.by). The method of thematic analysis was used.

Findings and their discussion. Based on the interdisciplinary approach, the content of the concept of rehabilitation potential is disclosed. An analytical review of the works of domestic and foreign researchers, dedicated to the issues of disability as a social and psychological phenomenon, mutual influence of a person and a disabling disease is presented. The content of the psychological component of the rehabilitation potential is revealed. Ways of further research on the structure of the rehabilitation potential are proposed.

Conclusion. The concept of rehabilitation potential has a multi-component structure, the study of which will allow to build the rehabilitation process with a focus on the awareness of the disabled person's own personal characteristics and the choice of life position of the "dependant" or "active subject of life".

Key words: personal potential, rehabilitation potential, rehabilitation, people with physical limitations.

Основной тенденцией развития современного общества выступает системное усложнение социума, увеличение требований к личности и повышение драматичности как межличностных, так и социальных отношений. Информационно-технологическая перенасыщенность окружающего нас мира требует особенно интенсивного развития у человека личностных структур, которые могли бы в наибольшей степени обеспечить эффективную адаптацию к социальному окружению [1].

В современном многополярном мире развитие личности рассматривается, прежде всего, как разноплановый процесс, который, с одной стороны, сопровождается условиями, обеспечивающими прогресс, а с другой – человек как субъект познания, общения и деятельности часто сталкивается с факторами риска, которые препятствуют позитивному личностному развитию. Значительное количество людей имеют заболевания различного генеза, которые так или иначе ограничивают их физическую, психологическую и социальную активность. В связи с этим одной из проблем, затрагивающих существование и успешное функционирование современного человека и нуждающихся в более подробном рассмотрении со стороны как отечественных, так и зарубежных психологов, является изучение особенностей влияния негативных факторов на личность и путей их преодоления.

Развитие личности в ситуации инвалидизирующего заболевания представляет значительный интерес, поскольку последнее выступает мощным стрессогенным фактором, приводящим к дезадаптации человека. Изучение личностных возможностей и ресурсов, которые позволяют преодолевать трудные жизненные ситуации, в том числе и ситуацию инвалидности, представляется достаточно актуальным как для самого человека, так и для общества. В контексте рассматриваемого нами вопроса значимыми являются моменты готовности и способности индивида противостоять различного рода угрозам с помощью его психологических, личностных ресурсов, с выявлением источников и детерминант, обеспечивающих их накопление, актуализацию и реализацию в момент возникновения сложных жизненных ситуаций.

Цель статьи – осуществить теоретическое обоснование понятия «реабилитационный потенциал».

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужила совокупность понятий, полученных путем обобщения и интерпретации библиографического списка, пред-

ставленного в научной библиотеке диссертаций и авторефератов РФ (www.dissercat.com) и Национальной библиотеке РБ (www.nlb.by). При этом нами использовался метод тематического анализа.

Результаты и их обсуждение. В контексте изучения вопроса о развитии личности в ситуации инвалидизирующего заболевания стоит обратиться к таким понятиям, как «реабилитация» и «реабилитационный потенциал».

В современных социокультурных реалиях наблюдается очевидный общественный запрос на психологическую направленность исследований, затрагивающих такую незащищенную категорию населения, как люди с ограниченными возможностями. Отметим, что необходимость в этом существовала давно, ведь численность людей, которым поставлен официальный диагноз, приводящий к определенной степени утраты здоровья и соответствующей группе инвалидности, достаточно велика [2]. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, на начало 2019 года в стране насчитывается 569 тыс. инвалидов, что составляет 6% от общей численности населения Республики Беларусь [3].

В начале любых действий по отношению к людям с ограниченными физическими возможностями со стороны учреждений различного профиля, государственных органов, специалистов, частных лиц и общества в целом лежит базовое понимание феномена инвалидности. Отношение к людям с ограниченными физическими возможностями менялось на протяжении всего исторического периода в разных странах и культурах: наблюдался постепенный переход от идеи пренебрежительного отношения и неприязни к пониманию необходимости интеграции людей с ограниченными возможностями в общество [4]. В настоящее время инвалидность утратила связь только с потерей трудоспособности и определяется специалистами как состояние социальной недостаточности, при которой возникает необходимость в социальной защите и психологической поддержке инвалидов в силу различных ограничений их жизнедеятельности: способностей к общению, обучению, ориентации в социальном пространстве, к трудовой деятельности, контролю за своим поведением, передвижению, самообслуживанию. Многочисленные исследователи уже сейчас пришли к мнению, что инвалидность – это специфическое социально-психологическое явление со своим уровнем организации, индивидуальной степенью выраженности, специфическими проблемами и кризисными моментами. Нам представляется более корректным использование понятия «лица с ограниченными физическими возможностями».

Трактовка категории «реабилитация» также претерпела существенные изменения. В советский период реабилитация понималась как система мер, направленных на предотвращение любых дефективных состояний, приводящих к потере трудоспособности. При этом личностный компонент не учитывался. На современном этапе *реабилитация* выступает в виде сочетания взаимосвязанных медицинских, психологических, педагогических и социально-экономических действий, помогающих нивелировать или компенсировать ограниченную функциональность индивида с целью восстановления утраченного социального положения в обществе. Собственно, личностные резервы индивида возмещать ограничения, связанные с заболеванием, и являются *реабилитационным потенциалом инвалида*. По нашему мнению, вопросы, касающиеся проблемы инвалидности, нуждаются в значительных изменениях, теоретико-методологическом и практическом обосновании, в частности, в аспекте психологического компонента реабилитационного потенциала.

Сложные жизненные ситуации, сопряженные с появлением различного рода заболеваний, травм и дефектов, становятся отправной точкой для возникновения специфической ситуации дальнейшего развития личности, поскольку инвалидность радикально меняет условия, качество и образ жизни человека. При таких обстоятельствах именно определенные потенциальные возможности личности выступают существенным и необходимым условием, чтобы приспособиться к этому в физическом, социальном и психологическом плане. От того, насколько человек способен адаптироваться к новой жизненной ситуации, зависит не только слаженное функционирование организма как биологической системы, но и личности в целом.

В свое время психологи гуманистического направления активно занимались изучением деятельного, конструктивного и автономного начала личности. Так, в 1937 г. известный американский психолог и разработчик теории черт личности Г. Олпорт обратил внимание на «конструктивную природу личности, в которой особо отмечал ее сильнейшее стремление к поиску и решению все более сложных задач и проблем» [5, с. 243]. Позже внимание психологов было обращено на вопросы, связанные с выявлением личностных свойств, содействующих или препятствующих индивиду совладать с обстоятельствами, представляющими определенную опасность для таких человеческих ценностей, как жизнь, здоровье и самоуважение.

В психологии преодоления всегда колоссальное внимание уделялось личностному по-

тенциалу. Как подчеркивает Л.И. Анцыферова, «важным источником знаний о личности была психотерапевтическая практика, позволившая некоторым психологам, например, К. Роджерсу, Х. Томэ, отметить факт того, что в атмосфере доверительного общения клиенты чаще всего способны сами решать жизненные проблемы, приведшие их к терапевту. В этой атмосфере сознание пациентов расширялось, охватывая почти все феноменальное поле реального функционирования их личности» [6].

При разработке вопросов, касающихся психологического потенциала личности и личностных ресурсов, можно отметить значительный вклад таких ученых, как Л.А. Александрова, Ю.А. Александровский, Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, Г.А. Виноградова, Л.А. Дикая, С.А. Калашникова, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, А.Г. Маклаков, В.И. Медведев, К. Муздыбаев, Т.П. Сашилова, О.В. Сляднева, О.В. Татаренко, Н.Е. Яблонский и др. [7].

По мнению Д.А. Леонтьева, *личностный потенциал* выступает как «интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [8, с. 107].

Иначе говоря, личностный потенциал отображает степень преодоления личностью предложенных обстоятельств и меру прилагаемых ею усилий при работе над собой и обстоятельствами своей жизни. От того, насколько четкой и стабильной будет жизненная позиция человека с инвалидирующим заболеванием, зависит не только сама возможность его включения в реабилитационный процесс, но и мера эффективности реабилитационных действий психологического, медицинского, социального, профессионального профиля.

Обобщая существующие научные исследования, можно утверждать, что сущность феномена «личностный потенциал» заключается, прежде всего, в наличии сильных сторон личности, которые связаны с жизнестойкостью. Личностный потенциал, а точнее его осознание и использование повышают значимость индивида в глазах других, его самоуважение, делают человека более сильным, уверенным, успешным и продуктивным членом современного общества.

Понятие «реабилитационный потенциал» рассматривается нами как своего рода производное от понятия «личностный потенциал», имеющего более узкую, конкретную область применения и охватывающего ту часть личностных ресурсов, которая

непосредственно принимает участие в реабилитационном процессе и способствует адаптации и социализации в ситуации хронического заболевания.

Анализ научной литературы показал наличие нескольких направлений в объяснении понятия «реабилитационный потенциал». Одними из первых, кто в 1973 г. начал использовать в научной лексике названный термин, были В.П. Белов, И.Н. Ефимов. Они подразумевали под реабилитационным потенциалом «комплекс биологических, личностных и социально-средовых факторов, выступающих основанием для социализации больного» [9].

По словам М.В. Коробова, реабилитационный потенциал – это не что иное, как «способности больного человека в определенных условиях и при содействии реабилитационных служб и общества в целом привести биологические и социально-психологические резервы к мобилизации реституционных, компенсаторных и адаптивных процессов и других механизмов, лежащих в основе восстановления его нарушенного здоровья, трудоспособности, личного статуса и положения в обществе» [10].

Российский психиатр и специалист в области медико-социальной экспертизы и реабилитации Р.М. Войтенко, в свою очередь, рассматривает реабилитационный потенциал человека, находящегося в ситуации хронического заболевания, как «его возможности (медико-биологические, социальные, психологические) нивелировать, уменьшать или компенсировать социальную недостаточность и (или) ограничения жизнедеятельности» [11]. В последующем Р.М. Войтенко реализовал идею конкретизации структурных компонентов реабилитационного потенциала, выделив при этом организм, личность, индивид.

Обобщая вышеперечисленные трактовки понятия «реабилитационный потенциал», его можно представить в виде показателя суммированных и сохранных, вопреки заболеванию, ресурсных возможностей личности мобилизовать процессы компенсации и адаптации, направленные на улучшение состояния здоровья, восстановление функциональности, личностного и социального статуса в обществе.

Рассматривая реабилитационный потенциал в качестве приоритетной составляющей реабилитационного процесса, в нем можно выделить следующие структурные компоненты:

- социальный;
- медицинский;
- психологический.

Социальный компонент условно можно обозначить диадой взаимоотношений «инва-

лид–социум», которая включает в себя многочисленные вопросы, касающиеся социального обеспечения инвалидов, создания безбарьерной инфраструктуры, трудового и пенсионного законодательства, взаимодействия лиц с ограниченными физическими возможностями с различными государственными и социальными учреждениями с целью создания условий для восстановления или укрепления социальных связей. Можно сказать, что социальная составляющая реабилитационного потенциала направлена на процесс эффективного восстановления личности в обществе.

Медицинский компонент в данной структуре выступает в качестве медицинского обоснования процесса достижения намеченных целей реабилитации. Практически все исследования, проводимые до настоящего времени, в значительной степени касались лишь аспектов медицинской реабилитации. Но наряду с изменением концепции инвалидности в последнее десятилетие произошла переориентация и научных исследований, в которых сейчас приоритетное и важное значение отводится психологическому аспекту реабилитации и психологическому реабилитационному потенциалу лиц с ограниченными физическими возможностями (Н.Б. Шабалина, 2000; Р.М. Войтенко, 2001; Е.М. Старобина, С.А. Стеценко, 2002). Тем не менее до сих пор роль и значение психологического реабилитационного потенциала лиц с ограниченными физическими возможностями продолжают быть малоизученными. С точки зрения практической работы психологов, сталкивающихся с данной категорией лиц, выявление уровня личностного потенциала также имеет большое значение, хотя зачастую носит интуитивный, эмпирический характер.

Психологический компонент реабилитации обеспечивается различными психологическими механизмами личности, которые позволяют не только преодолевать ограничения, вызываемые заболеванием, но и полностью или частично быть включенным в различные сферы жизнедеятельности. Мотивационно-потребностная сфера личности является в этом процессе основополагающей, за счет нее возможно компенсировать дефицитность других составляющих.

Эмоционально-волевая сфера выступает также значимой составляющей психологического реабилитационного потенциала индивида, она отражает энергетические возможности человека с позиции его отношения к намеченным целям реабилитации и реабилитационному процессу в целом, а также способность к волевым усилиям.

Особо стоит отметить, что в современных научных исследованиях по обозначенной проблематике реабилитационный потенциал, его уровень

и структура рассматриваются в контексте разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации. Мы, в свою очередь, считаем целесообразным изучение психологического компонента реабилитационного потенциала лица с ограниченными физическими возможностями с целью ориентации на усиление процессов осознания особенностей и возможностей собственной личности и выбора жизненной позиции «иждивенца» или «активного субъекта жизнедеятельности» [12–13].

Заключение. В таком социальном явлении, как инвалидность, на современном этапе изучения данного феномена мы можем наблюдать процесс переориентации с сугубо медицинского на психологический, личностный аспект. Само понятие реабилитационного потенциала имеет сложную, многокомпонентную структуру, что предполагает комплексное и всестороннее изучение социально-психологических детерминант реабилитационного потенциала. Это, в свою очередь, позволит не только выстраивать конструктивное взаимодействие между участниками реабилитационного процесса, давать корректную оценку реабилитационного прогноза и дальнейшей успешности процессов развития, адаптации и социализации лиц с ограниченными физическими возможностями, но и осуществлять им выбор конкретной жизненной позиции. На современном этапе изучения реабилитационного потенциала особо подчеркивается основополагающая роль психологического компонента реабилитации, учет и влияние личностных характеристик самого инвалида. Тем самым признается тот факт, что человек с инвалидностью – это не пассивный участник реабилитации, а активный субъект взаимодействия в данном процессе.

Литература

1. Субботина, Л.Ю. Психология защитных механизмов личности [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л.Ю. Субботина; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль:

- ЯрГУ, 2013. – 164 с. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/272179>. – Дата доступа: 12.05.2019.
2. Леонтьев, Д.А. Вызов инвалидности: от проблемы к задаче / Д.А. Леонтьев, Л.А. Александрова // IV Всерос. науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии, Москва, 4–5 мая 2010 г.: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2010. – 180 с.
3. Сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mintrud.gov.by. – Дата доступа: 10.05.2019.
4. Львова, О.А. Региональная система комплексной реабилитации и абилитации инвалидов: опыт межведомственного взаимодействия, инновации, технологии: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, 28–30 сент. 2017 г. / отв. ред.: д-р мед. наук О.А. Львова, д-р психол. наук Е.Р. Исаева. – Екатеринбург, 2017. – 176 с.
5. Allport, Q.W. Personality. A psychological interpretation / Q.W. Allport. – New York: Holt, 1938. – 588 p.
6. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита [текст] / Л.И. Анцыферова // Психол. журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 48–56.
7. Порохина, Ж.В. Психологический реабилитационный потенциал инвалида (на примере больных с ишемической болезнью сердца): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ж.В. Порохина. – М., 2004.
8. Леонтьев, Д.А. Личностный потенциал. Структура и диагностика / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2011. – 675 с.
9. Белов, В.П. Реабилитационный потенциал хронически больного: анализ, содержание, оценка / В.П. Белов, А. Вечканов, И.Н. Ефимов // Врачебно-трудова экспертиза. Социально-трудова реабилитация инвалидов. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 26–31.
10. Коробов, М.В. Реабилитационный потенциал: вопросы теории и применения в практике медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов / М.В. Коробов // Врачебно-трудова экспертиза. Социально-трудова реабилитация инвалидов. – М., 1995. – Вып. 17. – С. 29.
11. Войтенко, Р.М. Социальная психиатрия с основами медико-социальной экспертизы и реабилитологии: руководство для врачей и психологов. – СПб., 2011. – 192 с.
12. Гудилина, О.Н. Специфика личностного реабилитационного потенциала подростков с нарушениями статодинамической функции в связи со временем возникновения нарушения и степенью его тяжести [Электронный ресурс] / О.Н. Гудилина // Психолого-педагогические исследования. – 2012. – № 4. – С. 1–5. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57062.shtml. – Дата доступа: 12.05.2019.
13. Халак, М.Е. Определение уровня психологического потенциала у лиц с ограниченными возможностями / М.Е. Халак // Концепт. – 2012. – № 10. – С. 11–15.

Поступила в редакцию 05.06.2019 г.

Образовательные потребности студентов

Шмуракова М.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена проблеме отношения студентов к своим способностям. Определены некоторые образовательные потребности и источники пополнения знаний в профессиональной сфере.

Цель настоящей статьи – изучение отношения студентов к своим способностям и проблемам их реализации в условиях обучения в вузе.

Материал и методы. Для решения поставленных в исследовании задач была разработана анкета, позволяющая оценить студентам вопросы, связанные с творческим самовыражением и условиями эффективной деятельности. В эксперименте приняли участие 330 студентов: 260 девушек и 70 юношей.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты позволяют говорить, что отношение к своим способностям студентов определяет различную вовлеченность в образовательный процесс. Эти данные в будущем могут способствовать выстраиванию учебных программ и организации учебного процесса для разных групп студентов с учетом индивидуальных особенностей. Речь идет о пробуждении, стимулировании и развитии специфических интересов и талантов в особой педагогической форме, ставящей во главу угла индивидуальную траекторию обучения.

Заключение. Проведенное исследование помогает наметить основные направления работы со студенческой молодежью по формированию устойчивых внутренних критериев и ориентиров в их жизнедеятельности. Исследования в этом направлении представляются актуальными в связи с необходимостью создания максимально благоприятных условий для развития личностного потенциала студентов. Целесообразно поддерживать творческую среду, обеспечивать возможность самореализации одаренных студентов в каждом учреждении образования.

Ключевые слова: способности, креативность, личность, образование, социальное окружение, профессиональная деятельность, саморазвитие, творческая личность.

Educational Needs of Students

Shmurakova M.E.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

This article deals with the problem of students' attitude to their abilities. Some educational needs and sources of enriching professional knowledge are identified.

The purpose of the article is studying the attitudes of students to their abilities and problems of their implementation in the university academic environment.

Material and methods. We developed a questionnaire, which could solve the tasks of the study. The questionnaire allowed students to evaluate the issues of creative expression and the conditions for efficient activity. 330 students, 260 girl students and 70 boy students participated in the research.

Findings and their discussion. The research findings allow us to say that students' attitude to their abilities determines different involvement in the educational process. The obtained data make it possible to organize curricula and the academic process for different groups of students considering their individual features. It is awakening, stimulating and developing specific interests and talents in a special pedagogical form which aims at individual trajectory of training.

Conclusion. This research helps to outline the main areas of work with students to form sustainable internal criteria and guidelines in their life activities. Research is relevant in connection with the need to create the most favorable conditions for the development of students' personality potential. It is advisable to maintain a creative environment, to ensure the possibility of self-implementation of gifted students in each educational establishment.

Key words: abilities, creativity, individuality, education, social surrounding, professional activities, self-development, creative personality.

В современных социально-экономических условиях творчество, интеллект, креативность становятся важнейшими факторами развития социума и расширения экономической деятельности. Сегодня профессионал все в большей и большей степени должен становиться творцом,

исследователем, инициатором, вдохновителем. Востребованность и социальный заказ общества на одаренную, творческую личность во всех сферах производства обуславливаются тем, что она обладает более высоким уровнем адаптации и социализации, в большей мере соответствует постоянно изменяющемуся и обновляющемуся миру.

Выявление одаренных детей, дифференциация типов одаренности и форм проявления создает основу для создания государственных программ поддержки одаренных, талантливых детей и молодежи.

Важнейшими направлениями деятельности вуза являются создание условий для стимулирования развития творческого потенциала личности, поддержка студентов в реализации своих способностей. Необходимость поддержки одаренной молодежи в ее личностном и профессиональном становлении ставит новые задачи в организации образовательного процесса. Решение этих задач потребует направленного развития исследовательской компетентности студентов, креативного потенциала личности.

Цель данной работы – изучение отношения студентов к своим способностям и проблемам их реализации в условиях обучения в вузе.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 330 студентов: 260 девушек и 70 юношей. По курсам: 46 студентов I курса, 39 студентов II курса, 144 студента III курса, 101 студент IV курса. Для решения поставленных задач была разработана анкета, позволяющая оценить студентам вопросы, связанные с творческим самовыражением и условиями эффективной деятельности. Математико-статистическая обработка результатов работы проводилась с помощью программного обеспечения MS Excel 2013 и Statistica 10.0 for Windows. в операционной системе Windows 10.0. Анализ данных по математическим критериям считался достоверным при уровне значимости не выше 5% ($p \leq 0,05$), однако оценивались данные и на уровне тенденции ($0,05 \leq p \leq 0,08$).

Результаты и их обсуждение. В соответствии с целью и задачами исследования особенности одаренных студентов рассматривались в трех блоках: образовательные потребности, социальные связи, навыки учебной деятельности. Блок образовательных потребностей оценивался по нескольким направлениям: потребность в самореализации, потребность в социальных связях и потребность в специальных условиях обучения.

Исследование показало, что удовлетворенность студентов процессом обучения, уверенность в своих умениях создают базу для более глубокого освоения профессиональных знаний. Более половины респондентов собираются продолжить обучение дальше, при этом 40% – по этой же специальности. Категоричный ответ «Нет» дает только 13% опрошенных. Обращают на себя внимание изменения в предпочтениях студентов в зависимости от года обучения в вузе. В таблице 1 представлены данные, связанные с желанием продолжить образование в зависимости от года обучения в вузе.

Как видно из таблицы 1, если на I курсе доминирует желание учиться дальше, то на II курсе ситуация кардинально меняется и к IV курсу доминирует желание попробовать свои силы вначале в практической деятельности и только потом принимать решение о продолжении обучения. Гендерных различий по данному вопросу не выявлено.

Источниками пополнения своего багажа знаний, умений в профессиональной сфере в основном называются учебные занятия в университете (72,12%), социальные сети как средство обмена информацией с однокурсниками и преподавателями (50,61%), профессиональные сайты и профессиональные сообщества в социальных сетях (44,85%), сайты и сообщества в социальных сетях с учебными материалами (35,15%) и электронные библиотеки (32,12%). Следует отметить, что основные источники пополнения своих профессиональных знаний имеют различия по частоте использования в зависимости от пола. Источники пополнения знаний в профессиональной сфере в зависимости от пола представлены в таблице 2.

Согласно таблице 2, если студенты (юноши) для пополнения знаний предпочитают наравне с учебными занятиями в университете использовать потенциал профессиональных сайтов и профессиональных сообществ в социальных сетях и сайтов и сообществ в социальных сетях с учебными материалами, то для студенток основным источником профессиональных знаний выступают учебные занятия в университете и только как дополнительные используются социальные сети и профессиональные сайты и профессиональные сообщества в социальных сетях.

Потребность в специальных условиях обучения. В данную группу потребностей были включены потребность в педагогическом сопровождении, потребность в специальных программах, курсах.

Эффективность учебной деятельности напрямую связана с организацией учебного процесса. Большое значение в данном вопросе имеет взаимодействие с преподавателем и помощь, которую преподаватель может оказать «в нужное время и в нужный момент». В проведенном исследовании были получены результаты, согласно которым 69,39% респондентов отмечают, что к преподавателю можно обратиться с очень сложными вопросами. 17,58% обычно сами находят ответы на интересующие их вопросы, 8,2% предпочитают решать вопросы с другими людьми и только 6,36% ответили, что они пробо-вали обращаться к преподавателю, но не получали удовлетворяющего их ответа.

Мотивация учебной деятельности является движущей силой процесса обучения и усвоения

Таблица 1 – **Выражение желания продолжить образование в зависимости от года обучения в вузе**

Трудности	I курс		II курс		III курс		IV курс		F	p
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
Да, собираюсь продолжить образование дальше	35	76,1	15	38,5	58	40,3	24	23,8	13,4	0,001*
Да, но по другой специальности	3	6,5	9	23,1	20	13,9	26	25,7	3,60	0,01*
Нет, не собираюсь продолжить образование дальше	0	0	1	2,6	27	18,75	15	14,9	5,26	0,001*
Хочу попробовать сначала свои силы в практической деятельности	7	15,2	14	36,8	47	32,6	44	43,6	3,93	0,008*

* различия статистически значимы

Таблица 2 – **Источники пополнения знаний в профессиональной сфере в зависимости от пола**

Оценка	Студенты		Студентки		F	p
	кол-во	%	кол-во	%		
Учебные занятия в университете	40	57,97	197	76,06	10,03	0,001*
Работа в библиотеке и читальном зале	4	5,79	30	11,58	2,04	0,1
Социальные сети	27	39,13	139	53,67	4,14	0,04*
Профессиональные сайты и профессиональные сообщества в социальных сетях	38	55,07	108	41,69	4,41	0,03*
Сайты и сообщества в социальных сетях с учебными материалами	29	42,03	87	33,59	1,48	0,2
Электронные библиотеки	21	30,43	85	32,82	0,45	0,5
Научно-популярные порталы, не связанные с будущей профессиональной деятельностью	24	34,78	50	19,3	5,93	0,01*
Виртуальная образовательная среда университета (sdo.vsu.by)	15	21,74	64	24,71	0,32	0,56
Электронные тренажеры по предметам	8	11,59	31	11,96	0,01	0,9
Материалы образовательных порталов	11	15,94	24	9,27	2,41	0,1
Иное	0	0	1	0,38	0,27	0,6

* различия статистически значимы

Таблица 3 – **Оценка возможности обсуждать на занятиях сложные глобальные цели**

Оценка	Кол-во	%
На занятиях обсуждаются сложные глобальные темы	73	22,12
На занятиях иногда обсуждаются сложные глобальные темы	226	68,48
На занятиях не обсуждаются сложные глобальные темы	31	9,39

материала. Возможность обсуждать на занятиях сложные глобальные темы повышает заинтересованность в учебной деятельности, стимулирует и побуждает к активной деятельности. Оценка возможности обсуждать на занятиях сложные глобальные цели представлена в таблице 3.

Различий в оценке студентами возможности обсуждать на занятиях сложные темы в зависимости от года обучения в вузе (курса) и пола не выявлено.

Большинством студентов, принявших участие в исследовании, отмечается значимость самостоятельной работы над учебным материалом. 77,27% респондентов считают, что без дополнительной самостоятельной учебы невозможно достичь успеха в профессиональной и учебной деятельности.

Следует отметить, что 69,39% опрошенных предпочли бы учиться по углубленному индивидуальному плану, если бы представилась такая возможность. При этом данный выбор более свойствен студенткам ($F = 3,63$, $p < 0,05$). Однако, как отмечает большинство студентов, принявших участие в исследовании (63,03%), у них нет возможности выбирать курсы для изучения на углубленном уровне. Причем данная тенденция усиливается при переходе от I ко II курсу и немного сглаживается к IV курсу ($F = 11,75$, $p < 0,0006$).

Большое влияние на учебную мотивацию оказывает возможность заниматься исследовательской деятельностью/творчеством/спортом индивидуально. Обращает на себя внимание то, что большинство опрошенных студентов (88%) указывает на наличие данной возможности и только 11,81% считает, что такой возможности нет. При этом 47,27% респондентов отмечают что, несмотря на наличие данной возможности, они ею не пользуются либо пользуются крайне редко. Различий в оценке студентами возможности заниматься индивидуально исследовательской деятельностью в зависимости от года обучения в вузе (курса) не выявлено. Однако следует отметить ярко выраженные гендерные аспекты данного вопроса. Оценка студентами возможности заниматься исследовательской деятельностью/творчеством/спортом индивидуально в зависимости от пола представлена в таблице 4.

О возможности индивидуально заниматься с преподавателем в интересующих областях заявляет 17,27% респондентов, 36,06% опрошенных считают, что такая возможность им предоставляется иногда, чуть меньше 50% респондентов отрицают наличие такой возможности: 14,54% – из-за занятости преподавателя, 34,24% – потому, что у них нет свободного времени/желания. При этом отсутствие свободного времени как повод для отказа заниматься индивидуально с преподавателем

реже всего отмечается у первокурсников ($F = 2,71$, $p < 0,04$).

Самым значимым для успешной реализации своих способностей студенты считают проведение большего количества практических занятий/стажировок на/в предприятиях/школах (у потенциальных работодателей). Это отмечают 51,52% принявших участие в исследовании. При этом значимость данной позиции усиливается в зависимости от года обучения в вузе ($F = 8,58$, $p < 0,0001$). И если значимость большего количества практических занятий отмечает всего 22% первокурсников, то к IV курсу отмечающих необходимость и значимость увеличения данного вида занятий возрастает до 66%. Увеличение таких занятий к выпускным курсам позволит в будущем молодому специалисту достаточно быстро включиться в профессиональную среду, минуя длительный период адаптации. По сути, проведение практических занятий на базе работодателя, с отработкой наиболее значимых профессиональных функций и будет выполнять не только обучающую, но и адаптационную функцию, обеспечивая постепенное включение студента в профессиональную среду.

Вторую по востребованности позицию занимают дополнительные занятия по значимым для субъекта областям знаний (42,12%). Следует отметить также увеличение значимости данной позиции с I по III курс ($F = 4,23$, $p < 0,006$). Чуть меньшей значимостью обладают лекции, семинары, мастер-классы специалистов, успешных в значимых для субъекта областях (38,5%). При этом ценность данной позиции не меняется в зависимости от года обучения в вузе.

В процессе обучения в вузе возрастает значимость активного включения в учебные занятия посредством дискуссионных клубов, диспутов и т.д. ($F = 3,58$, $p < 0,01$) и снижается ценность неограниченного доступа к качественной учебной информации ($F = 3,37$, $p < 0,01$). В процессе обучения студенты понимают, что доступность информации не гарантирует возможности ее самостоятельного освоения и логической обработки. Поэтому столь значимыми становятся занятия в виде дискуссионного клуба, позволяющие не только получить нужную информацию, но и расставить акценты в уже освоенных знаниях, подчеркнуть наиболее ценные и важные моменты, на которые в последующем необходимо обращать особое внимание.

Следует отметить значимость и востребованность тренингов, направленных на освоение навыков самоорганизации/умение организовывать свое время/силы (36,7%). При этом значимость данного вида занятий неуклонно возрастает в зависимости от года обучения в вузе и достигает востребованности у 46% респондентов к IV курсу.

Таблица 4 – Оценка студентами возможности заниматься исследовательской деятельностью/творчеством/спортом индивидуально в зависимости от пола

Оценка	Студенты		Студентки		F	p
	кол-во	%	кол-во	%		
Есть возможность заниматься исследовательской деятельностью/творчеством/спортом индивидуально	36	52,17	103	39,77	3,88	0,04*
Есть возможность заниматься исследовательской деятельностью/творчеством/спортом индивидуально, но я ею не пользуюсь	25	36,23	13	50,19	4,67	0,03*
Нет возможности заниматься исследовательской деятельностью/творчеством/спортом индивидуально	8	11,59	31	11,97	0,1	0,90

* различия статистически значимы

Таблица 5 – Представление об оценке необходимых занятий в зависимости от года обучения в вузе

Оценка окружающих	I курс		II курс		III курс		IV курс		F	p
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
Тренинги, направленные на освоение навыков самоорганизации/умение организовывать свое время/силы	11	24	14	36	50	35	46	46	2,29	0,07
Дополнительные занятия по значимым для меня областям знаний	11	24	12	31	72	50	44	44	4,23	0,006*
Неограниченный доступ к качественной учебной информации	21	46	8	21	38	26	23	23	3,37	0,01*
Участие в научной работе/конференциях и т.д.	7	15	5	13	13	9	10	10	0,53	0,65
Больше средств визуализации (QR-коды, дополнительная реальность) в учебных материалах	6	13	5	13	19	13	17	17	0,25	0,85
Активное включение в учебные занятия посредством дискуссионных клубов, диспутов и т.д.	8	17	11	28	22	15	32	32	3,58	0,01*
Лекции, семинары, мастер-классы специалистов, успешных в значимых областях	18	39	16	41	56	39	37	37	0,08	0,96
Больше практических занятий/стажировок на/в предприятиях/школах (у потенциальных работодателей)	10	22	21	53	73	51	66	66	8,58	0,001*
Только мое желание	21	46	15	38	40	28	29	29	2,10	0,1
Ничего, все необходимое уже есть	1	2	0	0	4	3	1	1	0,63	0,59

* различия статистически значимы

Обращает на себя внимание, что достаточно большое количество респондентов (31,8%) отмечают, что важным для успешной реализации способностей для них является только собственное желание. При этом ценность данной позиции не меняется в зависимости от года обучения в вузе.

Оценка студентами необходимых им занятий для успешной реализации своих способностей в зависимости от года обучения в вузе представлена в таблице 5.

Следует отметить, что группа студентов, считающих, что они обладают выдающимися способностями, чаще отмечает что им для развития способностей необходимо больше практических занятий/стажировок на/в предприятиях/школах (у потенциальных работодателей) ($F = 4,95$, $p < 0,02$), активное включение в учебные занятия посредством дискуссионных клубов, диспутов ($F = 3,66$, $p < 0,05$). При этом группа студентов, считающих, что они не обладают никакими способностями, достоверно реже отмечают, что им необходимы тренинги, направленные на освоение навыков самоорганизации /умение организовывать свое время/силы, ($F = 4,79$, $p < 0,02$) и

участие в научной работе/конференциях ($F = 5,92$, $p < 0,01$).

Заключение. Выявленные закономерности указывают на то, что отношение к своим способностям студентов определяет различную вовлеченность в образовательный процесс и требуют учета данных закономерностей в построении учебных программ и организации учебного процесса для разных групп студентов. Речь идет о пробуждении, стимулировании и развитии специфических интересов и талантов в особой педагогической форме, ставящей во главу угла индивидуальную траекторию обучения.

Литература

1. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь, утв. Приказом Министра образования Респ. Беларусь № 608 от 22.07.2015 г.
2. Белоусова, А.К. Одаренность без границ: сопровождение одаренных детей с особыми образовательными потребностями [Электронный ресурс] / А.К. Белоусова, О.В. Барсукова, Т.В. Павлова // PsyJournals.ru. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/education21/issue/54379_full.shtml. – Дата доступа: 19.10.2018.

Поступила в редакцию 27.02.2019 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. Этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;
- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
- номер телефона, адрес электронной почты автора;
- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and Methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Results and discussions**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript

are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.